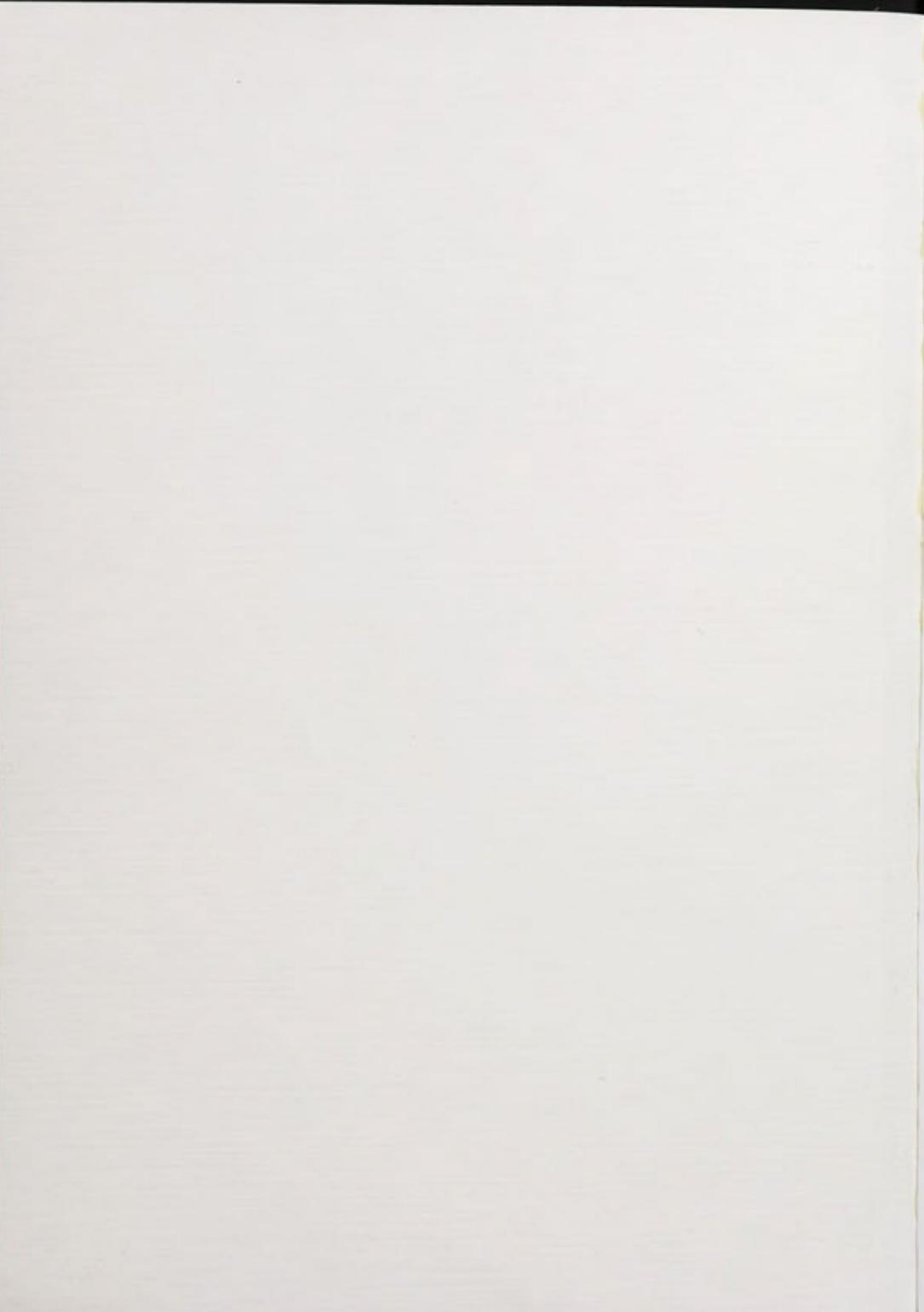

АРХІВАРЫУС

Выпуск 1

Мінск
2001

ДЗЯРЖАЎНЫ КАМІТЭТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

НАЦЫЯНАЛЬНЫ ГІСТАРЫЧНЫ АРХІЎ БЕЛАРУСІ

БЕЛАРУСКІ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧЫ ІНСТЫТУТ
ДАКУМЕНТАЗНАЎСТВА І АРХІЎНАЙ СПРАВЫ

*Серыя: гісторыя, архівазнаўства,
крыніцазнаўства*

Выпуск 1

АРХІВАРЫЎС

**Зборнік навукова-папулярных
паведамленняў і артыкулаў**

Мінск 2001

Нацыянальны гістарычны
архіў
БІБЛІЯТЭКА
І.З. № 25568

УДК 930.255(476):947.6"15/19"(082)

ББК 63.3(4Бен)

А87

Серыя заснавана ў 1998 годзе

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук *З.В.Шыбека*,
кандыдат гістарычных навук *В.Ф.Голубеў*

Рэдкалегія: *А.К.Галубовіч (старшыня), С.П.Адамовіч (адказы сакратар), У.І.Адамушка, У.М.Дзялісаў, Н.М.Леўчык, У.В.Фядосаў, З.Л.Яцкевіч*

Рэкамендавана Навуковай радай
Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі

Архіварыус: 3б. навук.-папул. паведамл. і арт..

А87 Рэдкал.: А.К.Галубовіч (старш.) і інш. — Мн.: НГАБ, 2001.— 190 с. — /Сер.: гісторыя, архівазнаўства, крыніца знаўства; Вып.1/

ISBN — 985-6099-71-4

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі падрыхтаваў 1-ы выпуск зборніка "Архіварыус", які заснаваны на дакументах і матэрыялах XVI — пачатку XX ст. Задача выдання — дапамагчы глыбей пазнаць гісторыю Беларусі з дапамогай архіўных дакументаў, расказаць аб найбольш значных і цікавых падзеях мінулага. Спадзяёмся, што зборнік з'явіцца адным з цікавых і эфектыўных відаў выкарыстання і прапаганды архіўных дакументаў.

Прызначаецца гісторыкам, краязнаўцам, архівістам, археографам, усім, хто вывучае гісторыю Беларусі на падставе архіўных крыніц.

УДК 930.255(476):947.6"15/19"(082)
ББК 63.3(4Бен)

ISBN — 985-6099-71-4

© Дзяржкамархіў, 2001
© НГАБ, 2001

УСТУП

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі падрыхтаваў да выпуску зборнік “Архіварыус”, які заснаваны на дакументах і матэрыялах XVI — пачатку XX ст.

Зборнік прысвечаны архівазнаўству, археаграфіі і крыніцазнаўству. Ён утрымлівае даследаванні гісторыкаў-архівістаў. Гэта першая спроба сцвердзіцца ў беларускай гістарыяграфіі. Падобных выданняў раней не было.

Зборнік мае 5 раздзелаў. Паведамленні і артыкулы, якія ўключаны ў яго, арыгінальныя ўжо па той прычыне, што грунтуюцца на першакрыніцах. Структура зборніка ўсебакова адлюстроўвае навуковыя інтарэсы калектыву аўтараў. Зборнік уключае ў сябе не толькі публікацыі архіўных дакументаў, але і матэрыялы пра праблемы захавання і выкарыстання архіўнай спадчыны і інш. Таму актуальнасць зборніка відавочная. Сярод аўтараў не толькі архіўныя работнікі, але ўвогуле даследчыкі беларускай гісторыі. Такі падыход дазволіць і ў перспектыве падтрымліваць высокі навуковы ўзровень зборніка.

Архівісты — гэта рыцары фактаў. Правільнасць сваіх меркаванняў яны даказваюць з дакументамі на руках. Таму ім трэба давяраць і радавацца, што падрыхтавалі да друку вельмі цікавы і карысны навуковы зборнік. Неабходнасць таго, каб “Архіварыус” стаў перыядычным выданнем, не выклікае ніякіх сумненняў. Архівісты НГАБ паклалі пачатак. Слова за іншымі архівамі нашай краіны.

ГІСТОРЫЯ

А.К. Голубович

Вехи пройденного пути

Каждый народ имеет свой национальный фонд "исторической памяти". Такой памятью, освещающей историю Беларуси с XV до начала XX в., являются документальные материалы, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси. Наш архив — это клад документальных богатств, у которых своя, многострадальная, история. Документы прошли сложный и трудный путь, побывав в архивах судебных учреждений Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, после вхождения Белоруссии в состав Российской империи — в палатах гражданских судов, архивах магистратов, ратуш, уездных судов, у частных лиц, затем в Витебском и Виленском архивах древних актов.

Мы помним традиции белорусских архивистов, кропотливых тружеников Витебского и Виленского архивов древних актов Александра Михайловича Сазонова, Михаила Лаврентьевича Веревкина, Алексея Парфеновича Сапунова, Дмитрия Ивановича Довгялло и др., плодами трудов которых по собиранию и упорядочению архивных документов до сегодняшнего дня пользуются историки и архивисты.

После 1917 г. документы исторического архива хранились в Центральном архиве БССР, Витебском, Минском и Могилевском исторических, а затем областных архивах.

Архивные работники под руководством историков-архивистов Дмитрия Федоровича Жилуновича (Тишки Гартного), Владимира Ивановича Пичеты, Дмитрия Ивановича Довгялло, Михаила Викентьевича Мелешко и др. в трудных условиях войны, голода и разрухи сумели собрать и сберечь основные комплексы архивных фондов.

Комплекс документов исторического профиля в объединенном виде получил свою прописку 5 июля 1938 г., когда постановлением Президиума ЦИК БССР Могилевский исторический архив был реорганизован в Центральный исторический архив. С этого момента мы и ведем историю нашего архива. Если вести счет с самого древнего документа, который датируется 1397 г., то архиву 602 го-

да, если с образования Несвижского архива рода Радзивиллов (1551) — 448 лет, если с 1862 г. со дня образования Витебского архива древних актов книг — 137 лет.

В сентябре 1938 г. архив в числе других архивных учреждений был передан в ведение НКВД БССР, что привело к негативным последствиям: необоснованному ограничению доступа к документам и, как следствие этого, отрыву от научно-исследовательских учреждений.

К 1941 г. в ЦГИА БССР было сосредоточено 1560 фондов объемом более 382 тыс. дел. В период Великой Отечественной войны большая часть документов и научно-справочный аппарат к ним погибли, часть документов вывезена в Ригу и Германию, имущество архива уничтожено и разграблено.

После освобождения города Могилева от немецко-фашистских захватчиков 28 июня 1944 г. в архиве имелось только 44 дела. Сотрудники архива приступили к эвакуации и учету документов своего профиля и упорядочению возвращенных фондов. Возвратить удалось свыше 38054 дел из 700 фондов, ни один из которых не имел полного состава. Дела были сырыми, потрепанными, требовали ремонта, не было здания архива, не хватало квалифицированных кадров. И только кропотливый труд энтузиастов архивного дела позволил провести учет, ремонт, нумерацию листов дел, составление заголовков, оформление обложек, описание дел, их систематизацию, формирование связок, топографирование, расположение на стеллажах в помещении клуба швейной фабрики. Только за 1946 г. было обработано комплексно-бригадным методом 670 фондов в объеме 43479 дел и 161 кг россыпи в порядке помощи ЦГАОРУ.

Мы с уважением и благодарностью вспоминаем наших коллег Ахраловича Георгия Аркадьевича, Гусаревич Валентину Андреевну, Козлова Павла Михайловича, Кундалеву Татьяну Яковлевну, Мелашунас Елену Петровну, Напресенко Татьяну Ефимовну, Низовцову Анну Ульяновну, Тюрину Ольгу Прокофьевну, Эрперт Анну Иосифовну, Юрченко Сергея Антоновича, Яновскую Людмилу Николаевну и др., которым в 40 — начале 50-х годов, в самый тяжелый период в истории архива, приходилось восстанавливать его работу заново.

В 1947 г. архиву переданы сохранившиеся дореволюционные фонды из государственных архивов Витебской и Гомельской областей.

В начале 1948 г. архив после долгих мытарств получил здание бывшего костела по ул. Комсомольской, 4. Прежде чем перемещать дела в здание, не во всем соответствующее правилам хранения документов, их приходилось просушивать, обезвреживать от грызунов. В 40 — начале 50-х годов постоянно проводилось сооружение стеллажей, а до завершения этой работы документы хранились в штабелях.

Только к 1950 г. завершена научно-техническая обработка документов по сокращенному циклу, а с 1951 г. приступили к их картонированию.

Большое значение для архива и всех архивных учреждений имело преобразование Архивного управления МВД БССР в Архивное управление при Совете Министров БССР по постановлению ЦК КПБ и СМ БССР от 1 марта 1960 г., что привело к широкому использованию документов в научных целях и удовлетворении общества в документной информации.

Организация использования документов являлась основной задачей архивных учреждений.

Понимание задач, стоящих перед архивным делом, умение ценить архивные документы, инициатива, энергия и незаурядные способности директора Михаила Федоровича Шпакова, его заместителя Владимира Петровича Похвалова, Эдуарда Михайловича Савицкого и других сотрудников позволили им так организовать использование документов архива, что Архивное управление Белоруссии рекомендовало всем архивам республики изучить опыт ЦГИА БССР в г. Могилеве и внедрить его в свою практику.

Так, в 50 — начале 60-х годов втрое возросло число исследователей, работавших в читальном зале архива.

Сотрудники архива приняли участие в V сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, выступив с докладом о реализации реформы 1861 г. в Витебской и Могилевской губерниях. Тезисы доклада опубликованы.

Архивистами подготовлено и опубликовано ряд историко-экономических очерков по городам, районам и селам Витебской, Гомельской, Могилевской, Брянской областей.

В архиве были организованы ежедневно с 16 до 18 часов дни открытых дверей, где экспонировались выставки, проводились лекции и беседы.

В эти годы сотрудники архива принимали участие в подготовке документальных сборников "Революционное движение в Белорус-

сии. 1905—1907 гг." (Мн., 1955), "Крестьянское движение в Белоруссии после отмены крепостного права (1861—1862 гг.)" (Мн., 1959) и сборников общесоюзного значения. Издан путеводитель по ЦГИА БССР в г. Могилеве, подготовлены 8 обзоров: "Витебское губернское правление", "Канцелярия генерал-губернатора витебского, могилевского, смоленского", "Витебский губернский статистический комитет", "Горещкие сельскохозяйственные учебные заведения" и др., ряд тематических обзоров. Создавался страховой фонд на документы, состояние которых вызывало опасения.

1963 г. — это новая веха в истории архива. В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 11 ноября 1963 г. "О мерах по улучшению архивного дела в БССР" ЦГИА БССР переведен из Могилева в Минск и ему переданы документы дореволюционных фондов из Государственного архива Минской области, а также комплекс древних актов из ЦГИА БССР в г. Гродно. По меркам тех лет архив получил прекрасное здание по ул. Козлова, 26.

Произошло объединение части коллективов сотрудников ЦГИА БССР в г. Могилеве и Государственного архива Минской области со своими традициями, научно-методической базой, достигнутыми успехами, что оказало плодотворное влияние на вновь созданный коллектив.

В 1974 г. издан путеводитель по ЦГИА БССР в г. Минске. В этот справочник вложен большой научный труд слаженного коллектива составителей Е. Л. Бравер, Н. К. Бульги, Т. А. Воробьевой, А. П. Лазарук, Т. Е. Леонтьевой, Н. Н. Масалович, М. Т. Минько, В. П. Миронова, Д. И. Родионовой, Г. И. Шостак, А. Г. Азаровой, Н. И. Булдаковой, Б. З. Пригожиной.

Труд составителей осложнялся тем, что одновременно с подготовкой характеристик и аннотаций к фондам проводилось уточнение фондирования, учетно-справочных данных, истории фондообразователей по комплексам документов трех архивов, объединенных в ЦГИА.

Ответственным редактором издания был старший научный сотрудник Института истории АН БССР доктор исторических наук З. Ю. Копыцкий.

Одновременно и в связи с подготовкой путеводителя готовились и другие справочники.

Так, при уточнении фондирования магистратов, гродских, земских судов и других учреждений возникла необходимость составления переводной таблицы шифров дел архива к "Каталогу" Никиты

Ивановича Горбачевского. Сотрудниками архива проделана большая работа по восстановлению номеров актовых книг по вышеупомянутому каталогу и составлена сводная переводная таблица, которая получила высокую оценку отечественных и зарубежных исследователей.

Исторические справки к фондообразователям, составленные в процессе подготовки путеводителя, явились фундаментом Справочника по истории учреждений, организаций и предприятий Минской губернии за 1795—1917 гг. По инициативе Т.Е.Леонтьевой, ставшей ответственным составителем справочника, история учреждений Минской губернии была уточнена и существенно дополнена. И только теперь появилась возможность его издания.

В эти годы формировался и каталог архива (из тематических карточек Могилевского исторического архива, Минского областного по дореволюционным фондам и тематических карточек вновь созданного архива). Каталогизация проводилась как самостоятельный вид работы.

Подготовлены обзоры фондов "Минская губернская земская управа", "Старший фабричный инспектор Минской губернии", "Радзивиллы, князья", ряд тематических обзоров.

Работа архивистов по созданию научно-справочного аппарата (НСА) к документам архива высоко оценивалась исследователями. И тех и других объединяло одно высокое стремление — участвовать в развитии общественных наук.

В организации использования документов продолжены лучшие традиции Могилевского исторического архива. Продолжалось участие сотрудников архива в симпозиумах по аграрным вопросам.

По инициативе директора архива И.В.Рощина и заведующего отделом Т.А.Воробьевой ежегодно по документам архива проводились 2—3 передачи телеальманаха "Архивариус", в связи с чем телестудия получала хорошие отзывы. В эти годы ряд телепередач по документам архива транслировался на Москву.

Только за два года (1967—1968), когда отмечалось 50-летие декрета СНК "О реорганизации и централизации архивного дела", подготовлено и опубликовано 129 статей и информации в периодической печати, 69 телепередач, 203 радиопередачи. Дни открытых дверей снимались съемочной группой телестудии и транслировались в телевизионных новостях.

Сотрудники архива принимали участие в подготовке сборников документов "Революционный подъем в Литве и Белоруссии в

1861—1862 г." (М., 1964); "Восстание в Литве и Белоруссии (1863—1864)" (М., 1965); "Белоруссия в эпоху феодализма", т. 1-3 (Мн., 1959—1961); "Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв. Владение Сморгонь" (Мн., 1977), получивших высокую оценку общественности. Так, о сборнике "Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв. Владение Сморгонь" председатель археографической комиссии Академии наук СССР Сегурд Оттович Шмидт писал: "Это важная научная публикация, которая окажется необходимой и ученым — специалистам (историкам, экономистам), и практическим работникам архивов, и студентам. Это и убедительное свидетельство высокой археографической и архивоведческой культуры, теснейшей взаимосвязи археографии и источниковедения. Можно не сомневаться в том, что подобные издания существенно способствуют и развитию источниковедения и всестороннему изучению социально-экономической истории".

Именно 60-е годы остались в памяти как годы активных методических совещаний в Главархиве БССР, тесных контактов архивистов с научно-исследовательскими учреждениями. Архивисты участвовали в научных конференциях и симпозиумах, защитах кандидатских и докторских диссертаций, подготовленных по документам архива. В свою очередь, ученые активно откликались на решение проблем архивоведения и археографии.

К сожалению, в последующие годы эти взаимно обогащающие контакты ослабли, а по ряду направлений и вовсе исчезли.

В 70—80-е годы особенно важное значение приобретает публикационная работа. Архив — участник подготовки сборников документов "Белоруссия в эпоху феодализма", т. IV (Мн., 1979); "Белоруссия в эпоху капитализма", т. I (Мн., 1983); "Революционное движение в Белоруссии (июнь 1907 — февраль 1917)" (Мн., 1987).

Как головная организация архив выступил в подготовке сборников документов "Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв. Владение Тимковичи" (Мн., 1982) и "Социально-политическая борьба народных масс Белоруссии (конец XIV в. — 1648 г.)", т. I (Мн., 1988) совместно с Институтом истории АН БССР.

Организованы в архиве методическая работа, внедрение нормативных, научно-методических разработок и передового опыта архивных учреждений страны. В качестве соисполнителей сотрудники

архива участвуют в разработке совместно с ВНИИДАД ряда научно-исследовательских тем.

Работа коллектива архива получила достойную оценку. В 1986 г. он занял первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании коллективов ГАС СССР, за что награжден переходящим Красным Знаменем Главархива СССР и ЦК профсоюза работников госучреждений.

В 1987 г. за второе место в республиканском соцсоревновании архивных учреждений БССР коллектив награжден Почетной грамотой Главархива БССР и ЦК профсоюза работников госучреждений с занесением в Книгу чета Главархива БССР.

Коллективу вручены также свидетельство Главного комитета Выставки достижений народного хозяйства СССР об утверждении архива участником ВДНХ СССР (1984), Почетная грамота Главархива СССР за активное участие в общественном смотре сохранности документов (1985). Почетная грамота Главархива СССР и ЦК профсоюза работников госучреждений за хорошие результаты, достигнутые во Всесоюзном соцсоревновании коллективов учреждений ГАС СССР.

Успех коллектива — это результат слаженного труда его сотрудников.

В эти годы в архиве трудилась славная плеяда высококвалифицированных, энергичных, неутомимых историков-архивистов: Т.Е.Леонтьева, Э.Л.Козловская, Т.А.Воробьева, Е.Л.Бравер, Н.К.Булыга, Ю.А.Капица, В.П.Миронов, Р.Г.Миронова, Н.Л.Рябцевич, Ю.С.Сидельникова, Б.З.Пригожина, Н.И.Сергунина и другие специалисты, которые были примером для молодых сотрудников. Директорами архива были П.К.Лещенко, П.М.Судиловский, Ю.А.Капица, Е.И.Барановский. Способствовали развитию архива и архивного дела председатели Главархива БССР А.И.Азаров, В.В. Лашкевич, зам.председателя В.Н. Жигалов, кураторы архива Т.В. Комарова, С.Д. Гриневич, В.И. Пташникова, а также А.И. Карпачева и др.

В соответствии с решением Госкомархива Республики Беларусь от 12.06.1995 г. архив получил статус Национального и стал называться Национальный исторический архив Беларуси. Сменил архив и юридический адрес, переехав на ул.Кропоткина, 55.

В настоящее время в архиве хранится 3091 фонд, свыше 1 млн. дел, многие из которых — уникальные памятники национальной культуры, создававшиеся на протяжении XV—XX вв. Это докумен-

ты о политической, социально-экономической и культурной истории белорусского народа. Наиболее древние из них — акты и книги судебных учреждений за XV—XVIII вв., являющиеся важнейшей источниковой базой для изучения разных аспектов истории Белоруссии периода феодализма.

В фондах архива хранятся подлинные пергаментные грамоты XV—XVII вв., написанные на старобелорусском, старопольском и латинском языках.

Большую историческую ценность имеют документы об одном из крупнейших восстаний белорусских крестьян в Кричевском старостве в 1740—1744 гг. под руководством Василия Вапшылы.

В архиве находятся на хранении документы, связанные с именем нашего соотечественника Андрея Тадеуша Бонавентуры Костюшко. Большой интерес представляют документы архива по истории Северной войны (1700—1721), войны 1812 г., русско-турецкой (1877—1878), русско-японской и первой мировой войн.

Большое количество архивных материалов посвящено национально-освободительному, рабочему и аграрному движению на Беларуси. Это дела, рассказывающие о формировании и боевых действиях повстанческих отрядов во время восстаний 1830—1831, 1863—1864 гг., арестах, обысках, наказаниях их участников, протоколы допросов, списки участников восстаний и т.д.

К числу документальных богатств принадлежат материалы, связанные с именами композиторов М.К.Огинского, М.Л.Глинки, С.Монюшко; писателей и поэтов М.Богдановича, Я.Коласа, Я.Купалы, М.Льнькова, И.С.Тургенева, В.Г.Белинского; художника И.Е.Репина, документы о начале деятельности первого президента АН Беларуси В.М.Игнатовского и др.

Среди архивных материалов особое место занимают документы о строительстве и деятельности основанной в 1758 г. Слуцкой фабрики персидских тканей и поясов, воспетых в свое время Максимом Богдановичем.

В архиве находятся фонды культурно-просветительных и учреждений народного образования бывших Витебской, Минской и Могилевской губерний.

Большую ценность представляют документы по экономической истории Беларуси. Архив хранит большое количество инвентарей помещичьих и государственных имений, которые являются основным массовым источником по истории белорусской деревни XVI — первой половины XIX в. На хранении архива также находятся до-

кументы, касающиеся памятников архитектуры. Благодаря этим материалам была разработана проектная документация по восстановлению, реставрации и паспортизации таких памятников, как Софийский собор в Полоцке, костел Святого Роха на Золотой Горке в Минске, замок в Мире, дворец Огинского в Залесье и др. Составлены планы регенерации исторических центров Бреста, Витебска, Минска, Могилева, Заславля, Несвижа, Полоцка, Новогрудка.

В документах архива хранятся сведения о событиях 1905—1917 гг., в частности о трагедии 18 октября 1905 г. в Минске, известный под названием "курловского расстрела".

Среди документов архива — уникальные источники личного происхождения. Это фамильные фонды князей Радзивиллов, Друцких-Любецких, Любомирских, Паскевича-Эриванского, графов Плятер-Зибергов, Румянцева-Задунайского и др.

В последние годы у людей возрос интерес к своему прошлому, связанный с воссоединением разрушенных историческими катаклизмами XX в. семейных и родственных связей. Все больше и больше граждан как ближнего, так и дальнего зарубежья обращаются в архив за генеалогическими сведениями. Такие данные содержатся в фондах религиозных учреждений, дворянских депутатских собраний, казенных палат, мещанских управ, статистических комитетов, фамильных фондах.

Все возрастающий интерес к истории своего рода поставил на повестку дня разработку программы "Наш родовой", которая предусматривает создание общенационального банка данных. Исполнение этой программы позволит каждому гражданину получить определенную генеалогическую информацию, независимо от сословной принадлежности.

Национальный исторический архив Беларуси в соответствии с Законом "О национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь" осуществляет государственное хранение документов общенационального значения и относится к научно-исследовательским учреждениям. Ведет научно-методическое руководство работой с документами своего профиля.

Решением стоящих перед архивом задач занимаются отделы: обеспечения сохранности документов и фондов; информации, публикации и научного использования документов; древних актов; информационно-поисковых систем; автоматизированных архивных технологий; административно-хозяйственный. Научно-

справочная библиотека архива насчитывает более 25 тыс. экз. книг, 11 тыс. дореволюционных газет и журналов.

В соответствии с Положением, утвержденным Госкомархивом, задача НИАБ — сохранить документы и организовать их использование.

Чтобы предоставить обществу ретроспективную информацию, необходимо прежде всего сохранить носители и текст этой информации. Наши документы, как и люди, "стареют", "умирают", нуждаются в профилактическом осмотре и "лечении".

С этой целью проводится комплекс работ по обеспечению сохранности документов: создание оптимального температурно-влажностного режима, дезинфекция, реставрация, переплет, создание микрофотокопий особо ценных документов.

Создается и совершенствуется научно-справочный аппарат, облегчающий поиск требуемой документной информации. Создан систематический, именной и сфрагистический каталоги, имеются тематические обзоры и обзоры фондов. Информирование государственных учреждений о документах по проблемам политического и экономического прошлого республики, вопросам науки и культуры; предоставление документов исследователям в читальном зале архива; выдача копий документов; организация документальных выставок; публикации в печати; привлечение документов для подготовки теле- и радиопередач; исполнение тематических, генеалогических запросов и запросов социально-правового характера; подготовка сборников документов — вот далеко не полный перечень форм использования архивных документов в удовлетворении потребностей общества в ретроспективной документной информации.

Одновременно архив сотрудничает и с зарубежными научными и архивными учреждениями.

Над документами архива работает широкий круг исследователей — историки, филологи, писатели, кинорежиссеры, художники, музыканты, архитекторы, краеведы.

Сотрудники архива ведут значительную работу по оказанию помощи в поиске документов для написания районных книг — хроник "Память", многочисленной армии краеведов в изучении родного края, создания краеведческих музеев, мемориальных музеев наших известных соотечественников. Так выявлены и переданы для экспонирования копии документов архива в литературные

музеи белорусских поэтов Я.Купалы, Я.Коласа, М.Богдановича, А.Мицкевича, музеи фабрик, заводов, школ.

Оказываемые архивом услуги носят в основном бесплатный характер. На договорной основе ведется лишь исполнение тематических и генеалогических запросов, копирование документов.

НИАБ — участник международных и республиканских научных конференций, семинаров.

Сотрудники архива принимают участие в подготовке нормативных и методических пособий по основным направлениям работы архива.

В решении задач, стоящих перед архивом, большую помощь оказывает Госкомархив, председатель А.Н.Михальченко, заместитель председателя В.И.Адамушко, сотрудники комитета.

В настоящее время в архиве работает 70 человек. Ветеран нашего архива Наталья Николаевна Левчик, которая окончила МГИАИ, отличник архивного дела, все эти годы посвятила себя созданию и усовершенствованию НСА к документам архива. Специалистами в своей отрасли стали зав.отделом Г.Е.Акулович, ведущий научный сотрудник И.Н.Шпилевская, зав. архивохранилищем И.Г.Корнеева, которые юными девочками пришли в коллектив и вот уже более 20 лет постигают профессию архивиста. 20 лет работают в архиве зав.отделами А.А.Станкевич, А.Ф.Александрова, ведущий научный сотрудник С.Я.Трацевская, зав. архивохранилищем Г.В.Барсукова, 15 лет добросовестно трудятся ведущие научные сотрудники И.Л.Новикова, М.Н.Ульянова, Г.Н.Кутукова, вед. архивист Л.Д.Гусакова, более 10 лет работают в архиве главные архивисты Е.И.Юцевич, Т.Н.Котик, Л.А.Ковалева, архивист 1-й категории Н.Н.Алипченко. Добросовестны в работе ведущий научный сотрудник И.Л.Вернер, главные архивисты Е.В.Бояльская, С.В.Нечай, О.Х.Коноваленко, Н.М.Казаполянская, старшие научные сотрудники В.В.Губина, С.М.Корбут, А.Л.Гривенев, ведущий научный сотрудник А.А.Лашкевич, ведущие палеографы А.И.Груша, О.В.Бобкова, ведущие архивисты Н.Г.Бартасевич, С.С.Поскребка, Н.А.Бабич, архивисты 1-й категории О.И.Акула, Т.В.Елисеева, Н.И.Цимончик, С.Н.Хлябич, И.Г.Панасюк, А.В.Вялых, главный бухгалтер Р.Ф.Бабич, ведущий бухгалтер С.М.Пупко. Творчески заинтересованно работают ведущие научные сотрудники С.А.Рыбчонок, В.Н.Денисов, Д.Л.Яцкевич, Н.А.Барсукова, главный архивист Г.М.Брегер.

В 1996 г. архив переехал в новое, прекрасное здание. И здесь, чтобы мы почувствовали, что это наш дом, заслуга главного инженера Н.П.Демченко, техника Н.М.Трубникова, заведующего хозотделом А.Г.Ващекина, наших женщин, которые содержат в чистоте служебные помещения и хранилища.

Пройден славный путь. Впереди нам предстоит совершенствовать свою работу, чтобы безмолвные свидетели прошлого помогали нам глубже заглянуть в историю, постигнуть связь событий и времен.

С. Ф. Адамович

Свято-Михайловская церковь в Зембине: история строительства и существования

Зембин — одно из старейших поселений. Расположено недалеко от г. Борисова при старой виленской дороге, на берегу р. Зембинки, притоке р. Гайны¹. По мнению автора "Краткого топонимического словаря Белоруссии" В.А. Жучкевича, название этого древнейшего местечка с течением времени претерпело постепенное, но значительное изменение: В.А. Жучкевич предполагает, что исходной формой было название "Жабин" от личного имени Жаба. В одном из старейших картографических источников польской карте XVI в., приведенной А.Сапуновым (Витебская старина, т.1, В., 1885), значится Zębin. Позднейшее происхождение имеет и сочетание -мб- при польской адаптации от названия поселения и речки Зембинки ... т.е. происхождение названия представляется в следующем виде: Жабин – Жебин – Зебин – Зембин².

В XVI в. Зембин, как сообщают библиографические и архивные источники, принадлежал известному богатому роду Кишков (герб Домброво); известно, что в 1612 г. Станислав Кишка, витебский воевода, составил завещание, в соответствии с которым все многочисленные родовые владения были поделены между его 4 сыновьями. Имение Зембин среди прочих, в соответствии с желанием С.Кишки, переходило к его старшему сыну — Станиславу Кишке, витебскому схоластику и секретарю польского короля Сигизмунда III; акт наследования подтвержден записью в Книге Трибунала

Великого княжества Литовского 4 августа 1612 г. и повторенной 25 апреля 1752 г. в книге Минского магистрата³.

Позже Зембин стал собственностью Саковичей (к сожалению, источники не сообщают, каким путем — продажи, обмена, либо в результате брака — имение перешло к новым хозяевам); доподлинно известно, что в 1640 г. Адам Сакович вместе с женой Марианной (урожд. Тышкевич) пожертвовали значительные средства на строительство в своем зембинском имении костела.

Впоследствии Зембином владела Станислава Раецкая*.

После второго раздела Речи Посполитой (1793) имение Зембин вместе с местечком было секвестровано в государственную казну, но вскоре выкуплено Иоахимом Хрептовичем. Сын Иоахима Иреней, не дорожа приобретенным отцом владением, распродал его по частям разным лицам. Собственно Зембин приобрел Лиходиевский, который затем уступил свои права на него Арону Тайне.

За долгий период своего существования Зембин перенес много потрясений, но одним из наиболее разрушительных, принесших огромные человеческие и материальные потери, было нашествие французских войск во время Отечественной войны 1812 г., сопровождавшееся грабежами, пожарами и убийствами. Сохранилось предание, что после проигранной битвы на р. Березине близ Борисова в Зембине ночевал французский император Наполеон Бонапарт.

Древность Зембина подтверждается большим количеством в его окрестностях курганов и городищ и находившимися в них археологическими находками дохристианской эпохи.

В середине XIX ст. на территории Беларуси возобновлено церковное строительство: историки связывают это с деятельностью начальника Северо-Западного края графа М.Н.Муравьева, которому большую помощь оказывали церковные попечительства, открытые повсеместно, а также церковные братства, "... начавшие возникать вместе с пробудившимся стремлением к восстановлению в крае древнего православия"⁴.

По мнению А.И.Миловидова, успех церковно-строительного дела на белорусских землях связан также с "...сочувствием и участием русского общества, духовенства. Почти ни один план, ни

---

* Вторая жена Адама Саковича, после смерти которого С.Раецкая вышла замуж за Николая Потоцкого; кому принадлежало имение позже — точно не известно.

одно важное дело не обходилось без предварительных сношений с епархиальной властью и ближайшим образом с митрополитом"⁵.

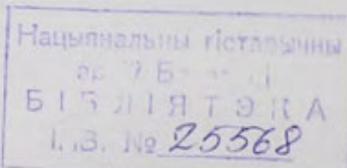
Все проекты церквей, как на их ремонт, так и на новое строительство, как правило, согласовывались с российскими властями: пример того – согласование и утверждение в С.-Петербурге проекта Зембинской церкви, разработанного минским епархиальным архитектором В.Струевым. Проект Зембинской церкви отражает установку правительства на утверждение православия во всех его проявлениях: М.Н.Муравьев требовал, чтобы "вновь строящиеся церкви были похожи на великорусские не только по внешности, но и по внутреннему устройству..."

Стремление увидеть древнее зодчество как бы заново, подчеркнуть и выделить в нем то, что было особенно близко художественному мировоззрению эпохи, отличало творчество архитекторов второй половины XIX — начала XX в.: мы видим многочисленные попытки возрождения внешних форм древнерусского зодчества, которые обусловили существование псевдорусских течений в архитектуре того периода. Искусствовед Е.А.Борисова в одной из своих работ пишет: "Новый "псевдорусский" стиль предполагал не только обращение к забытым шедеврам древнерусского зодчества, но и определял поиск новых декоративных орнаментальных форм и стремление связать их с конструктивными новшествами"⁶.

Во второй половине XIX – начале XX ст. было построено много узорчатых кирпичных псевдорусских церквей. Церковь в Зембине – одна из них. Однако необходимо отметить, что, несмотря на наличие "типового подхода" в решении основного объема, архитектурный декор выполнен в традициях белорусского национального искусства.

История начала существования зембинской церкви недостаточно ясна. В работе "Описание церквей и приходов Минской епархии" за 1879 г. сообщается: "...Церковь существовала здесь ранее 1752 г. ... находилась в центре местечка..."⁷ К сожалению, ни в названной работе, ни в других изданиях нет точной информации, когда был основан храм и кто был его фундатором.

Известно, что в 1809 г. уже не в центре, а на окраине местечка была возведена новая деревянная церковь, освященная во имя Св. Архистратига Михаила⁸. В 1869 г. деревянная церковь в Зембине капитально отремонтирована: обнаруженные в фонде "Церковно-строительного присутствия" Национального исторического архива

Беларуси чертежи и описание церковного здания по состоянию на 1862 г. позволяют представить, как выглядела Зембинская церковь, существовавшая до начала XX ст. Прямоугольное в плане здание имело притвор и выступающую апсиду, над крышей возвышались завершающиеся куполами башня, колокольня, расположенная со стороны главного фасада, и небольшая башенка с глухим куполом в середине церковного здания. Окна расположены в один ряд, имелось двое дверей. Крыша на церкви была гонтовая, на куполах – железная. Снаружи здание было покрашено масляной краской⁹.

Имеются сведения, что в церковном архиве хранились документы начиная с 1752 г.¹⁰

В Национальном архиве Республики Беларусь сохранилось большое количество материалов, относящихся к истории существования деревянной Зембинской церкви периода XIX ст.

21 мая 1900 г. православную общину м. Зембин постигло большое несчастье: во время пожара Михайловская церковь уничтожена огнем. Храм и прежде подвергался пожару: например, известно, что Свято-Михайловская церковь сильно повреждена пожаром, происшедшим 24 июня 1882 г., но после ремонта вновь освящена борисовским благочинным протоиереем Пастернацким 12 сентября 1882 г.¹¹ Однако майский пожар 1900 г. не оставил надежды на сохранение старого здания церкви и поэтому встал вопрос о строительстве новой приходской церкви.

В "Протоколе строительного отделения Минского губернского правления" от 18 июля 1901 г. обнаружена запись об утверждении сметы и проекта на постройку новой каменной церкви в Зембине. По вопросу о строительстве храма выступал губернский архитектор Добролюбов: предложенная им сметная стоимость в 18 938 руб. 84 коп. была утверждена, средства на строительство церкви выделялись казной¹².

Проект церкви выполнен архитектором В. Струевым: в настоящее время он хранится в фонде Российского государственного архива г. С.-Петербурга¹³.

Комплект чертежей содержит ситуационный план местности, план церковного здания, главный и боковой фасады и разрез. Чертежи были посланы в Хозяйственное управление при Св.Синоде для утверждения, которое было получено, как свидетельствует запись, 12 ноября 1901 г.¹⁴

Несмотря на то, что проект церкви и разрешение на ее постройку датированы 1901 г., закладка церковного здания состоялась лишь в

июле 1903 г. Этот вывод можно сделать на основании текста телеграммы, адресованной Его Преосвященству: в ней содержится просьба разрешить закладку фундамента новой Зембинской церкви¹⁵.

Разрешение было дано: началось строительство церкви. Это видно из содержания "Приходно-расходных книг Свято-Михайловской церкви" первого десятилетия XX в. Однако сначала работы велись очень медленно и лишь в 1907—1908 гг. строительные мероприятия активизировались и не были прекращены даже после освящения церкви, которое состоялось 19 октября 1908 г. Акт освящения совершил борисовский протоиерей Фалевич¹⁶.

В "Расходной книге" за 1908 г. содержится, например, следующая информация: "Уплачено:

за изготовление ворот при церкви — 1 руб.;

за иконы царских ворот — 4 руб.;

за окраску киота — 1 руб.;

архитектору Струеву по распоряжению архипастыря было уплачено 25 руб. за осмотр работ по постройке церкви"¹⁷.

В "Клировой ведомости" церкви за 1909 г. сообщается: "...престолов в ней два: главный освящен во имя Архистратига Михаила, а другой еще не освящен. Утварью достаточна. Земли при сей церкви как пахотной, так и сенокосной считается 56 дес. и 2280 саж., на каковую имеется план. Церковь каменная, прочна, вместе с колокольнею.

Дом со службами для священника и псаломщика по распоряжению ... от 11.12.1887 г. за № 2225 церковное попечительство начало возводить, но по случаю нового положения 14 июля 1888 г. работы были приостановлены до отпуска денег по новому положению. Дом для священника окончен с подряда, деньги еще не уплачены. Для псаломщика никаких построек нет. Священник из дворян — Константин Николаевич Шафалович, окончил Минскую духовную семинарию"¹⁸.

Документы свидетельствуют, что в 1909 г. работы по устройству церкви продолжались: велась реставрация старых икон, поврежденных во время пожара, завершались столярные работы. В 1910 г., как зафиксировано в документах, "мастер-иконостащик Ермолович за сделание и доставку согласно условию" иконостаса получил 190 руб., а также 25 руб. за "сделание херувимов над местными

¹⁵ В Зембине стал священником в 1868 г. Псаломщиком в 1901 г. был Андрей Тарасевич. "Памятная книжка Минской губернии". С. 73.

иконами и киотом Св.Архистратига Михаила¹⁹. В том же году в церкви были поставлены новые скамьи и сделаны лестницы²⁰.

В "Ведомости церкви" за 1910 г. сообщается, что во время пожара 1900 г. уничтожены часть архива и церковная библиотека²¹.

В "Страховой оценке Архистратиго-Михайловской церкви в м.Зембин" за 1910 г. имеется описание храма, а также других принадлежащих ей строений. Поскольку это одно из наиболее полных описаний исследуемого строения, считаем возможным привести цитату из документа: "... Архистратиго-Михайловская церковь кирпичная на каменном фундаменте, снаружи и внутри оштукатурена" и покрашена известковой краской, покрыта оцинкованным железом, пол цементный. Длина церкви, считая и колокольню, 45 аршин (равна 31,95 м), наибольшая ширина 31½ аршина, высота до верха карниза 16 аршин; на церкви имеются 2 большие главы, больших окон 21 шт., малых внутренних — 4 двустворных и 1 одностворное; иконостас длиной 11 аршин, высотой 11 аршин (оценен в 1100 рублей). Колокольня в 3 яруса общей высотой до верха карниза 32 аршина. Ближайшая к церкви чужая постройка — народное училище — находится в сквере с восточной стороны на расстоянии 14 аршин. Церковь построена в 1908 году, строение сохранилось хорошо. Оценена вместе с иконостасом и колокольней в 20000 руб."²²

В комплекс церкви, как следует из содержания документа, входил деревянный на каменном фундаменте причтовый дом, оштукатуренный и покрытый гонтом, бревенчатый амбар, деревянная конюшня. К Зембинской Михайловской церкви были приписаны Дмитриевская церковь в д.Костюки, Иоанно-Предтеченская церковь в ур.Любча и часовня на кладбище при д.Заценьс; в Зембине на кладбище существовала деревянная без фундамента, крытая гонтом часовня, на момент составления документа находившаяся в ветхом состоянии²³.

В 1913 г. в Зембинскую церковь назначен новый священник — Константин Денисович Радзивинович, 27 лет, сын псаломщика²⁴.

В эти годы продолжавшиеся работы по отделке здания касались, прежде всего, интерьера церкви: обнаружены сведения, что в 1913 г. был "закуплен цемент для починки пола в церкви, гвозди

¹⁹Снаружи оштукатурены и побелены были только оконные обрамления, портал, рустованные лопатки, аркатурный фриз и карниз.

для подшивки потолка в колокольне; велись плотницкие работы на церковной крыше..."²⁵

Строительство кирпичной Свято-Михайловской церкви в д.Зембин, заложенной в июле 1903г.^{*}, было в основном закончено к 1908 г.: 19 октября 1908 г. состоялось освящение нововыстроенного храма, однако отделочные работы продолжались еще несколько лет.

Один из старожилев Зембина – Петр Иванович Самцов сообщил, что кирпич для строительства Михайловской церкви изготавливался в соседней деревне – Лавниках, причем практически ручным способом (кирпичного завода не было).

После событий, происшедших в октябре 1917 г., в результате которых был изменен государственный строй, положение духовенства и условия существования всех учреждений культа резко изменились к худшему: многие храмы подверглись разграблению, закрытию и разрушению. 1 марта 1927 г. на очередном пастырском совещании духовенства Борисовского округа, на котором присутствовал священник Зембинской церкви о.Константин^{**}, обсуждался вопрос "о крайней необходимости скорейшего объединения, вопросы организации окружного съезда, а также новых форм общественной жизни и быта..."²⁶

К сожалению, каких-либо документов, освещающих период существования Свято-Михайловской церкви в 1920—30-х гг., не сохранилось. Из рассказов старожилев Зембина^{***} известно, что официального указа о закрытии церкви православная община не получала, но из-за постоянных угроз, из-за периодических арестов священника церковь часто была закрыта. Однако, несмотря на сложную социальную и политическую ситуацию конца 30-х гг. XX ст., в храме продолжали совершаться обряды венчания, крещения и т.д.

В первые годы Великой Отечественной войны, несмотря на то, что в Зембине располагался гарнизон фашистов, в церкви велись богослужения. Позже, вследствие активизации действий белорусских партизан и наступления войск Красной Армии, немцы приспособили здание церкви и прилегающую территорию в свой обо-

---

* Жители Зембина утверждают, что в абсиде костела с наружной стороны здания находилась плита с информацией о времени строительства церкви (правда, указывалась другая дата закладки — 1905 г.) и фамилией священника.

**О.Константин Радзивинович.

***Жители д.Зембин: В.Д. Мороз, М.И. Продзятрович и др.

ронительный пункт. Во время освободительных боев 1944 г. Зембин был сильно разрушен, но здание церкви пострадало незначительно.

После окончания войны Свято-Михайловский храм не был возвращен православным верующим, а был приспособлен колхозом "Заря коммунизма" под склад для сельхозпродукции и молотилку*.

Дату официального закрытия церкви установить не удалось. По данным священника Зембинской церкви – отца Александра**, собравшего значительную информацию о послевоенном периоде существования церковного здания, часть имущества Михайловского храма передана в действующую Сморовскую церковь.

Использование б. церкви под склад колхоза на некоторое время обеспечивало, в определенной степени, сохранность строения, но согласно местным властям, последовавшее в 1966 г., на съемки фильма "Пришельцы" (студия "Таджикфильм") привело к значительному разрушению здания***. В соответствии со сценарием фильма, танком была пробита стена апсиды и, как следствие, произошло обрушение крыши**** – в таком виде здание б.Свято-Михайловской церкви находилось до 1997 г. В настоящее время реставрация памятника архитектуры начала XX ст. практически завершена по проекту, разработанному сотрудниками ГП "Проектреставрация" (научный руководитель Н.А.Миронова).

Сравнительный анализ имеющегося проекта церкви и сохранившегося, правда, со значительными утратами, церковного здания позволяет утверждать, что предложенный архитектором В.Струевым вариант почти полностью осуществлен: единственным "отступлением" от проекта является постройка придела с правой (от апсиды) стороны. Натурные исследования памятника, проведенные архитектором В. Почечуевым в июле 1993 г., определили одновременность строительства этой части здания с основным объемом. Поскольку из документов известно, что надзор за ведением строительных работ осуществлялся самим автором проекта В.Струевым, то появление придела можно расценивать как внесение авторского изменения.

*На основании сведений, полученных от старожилов Зембина.

**Принял приход в 1992 г.

***Сведения представлены священником Михайловской церкви о.Александром.

****Обрушившаяся кровля из оцинкованного железа разобрана местными жителями на хозяйственные нужды.

За время существования Свято-Михайловская церковь, построенная, как говорилось выше, в соответствии с проектом В. Струева, не перестраивалась; ремонты, которые проводились, носили “косметический” характер. Выявленные в процессе исследований графические материалы, а также данные натурных исследований позволяют восстановить первоначальные, но утраченные с течением времени фрагменты здания – часть апсиды, конструкции крыши и завершений, отдельные декоративные детали, оконную и дверную столярку.

Реставрация православной Свято-Михайловской церкви в д. Зембин будет способствовать не только возрождению памятника архитектуры Беларуси начала XX ст., но и восстановлению исторической справедливости, духовности нашего общества.

Г. М. Брэгер

Выпадак на менскай мытні ў 1549 годзе

Аўтару патрапіў дакумент сярэдзіны 16 ст., які яскрава ілюструваў стасункі паміж Вялікім княствам Літоўскім, Рускім і Жамойцкім (ВКЛ) і Вялікім княствам Маскоўскім ў мытнай сферы. Гэты дакумент сведчыць, што нашы продкі (у прыватнасці, дзяржаўныя службоўцы) кіраваліся дзяржаўнай мэтазгоднасцю, а не лісліва шукалі прыхільнасці якіх-небудзь суседзяў, даючы станоўчы прыклад сваім нашчадкам.

Згаданы дакумент знаходзіцца ў фондзе Архіва канцелярыі вялікіх князёў літоўскіх (г. зв. Літоўскай метрыцы), які цяпер захоўваецца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў (РДАСА) у Маскве (РДАСА, ф. 389, воп. 1, а. з. 237, арк. 69—74 адв., № 27; у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў г. Мінску захоўваюцца мікрафільмакопіі гэтага фонду пад шыфрам КМФ — 18). Гэта судовы дэкрэт паноў-рады ВКЛ па скары маскоўскіх купцоў на падляшскага мытніка Івана Ярмоліча аб загамаванні (затрыманні) іх тавараў.

Да вялікага князя літоўскага і караля польскага Жыгімонта Аўгуста як да апошняй вышэйшай інстанцыі звярнуліся купцы вялікага князя маскоўскага разгледзець іх скаргу аб затрыманні іх

тавараў у Менску ў сувязі з адмоўным для іх рашэннем мясцовых улад. Жыгімонт Аўгуст даручыў разабраць справу панам-радзе (вышэйшым дзяржаўным саноўнікам ВКЛ, якія вырашалі судовыя справы ў адсутнасці вялікага князя) — віленскаму біскупу князю Паўлу Гальшанскаму, жамоіцкаму біскупу князю Венславу Вярбіцкаму, гаспадарскаму падчашаму, лідскаму, васілішскаму і беліцкаму дзяржаўцу пану Мікалаю Юр'евічу Радзівілу і дворнаму маршалку, земскаму падскарбію, гаспадарскаму пісару, слонімскаму і мсцібогаўскаму старасце, бірштанскаму, дарсунішскаму і зэльвенскаму дзяржаўцу пану Івану Гарнастаю. Паны-рада пачалі судовае пасяджэнне 19 лістапада 1549 г., на якім са сваёй справай сталі маскоўскія купцы Іван Міхайлаў і Ахрэм Паўлаў, скардзячыся ад свайго імя і ад імя сваіх таварышаў Міхайлы, Грышы, Васка, Якіма, Грышкі Гарбунова і іншых маскоўскіх купцоў на цівуна і гараднічага троекага гаспадарскага падляшскага мытніка Івана Ярмоліча.

Дарэчы тут прывесці скаргу купцоў слова ў слова, як у дакуменце. Купцы апавядалі, што калі яны "... ехали з ярмарку Ровенського назад в землю господаря своего до Москвы с товары своими, и приехавши нам до Меньска, нет ведомо в который обочай казал нас Иван Ермолич службнику своему Беньяшу, который от него в Меньску мыгто заведаеть, и с товары нашими у Меньску загамовати, а мыта на нас брати и добровольне нас пропустити не велел, и лежали есмы у Меньску за тым гамованьем его три недели; всех нас было больше ста голов, а коней с нами полтораста, остравующися (выдаткоўваючы на ежу і пражыванне) есми на себе и на коней своих в тую три недели шкодуем на девет сот коп и на тридцать коп грошей, где есмо видечи под собою тое невинное гамованье того ж часу втскли ся есмо до того ж там же вряду господарского до замку меньского и перед подстаростим меньским то есмо оповедали и в книги замковые записати дали".

У доказ гэтага апавядання "москвичи" паклалі перад судом выпіс з кніг падстарасты менскага Грыгорыя Дзмітравіча Гарайна сваёй скаргі. З гэтага выпіса даведваемся яшчэ, што Г.Д. Гарайн даў купцам віжа (судовага выканаўцу, паліцэйскага), свайго служэбніка Марка Мікалаевіча, з якім яны пайшлі да Беньяша разабрацца з гэтым пытаннем. Ім Беньяш адказаў, што І. Ярмоліч яму загадаў тавары купцоў "пописати и загамовати". Таксама скаргнікі паклалі перад панамі-радай "лист зашитый" нябожчыка віленскага ваяводы пана Яна Юр'евіча Глябовіча (памёр

23.04.1549 г.), якому яны таксама пасылалі скаргу ў Вільню. Ваявода пісаў да І. Ярмоліча, каб ён адпусціў купцоў, "ведле обычаю мыгто с них взявши".

У адказ стаў перад панамі-радай Іван Ярмоліч (Ярмола) і распавёў так, як было на самай справе. Выявілася, што калі маскоўскія купцы ехалі "в панство господаря нашого" і спыніліся ў Менску, дык менскі мешчанін Фёдар Філіпавіч Сечка, які на той час заведваў ад Ярмоліча менскім мыгам, папярэдзіў іх перад урадам гаспадарскім менскім, каб "они с товарами иншими дорогами незвычайными не ездилы, а ехали бы дорогою звечистою на мыгто новгородское (назва мыга ад горада Новагароджа, цяпер Навагрудак. — Г.Б.) на Могильную, которою вси купцы тубыльцы (палешуки. — Г.Б.) панства господарского и чужоземцы с товары своими купецкими ходять", у доказ чаго І. Ярмоліч паклаў перад судзьямі выпіс з кніг замка менскага падстарасты Г.Д. Гарайна ад 23 жніўня 1548 г. з папярэджаннем Ф.Ф. Сечкі. Але частка купцоў-масквічоў, не зважаючы на гэтак папярэджанне, не пасхалі на Могільную, а, мінаючы новагародскае мыга, накіраваліся праз "Случеск" да ровенскага кірмашу. Калі ж купцы вярталіся з кірмашу, выявілася гэтак парушэнне, і І. Ярмоліч загадаў затрымаць іх у Менску. Да таго ж, як распавядаў адказчык, на "оранде господарской", паводле якой вялікі князь даў яму свае гаспадарскія мыгты трымаць, апісана, што, "кто бы с купцов тубыльцов и чужоземцов дорогами незвычайными ездилы, таковых товары мают быти у промыгте забираны". Так што парушальнікаў нашых тагачасных законаў чакала вельмі суровае пакаранне.

Але тут праявілася талерантнасць і добразычлівасць нашага беларускага чалавека да чужаземцаў – гасцей. Вось як апавядаў Іван Ярмоліч: "... я, чинечи над ними ласку и не хотечи их шкоды и впаду их зычьить, у той промыгте их семи не забирал и оную промыгту им спустилом, нижли што ся дотычьить мыгта господарского, которое они от товаров своих дати были повинны, ино первой в небытности моей в Менску служебник мой Беньаш за посланьем моим и с тым Федором Сечкою /.../, о тое мыгто их упоминали, а потом и я сам приехавши до Менска того мыгта от товаров их приходячого в них просилом абы его водле обычаю звыклого заплативши добровольне с товары своими ехали". Аднак купцы мыга не плацілі, спасылаючыся на адсутнасць грошаў. Тады І. Ярмоліч і загадаў іх затрымаць да канчатковага разліку, "...яко

ся то на мыгтах господарских заховывасть, и в обычаю ест, иж поки который купец от товаров своих мыта сполна не заплатитъ, до тых мест его не будетъ з земли пушно, иж мыго зупольне заплатитъ". У свой доказ І. Ярмоліч паклаў перад суддзіямі выпісы з кніг менскага падстарасты Г.Д. Гараіна ад 22 верасня 1548 г. скаргі Беняша на купцоў і ад 31 верасня (так у дакуменце) 1548 г. апытання І. Ярмолічам пры сведках тых жа купцоў, якія абяцалі дастаць грошы, пазычыўшы або прадаўшы частку тавараў, і цалкам аплаціць мыта.

Але маскоўскія купцы, так і не заплаціўшы мыта, пачалі скардзіцца на І. Ярмоліча ў менскі замкавы суд, а потым і самому віленскаму ваяводзе пра бязвіннае іх затрыманне, узяўшы адпаведныя лісты. І. Ярмоліч жа перад панамі-радай паведаміў, што іх лісты атрыманы "на заочное и голое их оповеданье" і не падмацаваны ніякім сведчаннем аб заплаце мыта, а ў яго лістах апісана пры сведках, што купцы яшчэ не разлічыліся. Тады масквічы пачалі апраўдвацца, што быццам бы не ведалі тутэйшых законаў і выпадкова паехалі цераз Слуцк. Але І. Ярмоліч выкрыў іх хлустню лістом-папярэджаннем Ф.Ф. Сечкі ад 23 жніўня.

Паны-рада, выслухаўшы абодва бакі і параіўшыся паміж сабой, вынеслі сваё рашэнне. Бачачы слушныя доказы гаспадарскага мытніка Івана Ярмоліча і хлуслівыя аповяды маскоўскіх купцоў пра быццам бы незаконнае іх затрыманне, у сувязі з чым яны высунулі грашовы іск да адказчыка ў суме 930 коп грошаў, "...их милость панове (рада) в себе уважили и вырозумели неправдивую жалобу тых москвич, иж они так много стравы на девет сот и на тридцать коп грошей себе меновали, што не ест реч подобная, абы они за так короткий час, за тры недели мешкаючы у Менську, стравити мели, а хотя бы так много тые москвичи и шкодовали, тогда мытник господарский не повинен купцам тых шкод стравы их им оферовати". Купцы яшчэ хацелі выкарыстаць апошнюю магчымасць прынесці присягу ў свой доказ, але паны-рада не дазволілі ім на сваю голую скаргу гэта зрабіць, бо "...тогда бы ся и иньшие купцы чужоземцы, на то смотречи, на мыта господарские такими же повторными жалобами и присегами своими ругили, для чого бы вси мыта и пожитки его милости господарские от них згинули".

Канчатковае рашэнне выпэйшай судовай інстанцыі ВКЛ, якое ўжо не падлягала ніякай апеляцыі, можна прывесці даслоўна: "Их милость панове рада не даючи у права местца той неправдивой, а

голой, жалобе их (купцоў) и не пускаючи тым москвичом на довод, абы мелі они за тою голою жалобою своею на мыгта господарские присегами своими доводити, але, заховываючися подле обычаю права писаного земского, рачили их милость Ивана Ермолу, водле слушного врядового поступу и выводу, его самого и справец его мыгтних от оных москвич в тых речах вышней мененых, чого они на нем поискивали, з розсудку своего вольным и правым вчинити".

Як бачна, нашы продкі кіраваліся выключна вышэйшымі дзяржаўнымі інтарэсамі і не цярпелі парушэння свайго заканадаўства з боку як сваіх грамадзян, так і чужаземцаў з любой краіны, не мелі ніякіх асаблівых прыхільнасцяў як да падданных маскоўскага гаспадарства, так і да яго кіраўніцтва. Усё вызначалася рацыяналізмам і захаваннем багацця сваёй краіны, сапраўдным патрыятызмам і любоўю да Радзімы.

И.Л. Вернер

Добрый и чистый талант

Многим из нас с юношеских лет знакома книга "Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви". Не одно поколение впитало в себя поэтичность этого произведения, в котором описание самых реальных вещей сопровождается ощущением сказочности. По этой повести поставлен одноименный кинофильм, который долгие годы не сходит с экранов. Автор этого и многих других произведений для детей и юношества – Рувим Исаевич Фраерман. Он родился в Беларуси, в Могилеве. Здесь Фраерман провел детские и юношеские годы. В Национальном историческом архиве Беларуси хранятся документы, свидетельствующие об этой поре жизни писателя. В "Книге для записи родившихся по Могилевской синагоге" за 1896 г. имеется запись о рождении 9 сентября в семье могилевского мещанина Шан Вульфовича Фраермана и его жены Масы Ицковны сына Рувима¹. Кроме него в семье было еще пятеро детей – 4 сестры и младший брат Яков. Об этом свидетельствует посемейный список отца писателя за 1915 г.² В этом же году Рувим Фраерман был приписан к 1-му призывному участку Могилевского уезда для призыва в армию в 1917 г.³

После революции жизнь писателя проходила за пределами Беларуси: сначала на Дальнем Востоке, затем в Батуми, средней по-

лосе России. Событиям гражданской войны, жизни малых народов Дальнего Востока посвящены его повести "Буран", "Огневка", "Вторая весна", "Никичен", роман "Золотой василек".

Фраермана связывала подлинная человеческая и творческая дружба с такими выдающимися писателями, как Константин Паустовский, Василий Гроссман, Аркадий Гайдар, Георгий Шторм. Вот какие слова посвятил К. Паустовский своему другу и сподвижнику: "Стремление к усовершенствованию самого себя, к простоте человеческих отношений, к пониманию богатств мира, к социальной справедливости проходит через все книги Фраермана и выражено им в словах простых и искренних. Выражение "добрый талант" имеет прямое отношение к Фраерману. Это – талант добрый и чистый"².

У. М. Дзянісаў

Сядзіба Манюшка

Убельская сядзіба, дзе ў 1819 г. нарадзіўся кампазітар Станіслаў Манюшка, знаходзіцца на ўсходзе вёскі з такой самай назвай у Чэрвенскім раёне Мінскай вобласці.

Доўгі час гэты цікавы помнік гісторыі і архітэктуры быў мала вядомы шырокаму колу грамадскасці на Беларусі. Толькі ў 1960-я гады Убель упершыню стаў згадвацца ў беларускай навуковай і папулярнай літаратуры як месца, звязанае з жыццём і дзейнасцю слаўтага кампазітара XIX ст.¹

Трэба адзначыць, што першыя публікацыі, прысвечаныя ўбельскай сядзібе, з'явіліся яшчэ ў другой палове XIX ст. Самай значнай з іх была нататка, змешчаная ў 1891 г. у Польскім географічным слоўніку². Гэты нарыс быў апублікаваны без аўтарскага подпісу, але хутчэй за ўсё яго падрыхтаваў А. Ельскі, які з'яўляецца аўтарам большасці матэрыялаў для гэтага выдання, якія датычыліся Міншчыны.

У нарысе гаворыцца, што Убель альбо Убелье — гэта вёска і маёнтак над р. Волмай, недалёка ад Смiлавічаў. У вёсцы 9 двароў. Сядзібны фальварак 1465 дзесяцін зямлі. Побач з сядзібай — "каталіцкая капліца, пастаўленая ў мінулым стагоддзі Манюшкамі". Калісьці Убель належаў да вялікага смiлавіцкага маёнтка, гаспадарамі якога па чарзе былі Сапегі, Завішы, Агінскія.

У канцы XVII ст. гэты смілавіцкі маёнтак стаў уласнасцю вайсковага суддзі ВКЛ Станіслава Манюшкі. Тут ва Убелі "...у Чэслава Манюшкі і Альжбеты з Маджарскіх 5 мая 1819 г. нарадзіўся аўтар "Галькі" Станіслаў Манюшка. Дом, у якім ён нарадзіўся, да сённяшняга дня існуе ў добрым стане, малонак якога змясціў Орда ў сваім альбоме"³.

Пасля Манюшкаў уладальнікамі Убеля сталі Дзічкоўскія, а ў якасці пасагу Левіні Дзічкоўскай гэты маёнтак перайшоў да Азенблоўскіх⁴.

У наш час самай значнай публікацыяй, прысвечанай Убелю, з'яўляецца кароткі нарыс, змешчаны ў Фундаментальнай шматтомнай працы Рамана Афтаназі, якая датычыцца гісторыі палацаў і сядзіб на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай. Інфармацыя пра Убель ёсць у I томе, які прысвечаны былому Мінскаму ваяводству⁵.

У пачатку свайго нарыса аўтар дае кароткую гістарычную нататку, якая мала чым адрозніваецца ад разгледжанай папярэдняй публікацыі 1891 г. Далей ён адзначае, што "перад першай сусветнай вайной знаходзіўся сядзібны дом, пабудаваны ў пачатку XIX ст. Чэславам Манюшкам". Менавіта ў гэтым доме нарадзіўся будучы славуці кампазітар, сцвярджае аўтар.

Паводле малюнка Н.Орды, які датуецца прыкладна 1870 г., Р.Афтаназі дае кароткае архітэктурнае апісанне сядзібы, дзе адзначае, што дом быў драўляны, аднапавярховы з мезанінам. Галоўны фасад будынка ўпрыгожваў чатырохкалонны порцік. Будынак быў накрыты паўвальмавым гонтавым дахам. Дом стаяў пасярод вялікага пейзажнага парку. З левага боку ад дома ўзвышаўся якісьці вялікі будынак з вежай, накрытай шатровым дахам. З правага боку ад дома, на думку Р.Афтаназі, знаходзілася падобная вежа. Перад домам быў разбіты газон, упрыгожаны дэкаратыўнымі кустамі і клумбамі з кветкамі⁶.

У больш познія часы вядомая па малюнку Н.Орды ўбельская сядзіба была значна перабудавана. Афтаназі сцвярджае, што быў разбураны мезанін, а з тыльнага фасада дабудавана адно альбо два бакавыя крылы, якія мелі больш нізкія дахі. Пасля разборкі мезаніна застаўся чатырохкалонны ганак, у якога быў зроблены новы франтон. Калоны, а таксама аконныя і дзвярныя ліштвы былі пафарбаваны ў белы колер. Аўтар падкрэслівае, што ў яго не было ніякіх звестак па планеўцы ўбельскага дома як пры Манюшках, так і ў больш познія часы⁷.

Нягледзячы на мемарыяльную і архітэктурную каштоўнасць, беларускія даследчыкі мала цікавіліся комплексам убельскай сядзібы. У такіх грунтоўных працах, як кніга У.Чантур'я альбо "Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі", мы не знойдем ніводнага радка пра гэты цікавы аб'ект⁸. А.М.Кулагін толькі згадвае Убель як прыклад невялікага драўлянага сядзібнага дома канца XVIII — пачатку XIX ст.⁹ А.Федарук у сваёй працы "Садова-паркавае мастацтва Беларусі" акрамя агульнавядомай інфармацыі нагадвае, што "... захаваліся невялікія фрагменты парка над ракой Волмай"¹⁰.

Адзінай спецыяльнай публікацыяй, прысвечанай Убелю, з'яўляецца кароткая нататка, змешчаная Ю.А.Якімовічам спачатку ў "Энцыклапедыі літаратуры і мастацтва Беларусі", а потым у энцыклапедычным даведніку "Архітэктурна Беларусі"¹¹.

Асноўнай крыніцай для гэтага нарыса з'явіліся малюнкi Н.Орды. Аўтар адзначае, што ў комплексе сядзібы ўваходзілі сядзібны дом, капліца-пахавальня, гаспадарчыя пабудовы, парк. Ю.А.Якімовіч падкрэсліваў, што ў архітэктуры ўбельскай сядзібы спалучаліся традыцыі народнага дойлідства і элементы стылю класіцызму. Цэнтрам кампазіцыі з'яўляўся сядзібны дом. Гэта аднапавярховы з мезанінам будынак. Ён меў прамавугольны план і быў накрыты высокім паўвальмавым дахам. "Цэнтр мансардавага галоўнага фасада быў вылучаны 4-калонным порцікам з 3-вугольным франтонам. Сцены звонку вертыкальна ашалаваны, вокны прамавугольныя. Перад домам быў невялікі партэр з круглым у плане кветнікам, за ім знаходзіўся пейзажны парк з капліцай-пахавальняй — цэнтральным 2-ярусным збудаваннем пад шатровым дахам, гаспадарчыя пабудовы"¹².

Пошукі архіўных крыніц, якія датычаць гісторыі ўбельскай сядзібы, вяліся ў самых розных фондах шматлікіх архіваў Мінска, Вільні і Варшавы. У прыватнасці, у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі былі апрацаваны наступныя фонды: Канцэлярыя мінскага грамадзянскага губернатара (ф.295); Мінскае губернскае праўленне (ф.299); Мінскае губернскае прысутствіе (ф.242); Мінскае губернскае па земскім і гарадскім справам прысутствіе (ф.22); Ігуменская павятовая ўправа (ф.523); Ігуменская павятовая земская ўправа (ф.327); Мінскі губернскі дваранскі дэпутатскі сход (ф.319) Мінскі галоўны суд 2-га дэпартаменту (ф.588); Мінская грамадзянская палата (ф.146); Ігуменскі павятовы суд (ф.160); Ігуменскі земскі суд (ф.1484, 1761); Мінскі акруговы суд (ф.183);

Мінская губернская чарцёжная (ф.120); Мінскі губернскі камітэт па складу інвентароў памешчыцкіх маёнткаў (ф.142); Ігуменская дваранская апека (ф.634) і інш.

У гэтых фондах знойдзена вялікая колькасць дакументаў па гісторыі радавода Манюшкаў, шматлікія матэрыялы гаспадарчага характару, шэраг аўтаграфіў С.Манюшкі і г.д. На жаль, дакументаў непасрэдна па тэме нашага даследавання знайсці не ўдалося. Гэта ў першую чаргу інвентары, чарцяжы, а таксама звесткі па рамонтах і рэканструкцыі ўбельскай сядзібы. Нават не захаваўся т. з. "абавязковы" інвентар 1840-х гадоў, нягледзячы на тое, што такія інвентары складзены па ўсіх маёнтках Мінскай губерні. Акрамя таго, шэраг графічных матэрыялаў знойдзены ў фондах Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі.

У Вільні пошук матэрыялаў па тэме даследавання праводзіўся ў фондах Дзяржаўнага гістарычнага архіва Літвы, у архіве бібліятэкі АН Літоўскай Рэспублікі, а таксама ў адзеле рукапісаў бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта...

У Варшаве самая значная частка крыніц выяўлена ў зборах архіва Варшаўскага музычнага таварыства імя С.Манюшкі, а таксама ў адзеле навуковай дакументацыі Нацыянальнага музея, архіве Інстытута мастацтва Польскай акадэміі навук.

Праведзеныя намі гісторыка-архіўныя даследаванні дазволілі сабраць вельмі цікавы іканаграфічны матэрыял XIX — пачатку XX ст., частка якога ў свой час была змешчана ў розных выданнях, але большасць якіх не была ўведзена ў навуковае абарачэнне.

У 1872 г. у друку з'явіўся першы малонак з выявай убельскай сядзібы пад назвай "Убсль. Дом, дзе нарадзіўся Станіслаў Манюшка"¹³. Пад малонкам змешчаны надпіс, што гэта дрэварыт паводле малонка Фелікса Шыпнеўскага. Гэты малонак неаднаразова перадрукоўваўся. Ён быў змешчаны і ў вядомым альбоме "Станіслаў Манюшка" (1964). Праз некаторы час быў надрукаваны славуты альбом літаграфій, зробленых паводле малонкаў і акварэлей Н.Орды, дзе таксама ёсць выява ўбельскага маёнтка¹⁴.

Калі параўнаць гэтыя два малонкі, пры першапачатковым падабенстве ў выяве сядзібнага дома ёсць значная розніца. Так на першым малонку будынак мае паўвальмавы дах, на другім — мансардавы, на першым порцік мае 4 калоны, на другім — 2, адпаведна фасады вертыкальна ашалаваныя ў першым выпадку, у другім — атынкаваныя і г.д.

Як нам удалося высветліць, Ф.Шыпнеўскі рабіў гравюру паводле акварэлі Н.Орды, арыгінал якой захоўваецца ў Нацыянальным музеі ў Кракаве¹⁵. Малонак Н.Орды, які з'яўляўся крыніцай для літаграфіі, не захаваўся. Даследчыкі неаднаразова заўважалі пры пільным разглядзе розніцу паміж арыгінальнымі малюнкамі Н.Орды і літаграфіямі, таму для нас большую каштоўнасць уяўляе арыгінал малюнка і зробленая на яго падставе гравюра Ф.Шыпнеўскага.

У 1896 г. надрукаваны яшчэ адзін малонак з выявай убельскай сядзібы¹⁶. Аўтарам яго быў бацька кампазітара Чэслаў Манюшка. На наш погляд, гэта найбольш старажытная выява дома Манюшкаў, якую можна датаваць 1820—1830 гг.

Першы фотаздымак сядзібы ва Убелі надрукаваны ў 1910 г.¹⁷ На ім мы бачым дом Манюшкаў пасля значнай рэканструкцыі, у выніку якой разабраны мезанін і зроблена новая прыбудова. Вядомы яшчэ два фотаздымкі Убеля, зробленыя на пачатку XX ст. (да 1917 г.). Адзін з іх змешчаны ў 1920-х гадах у кнізе С.Невядомскага, другі ўжо ў 1950-я гады¹⁸. Месца знаходжання арыгіналаў гэтых фотаздымкаў невядома.

У архіве Варшаўскага музычнага таварыства імя С.Манюшкі знаходзяцца цікавыя графічныя матэрыялы, якія звязаны з Убелем. Яны паходзяць з сямейнага архіва Манюшкаў і ў свой час належалі бацьку кампазітара Чэславу Манюшку. Гэтыя матэрыялы — малюнкi, чарцяжы, схемы, планы і інш. дазваляюць дакладна аднавіць не толькі знешні выгляд сядзібнага дома, але яго планіроўку, інтэр'еры і г.д. у часы, калі Убель належаў Манюшкам.

* * *

Доўгі час убельская сядзіба ўваходзіла ў склад вялікага смілавіцкага маёнтка, вядомага з XVI ст. Гэты маёнтак належаў Бахштанскім, Кежгайлам, Сапегам, Завішам. У XVII ст. Смілавічы належалі троекаму ваяводзе, канцлеру Вялікага княства Літоўскага Марціну Аляксандру Агінскаму (1632—1690). Пасля яго смерці Смілавічы, якія ўваходзілі ў склад "графства бахштанскага", перайшлі да Завішаў. У XVIII ст. гаспадаром смілавіцкай сядзібы стаў Міхал Казімір Агінскі (1830—1900). У 1787 г. маёнтак і мястэчка Смілавічы Ігуменскага павета набыў вайсковы суддзя Вялікага княства Літоўскага Станіслаў Манюшка¹⁹. У "Спісе ўладальнікаў маёнткаў Ігуменскага павета", які захоўваецца ў

фондах Мінскага галоўнага суда 1-га дэпартаменту, знаходзім звесткі, што ў склад вялікага маёнтка Манюшкі ўваходзіў і фальварак Убель.²⁰ Пасля смерці С.Манюшкі ў 1807 г. яго вялікі маёнтак быў падзелены паміж яго сынамі, а дачкі атрымалі па 100000 руб.²¹

Фальварак Убель атрымаў у спадчыну сын Станіслава Чэслаў Манюшка. Ён нарадзіўся 20 ліпеня 1790 г. у Смілавічах. Як адзначае А.Валіцкі, Чэслаў Манюшка ў той жа дзень быў ахрышчаны мясцовым ксяндзом М.Гродзкім²². Пачатковую адукацыю Ч.Манюшка атрымаў пад кіраўніцтвам ксяндза экс-місіянера Ю.Корвеля. Пасля гэтага вучыўся ў Смілавіцкім канвенце. Потым Ч.Манюшка пераехаў у Вільню. Нам невядома, дзе Чэслаў працягваў сваю адукацыю, відаць, хутчэй за ўсё ён хацеў паступіць у Віленскі ўніверсітэт.

Прадоўжыць адукацыю Чэславу перашкодзілі падзеі французска-рускай вайны 1812 г. Нягледзячы на тое, што яшчэ ў пачатковым узросце Ч.Манюшка страціў адно вока, ён уступіў у полк конных літоўскіх стралкоў. У 1813 г. (паводле А.Валіцкага, па стану на 1815 г.) ён выйшаў у адстаўку²³.

Многія даследчыкі адзначалі, што Ч.Манюшка быў таленавітым рысавальшчыкам і яго малюнкі з'яўляюцца каштоўнай іканаграфічнай крыніцай па гісторыі роду і асяроддзя Станіслава Манюшкі²⁴.

"20 ліпеня 1818 г. ён ажаніўся з Альжбетай Маджарскай і асеў у маёнтку Убель поблізу Смілавіч. Там 5 мая 1819 г. а 4-й гадзіне раніцы нарадзіўся ў яго сын, які 8 мая быў ахрышчаны іменем Станіслаў..."²⁵ Як адзначаў А.Валіцкі, Чэслаў меў характар надзвычай сяброўскі і вясёлы. З погляду навуковай адукацыі ён не мог параўнацца са сваімі братамі, але вайсковая служба, шматлікія падарожжы і сяброўства з цікавымі людзьмі, не толькі з арыстакратыі, але і з вельмі адукаванымі, аказалі значны ўплыў на яго выхаванне²⁶. Ён захапляўся маляваннем і з задавальненнем прысвячаў яму вольны час. Як адзначалі сучаснікі, Чэслаў не атрымаў добрай мастацкай адукацыі, але сяброўства з рознымі мастакамі і шматлікія сувязі з імі дапамаглі Чэславу дасягнуць добрага ўзроўню. Сяброўскія адносіны склаліся ў яго з Валенціем Ваньковічам і Якавам Дамелем. З першым з іх ён некаторы час нават жыў у адным доме і меў сумесную майстэрню²⁷.

Акрамя таго, Чэслаў быў заўзятым калекцыянерам. Ён збіраў творы мастацтва і часта плаціў вялікія грошы за каштоўныя рэчы.

У архіве Варшаўскага музычнага таварыства імя С.Манюшкі захоўваецца частка сямейнага архіва Ч.Манюшкі і ў першую чаргу значная колькасць альбомаў рознага фармату, дзе захаваліся пейзажныя, побытавыя і партрэтныя замалёўкі, зробленыя Чэславам. Некаторыя старонкі гэтых альбомаў запоўнены дзённікавымі запісамі і ўспамінамі, аздобленымі ілюстрацыямі.

Працуючы з гэтымі матэрыяламі, нам пашчасціла знайсці шэраг архітэктурных замалёвак, выкананых Чэславам Манюшкам²⁸. Гэта праекты самых разнастайных жылых і гаспадарчых збудаванняў, капліц і г.д. Знойдзеныя матэрыялы — адзін з самых сур'ёзных аргументаў у падтрымку думкі Р.Афтаназі, што Ч.Манюшка з'яўляўся і аўтарам праекта ўбельскага сядзібнага дома.

Акрамя таго, сярод папер Ч.Манюшкі знайдзены чарцяжы (эскізы да праекта?) капліцы, якая стаяла побач з сядзібным домам ва Убелі.

Згаданы намі раней малонак сядзібнага дома, які быў апублікаваны ў канцы XIX ст., да другой сусветнай вайны таксама захоўваўся ў зборах Варшаўскага музычнага таварыства. Нам удалося знайсці толькі некалькі агульных краявідаў Убеля, дзе можна бачыць фрагменты сядзібнага дома²⁹.

Бадай самай каштоўнай знаходкай з'яўляецца невялікі альбом, прысвечаны рамонту ўбельскай сядзібы, які адбыўся ў 1835 г.³⁰ У гэтым альбоме ёсць нават замалёўкі будаўнічых прац, але самае галоўнае — гэта 3 планы сядзібнага дома, зробленыя Ч.Манюшкам.

Першыя два планы маюць агульны надпіс "Dom ubelski z r.1835 urzadzony" (абсталяваны. — У.Д.). Кожны з планаў мае падрабязную эксплікацыю. На гэтых планах намалявана нават некая частка мэбля, а таксама раэль, які стаяў у гасцінай ("pokój bawialny")³¹.

Яшчэ адзін план, які не мае эксплікацыі, але да яго прыкладзены чарцёж кухоннай печы.

У 1842 г. Чэслаў Манюшка быў вымушаны прадаць Убель за 17000 руб.³² У Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі знойдзены цікавы дакумент аб продажы ўбельскага маёнтка, які датаваны 30 жніўня 1842 г.: "Лето Тысяча Осемьсот Сорок Второго Августа в Тридцатый день Игуменского уезда Помещик Отставной Капитан Войск Польских Чеслав Станиславов сын и жена моя Елисавета Монюшки выдали сию купчую крепость Слуцкого Уезда Помещику Губернскому Секретарю Ивану Федорова сыну Радзивоновичу Дзичковскому в том, што я Монюшко имею в

отчинном моем владении наследственное по отце моем недвижимое имение, доставшееся по разделу с родными моими братьями г.: Игнатием, Домиником, Иосифом, Казимиром и Александром Монюшками сделанному, состоящее в Минской губернии в Игуменском уезде Убель называемом с принадлежащими и оному фольварками Залесьем и Станютовым, при которых фольварках и деревнях к оным принадлежащих числится и последней ревизии Сто Семнадцать мужеска и сто двадцать две женска пола душ с дворовыми, продал я таковое имение в вечное и потомственное владение без малейшего в чем либо исключения, т.е.: как сам до селе оным владею Г.: Ивану Дзичковскому за сумму семнадцать тысяч рублей серебром. Я же Елисавета Монюшкова соглашаюсь на сию продажу ныне и на пред никаких претензий к Г.: покупщику Дзичковскому иметь не должна и не буду..."³³

Пасля смерці І.Дзічкоўскага ў 1849 г. гаспадыня Убеля стала яго дачка Левінія, па мужу Аземблоўская. Яна валодала ўбельскай сядзібай да пачатку ХХ ст. Апошні раз яе прозвішча згадваецца ў спісе землеўладальнікаў Ігуменскага павета за 1911 г.

На жаль архіўных дакументаў па рамонтах і рэканструкцыях убельскага маёнтка з 1842 па 1917 г. у архіве знайсці не ўдалося. Няма і інвентарных апісанняў Убеля за гэты перыяд. Ёсць толькі звесткі аб тым, што ў 1864 г. згарэў драўляны вадзяны млын, пабудаваны Ч.Манюшкам³⁴.

Пасля 1917 г. у сядзібным доме знаходзілася Убельская школа, якая была разбурана ў гады другой сусветнай вайны.

* * *

Вывучэння намі гісторыка-архіўныя і іканаграфічныя матэрыялы дазваляюць сцвярджаць, што комплекс убельскай сядзібы сфарміраваўся на пачатку ХІХ ст. Знайдзеныя намі малюнкi не толькі сядзібнага дома, але і асноўных гаспадарчых пабудоў датаваны 1820-і гадамі. Відаць, асноўныя працы разгарнуліся пасля таго, як Ч.Манюшка ў 1813 г. (па іншых звестках у 1815 г.) перасяліўся ва Убель.

Магчыма, трэба пагадзіцца з думкай Р.Афтаназі, што Ч.Манюшка сам кіраваў будаўніцтвам сядзібнага комплексу, хутэй за ўсё ён і практаваў усе будынкi (нам удалося знайсці яго практычныя малюнкi фасадаў убельскай капліцы).

Акрамя сядзібнага дома ў 20—30-х гадах XIX ст. побач з домам існаваў комплекс гаспадарчых пабудоў — бровар, абора, стайня і інш. Побач з домам стаяла аранжарэя. Сваёй арыгінальнай канструкцыяй вылучалася вежа-вяндлярня. Нам удалося знайсці падрабязны план убельскай сядзібы, складзены Ч.Манюшкам, дзе пазначаны ўсе пабудовы комплексу, у тым ліку і месца, дзе стаяла капліца³⁵.

У канцы XIX — пачатку XX ст. сядзібны дом значна перабудаваны. Гэта адбылося паміж 1891 і 1910 гг. (у 1891 г. дом меў такі выгляд як і на малюнку Н.Орды, а 1910-м г. датаваны здымак дома пасля перабудовы).

Матэрыялаў па рэканструкцыі альбо рамонце Убельскай школы ў 20—30-я гады знайсці не ўдалося.

Разгледжаныя дакументы і ў першую чаргу іканаграфічныя матэрыялы дазваляюць не толькі аднавіць вонкавы выгляд дома, дзе нарадзіўся С.Манюшка, але і дакладна ўзнавіць яго планіроўку і інтэр'еры. Нам нават вядома месца, дзе стаяў раэль, на якім іграў кампазітар. Акрамя таго, ужо сёння сабрана дастаткова матэрыялаў, каб паставіць пытанне не толькі пра адбудову сядзібнага дома, але і ўсяго комплексу ўбельскай сядзібы, які мае выключнае гістарычна-культурнае значэнне.

Р.С. Жаўняркевіч

Радавод Хаіма Суціна¹

Хаім Суцін (1893–1943) – найбольш вядомы і выдатны мастак першай паловы XX ст., прадстаўнік школы экспрэсіянізму, наш зямляк. Але, на вялікі жаль, гэтая асоба на Беларусі амаль невядомая. У той час як на Захадзе аб мастаку напісана вялікая колькасць літаратуры, выдана шмат альбомаў з ягонымі творамі, праведзены шматлікія выставы, тут на Беларусі, месцы, дзе Суцін нарадзіўся і атрымаў першую мастацкую адукацыю, мы можам гаварыць толькі аб дзвюх газетных публікацыях, якія выйшлі толькі ў 90-я гады. Першая — артыкул Яўгена Шунейкі "Ад Смілавіч да Парыжа. Да 100-годдзя Хаіма Суціна"², другая — артыкул Сяргея Харэўскага ў газеце "Наша Ніва" пад рубрыкай "100 твораў мастацтва XX стагоддзя" "Хаім Суцін. Паж."³

Да гэтага можна дадаць невялікі энцыклапедычны артыкул

Я. Шунейкі "Хаім Суцін"⁴. На гэтым пералік публікацый аб Суціну на радзіме заканчваецца.

У гэтым артыкуле мы паспрабуем адкрыць некаторыя невядомыя ці малавядомыя старонкі гісторыі габрэйскага роду Суціных, са складаннем іх радавода і звесткамі аб тых месцах, дзе пражывалі прадстаўнікі роду. Што тычыцца самога Хаіма Суціна, то ў артыкуле асветлены два перыяды яго жыцця – смілавіцкі і мінскі.

Усім вядома, што Хаім Суцін нарадзіўся ў мястэчку Смілавічы Ігуменскага павета, але тое, што ён быў мешчанінам м. Пухавічы того ж павета, дагэтуль было белаю плямай у яго біяграфіі. Трэба дадаць, што ўвесь род Суціных быў пухавіцкім мяшчанскім родам і паходзіў з м. Пухавічы. На той час мяшчане-габрэі маглі жыць у розных месцах, але прыпісаны былі да пэўнага горада ці мястэчка. Гэта неяк высвятляе той факт, што цяперашнія смілавіцкія старажылы ўвогуле не памятаюць прозвішча Суцін з-за таго, што Суціны ў мястэчку былі прышлымі людзьмі.

Род Суціных быў вялікім габрэйскім родам Ігуменшчыны. Першапачаткова прозвішча гучала Сучын. Нельга не заўважыць, што ў Амяльнянскай вол. Ігуменскага пав. існавала в. Суцін (цяпер Суцінскі сельсавет Пухавіцкага раёна Мінскай вобл.). Вельмі часта прозвішчы габрэяў браліся ад назвы пэўнага населенага месца. Адсюль можна выказаць меркаванне, што, магчыма, Суціны былі нейкім чынам звязаны з в. Суцін, напрыклад, пражывалі ў ёй у даўнія часы.

Найбольш старажытным продкам Хаіма Суціна быў Ёсель Сучын, які нарадзіўся ў мястэчку Пухавічы прыблізна ў сярэдзіне XVIII ст. Ёсель меў трох сыноў: Хаіма (г.н. 1798), Нохума (г.н. 1802) і Зеліка (г.н. 1804). Старэйшыя браты Хаім і Нохум далі працяг роду. Малодшы Зелік яшчэ ў маладосці сышоў з дому і аб ім нічога невядома. Сярэдні брат Нохум меў жонку Ружу (г.н. 1799) і трох сыноў: Хаіма (г.н. 1831) – жонка Рохля Годаўна (г.н. 1830), Гдаля (г.н. 1839) – жонка Малка Земелеўна (г.н. 1840) і Абрама (г.н. 1839). Гдаль меў сына Іцку (г.н. 1868). Сем'і Хаіма і Гдаля (Гдаль прыняў прозвішча Левін) працягвалі пражываць у Пухавічах, Абрам жыв у в. Скобраўцы Навасёлкаўскай вол. Ігуменскага пав. (цяпер Блонскі сельсавет Пухавіцкага раёна Мінскай вобл.).

Аб старэйшым сыне Ёселя – Хаіме вядома мала. З пачатку 30-х гг. XIX ст. яго на месцы жыхарства не было. Невядомыя адлучкі былі звычайнай з'явай у габрэйскага насельніцтва

Расійскай імперыі. Дакладна вядома, што ён меў сына Ёселя (г.н. 1829), які жыў у другой палове XIX ст. у м. Серабранка Ігуменскага пав. у доме Абрама Гурвіча. Магчыма, што менавіта тут у яго нарадзіўся сын Залман (г.н. 1858), які прыкладна ў 15–16 год пераехаў у м. Смілавічы — месца нараджэння будучага славутага мастака Хаіма Суціна.

Год нараджэння Хаіма Суціна дакладна невядомы. Большасць даследчыкаў схіляюцца да 1893 г., але называюць і 1894 г. Пры гэтым гавораць, што Хаім сам дакладна не ведаў, у якім з гэтых гадоў нарадзіўся. Які быў занятак бацькі Хаіма, дакладна невядома. Даследчыкі пішуць, што ён быў краўцом, а магчыма, шаўцом. Сям'я Суціных была вялікай і беднай. У ёй было 11 дзяцей, з якіх Хаім быў дзесятым. Вядома, што аднаго з яго братоў звалі Ёсель⁵. Маці, магчыма, звалі Сара. Імёны астатніх дзевяці братоў і сёстраў засталіся невядомымі. Апошні з захаваўшыхся перапісаў пухавіцкіх габрэяў быў праведзены ў 1874 г., дзе паказаны 16-гадовы Залман Суцін і яго бацька Ёсель⁶.

Жыццё Хаіма Суціна мы можам падзяліць на чатыры перыяды:

- 1) смілавіцкі (1893–1909);
- 2) мінскі (1909–1910);
- 3) віленскі (1910–1913);
- 4) парызскі ці французскі (1913–1943).

Смілавіцкі перыяд жыцця будучага мастака прадстаўляецца найбольш няпэўным у адрозненне ад трох наступных.

Мы можам толькі здагадацца, якое выхаванне далі бацькі Хаіму. Хутчэй за ўсё ў яго была магчымасць атрымаць стандартнае габрэйскае выхаванне. Смілавічы — даволі буйное мястэчка Ігуменшчыны, з багатай габрэйскай гісторыяй. З сярэдзіны XVIII ст. Смілавічы былі рэзідэнцыяй т.з. Верхняй акругі, а менавіта кола кагалаў, якія выйшлі ў самастойную адміністрацыйную адзінку са складу Брэст-Літоўскай кагальнай акругі. У 1760-я гг. у Смілавічах з прыкагалкам у Дукорах налічвалася 462 габрэі⁷.

У мястэчку існавала сінагога, вядомая па архіўным дакументам з сярэдзіны XVIII ст.⁸ У 1894 г. у Смілавічах адчынена габрэйская малітоўная школа⁹, у 1902 г. — аднакласнае габрэйскае вучылішча¹⁰. Па стану на 1894 г. у Ігуменскім павяце (акрамя г. Ігумена) было 29 меламедаў¹¹, з іх 14 знаходзіліся ў м. Смілавічы¹². У 1897 г. у Смілавічах пражывала 2094 асобы габрэйскай нацыянальнасці.

Такім чынам, габрэйская прысутнасць у мястэчку была вельмі

значнай, што гаворыць аб тым, што Хаім Суцін змог атрымаць традыцыйную габрэйскую адукацыю, нягледзячы на даволі гаротны стан ягонай сям'і.

У 10-гадовым узросце Хаім перасяляецца з дома бацькі ў дом старэйшых сястры і брата там жа ў Смілавічах. Яго старэйшы брат на той час ужо жыве асобна і працаваў краўцом. Але праз 3 гады ён вяртаецца дадому.

Вядома лобоў Хаіма да малявання, асабліва людзей, што забаронена юдаізмам. Так пасля спробы намаляваць партрэт рабіна, ён быў жорстка збіты дзецьмі апошняга. За атрыманьня цяжкія пашкодзаны Суцін атрымаў грашовую кампенсацыю ў памеры 25 руб. і выкарыстаў гэтыя грошы, каб з'ехаць у Мінск.

Менавіта гэтыя абставіны ад'езду Суціна са Смілавічаў падаюць заходнія даследчыкі, у прыватнасці Маўрыс Тухман¹³ і Эці Дуноў¹⁴.

Але неафіцыйна існуе і іншая версія таго, як Суцін пакінуў Смілавічы. З літаратуры вядома, што будучы мастак пакінуў родныя мясціны не адзін, а ў кампаніі свайго сябра, таксама будучага мастака, Міхаіла (Міхеля) Кікоіна. Кікоін быў сынам багатага камерсанта з Гомеля. Дзе пазнаёміліся Суцін і Кікоін – невядома. Падасца малаверагодным, што гэта адбылося ў Смілавічах. Хутчэй за ўсё справа адбывалася іншым чынам. Як ужо гаварылася, сям'я Суціных была вялікай і беднай. Бацькі амаль не глядзелі за сваімі дзецьмі. Хаім даволі часта знікаў з дому, а потым зноў з'яўляўся. Менавіта пад час адной з такіх адлучак ён і пазнаёміўся з Кікоінам. Тым больш, што асобы з прозвішчам Кікоін сустракаюцца сярод мяшчан-габрэяў м. Пухавічы, якія пражывалі ў г. Ігумене¹⁵. Больш за ўсё верагодна, што Суцін і Кікоін сустрэліся ў г. Ігумене, дзе жыве Кікоін. Яны сышліся на агульнасці інтарсаў: прагі да малявання. Менавіта тады ў іх і нарадзіўся план адправіцца ў Мінск дзеля атрымання мастацкай адукацыі. Так адна з чарговых адлучак Суціна з дому стала апошняй. Больш у Смілавічы Хаім ужо не вярнуўся. У 1909 г. Хаім Суцін разам з Міхаілам Кікоінам апынуўся ў Мінску.

Мінскі перыяд жыцця Суціна з'яўляецца самым кароткім. Тут ён прабыў усяго тры месяцы. Але менавіта ў Мінску Хаім атрымаў першую мастацкую адукацыю на прафесійным узроўні. Раней, яшчэ ў Смілавічах, ён займаўся ў асноўным самаадукацыяй.

Яго першым настаўнікам быў вядомы мастак і педагог Якаў Маркавіч (Янкель Мордухавіч) Кругер (1869–1940). Кругер атры-

маў выдатную адукацыю. Ён вучыўся жывапісу ў Кіеве, Варшаве, Парыжы, С.-Пецірбурзе. 15 лістапада 1904 г. ён арганізаваў у Мінску курсы малявання і жывапісу, а 18 траўня 1906 г. — прыватную школу малявання (дзеінічала да 1914 г.), у якой і вучыўся Хаім Суцін разам з сябрам Міхаілам Кікоінам¹⁶. Трэба адзначыць, што ў Мінску на той час працавала ўсяго тры школы малявання. Адна дзяржаўная (адкрыта ў 1899 г. пры дапамозе мастака А. Папова) і дзве прыватныя — Я. Кацэнбогена (аб ёй амаль нічога невядома) і Я. Кругера¹⁷.

Школа размяшчалася ў 3 пакоях мураванага двухпавярховага будынка ўладальніка Францішка Канстанцінавіча Вянгяржэцкага на скрыжаванні вуліц Петрапаўлаўскай і Захар'еўскай, 24/85. Сам будынак не захаваўся, цяпер тут рог вул. Энгельса і праспекта Францішка Скарыны з боку Палаца рэспублікі і ўвахода у станцыю метро “Кастрычніцкая”.

Школа Я.М. Кругера лічылася лепшай мастацкай вучэбнай устаноўай горада. Яна была светлай, добра абсталяванай, з дастатковай калекцыяй мадэляў, малюнкаў, гіпсавых злёпкаў. Апрача гэтага сам Я.М. Кругер быў паважаным у горадзе чалавекам. Доказам таму з'яўляецца той факт, што ў 1911 г. школа атрымала ад горада 300 руб. субсідыі¹⁸.

Як ужо гаварылася, Х. Суцін разам з М. Кікоінам вучыўся ў школе Я.М. Кругера ўсяго тры месяцы. Зусім няма ніякіх звестак, дзе яны жылі гэты час у Мінску.

Я.М. Кругер даў будучым мастакам першыя прафесійныя ўрокі жывапісу і фактычна падрыхтаваў абодвух да працягу вучобы на больш высокім узроўні. У 1910 г. Суцін ужо ў Вільні, дзе правёў тры гады, вучыўся ў Віленскай мастацкай школе.

У 1912 г. (па іншых звестках у 1913 г.) Хаім назаўжды пакідае Бацькаўшчыну і накіроўваецца ў Францыю. Узровень развіцця жывапісу на Беларусі яго ўжо не задавальняў. Мастацкі талент Суціна патрабаваў больш увагі. Менавіта ў Парыжы ён раскрыўся з усіх бакоў, і Хаім Суцін зрабіўся знакамітым сусветнаведомым мастаком-экспрэсіяністам.

У сталіцы дзяржавы Ізраіль г. Тэль-Авіве імя Суціна названа вуліца. У сувязі з гэтым хацелася б падтрымаць думку Я. Шунейкі аб тым, што памяць аб Хаіме Суціне неабходна ўпанаваць і на Беларусі, назваўшы ягоным імям з адкрыццём памятнага знака вуліцу ў яго родных Смілавічах.

Думаецца, што гэты артыкул выкліча інтарэс у даследчыкаў,

якіх цікавіць жыццё і дзейнасць знакамітых людзей Беларусі, у т.л. і габрэйскага паходжання, і створыць глебу для далейшага вывучэння жыцця сусветнавядомага мастака і нашага земляка Хаіма Суціна.

Генеалагічная схема роду Суціных (Сучыных)

Ёсель

Хаім
(*1798)

Зелк
(*1804)

Нохум ж. Ружа
(*1802) (*1799)

Ёсель
(*1829)

Залман
(*1858)

Хаім ж. Рохля
(*1831) Годаўна
(*1830)

Гдаль ж. Малка
(Левін) Земелеўна
(*1839) (*1840)

Абрам
(*1839)

Ёсель Хаім
(*1893)

Л. М. Лисова

“В списках не значится...”

Конец 1812 г. Наполеон отступал ... С ним уходила армия, уходили в неизвестность люди. Тысячи французов, итальянцев, баварцев, вестфальцев, саксонцев, вюртембергцев, швейцарцев, голландцев, австрийцев, поляков, пруссаков по окончании войны в России числились в именных списках военнопленных офицерских и нижних чинов разного звания “с помещением какого полка, какой нации и по которое число удовлетворены порционными деньга-

ми"¹. В один из таких списков от 28 ноября 1812 г. включено 212 офицеров, сдавшихся "на капитуляцию" под Борисовом. Это французские пленные: 3 генерала (Камю, Делетр, барон Бламон), их адъютанты, полковник, 8 подполковников, 34 капитана, 34 поручика, 49 подпоручиков, 10 лекарей, 35 музыкантов, а также: 2 полковника, 2 подполковника, 3 майора, 11 капитанов и ротмистров, 19 поручиков, 12 подпоручиков, 5 лекарей, числящихся как германские пленные².

Несколько лет длилась война в Европе. 12 февраля 1816 г. последовал Указ Александра I о возвращении на Родину всех военнопленных. Все эти долгие годы отцы и матери, жены и сестры всей Европы надеялись, искали, писали и ожидали ответа от своих родных и близких из России.

Нидерландский посланник, английский генеральный консул, австрийский поверенный в делах, голландский резидент, императрица Мария Федоровна, сам Александр I³ — вот далеко не полный перечень должностных и влиятельных лиц, которые содействовали родным в поиске в России. Те, кому удавалось получить положительный ответ, посылали деньги и письма. Другим ответы были неутешительными: в списках не значится.

Так, отказом отвечали из Витебской комиссии по военнопленным 6 августа 1815 г. на просьбу жены шведского подданного Андерсона, "о знании участи бывшего в плену (у французоз. — Л.Л.) вместе с ней сына ее Ивана, имеющего от роду тринадцатый год, о котором она... не имеет никакого известия"⁴.

Чтобы найти пропавших без вести людей, была выработана система поиска. В циркулярном предписании главнокомандующего в Санкт-Петербурге К.С.Вязмитинова в адрес витебского гражданского губернатора от 31 марта 1816 г. говорилось: "Его Императорское Величество во уважение просьбы иностранного помещика Лендера высочайше повелеть соизволил предписать циркулярно о учинении точнейших выправок о сыне сего последнего, фейерверкере французской гвардейской артиллерии Максимилиане Лендерсе, который в 1812 году во время бегства французской армии взят был в плен поблизости города Вильны.

Во исполнение монаршей воли я предлагаю Вашему Превосходительству учинить наивернейшим образом следующие выправки о пленном Максимилиане Лендерсе:

1. Находился ли он в госпиталях, и если находился, то по выздоровлении куда и когда именно отправлен, или не умер ли?

2. Не находился ли в числе пленных, проходивших куда-либо через губернию, управлению Вашему вверенную?

3. Не отправлен ли вместе с прочими пленными в отечество?

4. Не присягнул ли на подданство России и какой избрал род жизни?

5. Не находится ли у кого в услужении, или не проживает ли где под каким-либо предлогом? – и наконец:

6. Не состоит ли за какие-либо преступления под судом и не содержится ли по оному под присмотром или в тюрьме?

Сверх того не излишним считаю описать при сем приметы пленного сего: от роду ему 29 лет, росту выше среднего, волосы черные, курчавые, телом был не кривой, рост небольшой, подбородок острый, лицо красноватое, собою статен, между большим и указательным пальцами на левой руке имеет небольшую ямку, следившуюся от прививания оспы. Находился при командире французской гвардейской артиллерии генерале Сорбье.

По учинении согласно со всем вышеописанным точнейшей и обстоятельнейшей выправки, Ваше Превосходительство, не замедлите мне о последующем донести⁵.

4 мая 1816 г. был дан ответ: "...имею честь донести, что вышеозначенного пленного по спискам пленных не оказалось".

Разыскивающая своих братьев – капитана 13-го легкого пехотного полка и драгуна французской гвардии де'Жизаров – их сестра указывала: "...для лучшего удостоверения, что они точно те, которые отыскиваются, спросить у них, как зовут их сестру, имя которой Шарлотта, а в малолетстве называлась Лолоти"⁶.

Показательна судьба пленного Микеля Гояра 30 лет, личность которого устанавливалась Малороссийским Черниговским губернским правлением в мае 1816 г. "Родился он в Неаполитанском королевстве... взят во французскую службу... взят российскими войсками в плен в Пруссии... Когда отправлен из Витебска с прочими военнопленными, то в дороге заболел и оставлен до излечения. Куда же был отправлен, и где за болезнью оставлен, и сколько времени был болен, не припомнит. Затем, когда выздоровел от болезни и отлучен с того места, где был болен, ходил по разным ему неизвестным местам для отыскания товарищей его, вместе в плену бывших"⁷.

Как видно из документов, Микель Гояр, получив казенную одежду (полушубок, сапоги, чулки), вместе с другими пленными 24 октября 1814 г. должен был быть отправлен из Витебска в Радзи-

вилово, но из-за болезни остался в Минском временном военном госпитале. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Возможно, нашелся бы по окончании войны в Европе человек, прошедший этот путь четырежды: от Немана до Москвы – при наступлении, затем в обратном направлении – при отступлении, и снова – от западных границ Российской империи до Пскова, Новгорода или Вологды – как военнопленный, затем снова в обратном направлении – при возвращении на Родину. Имена лишь немногих французов – героев, командиров 1812–1816 гг. – стали известными всему миру. Другие стали историей, которая запечатлена в документах, хранящихся в архивах, в том числе в Национальном историческом архиве Беларуси.

Т.И. Сеодяревич

Из истории Минской женской гимназии Министерства народного просвещения (по материалам НИАБ)

У женского гимназического образования в Беларуси – своя история. В Минской губернии к 1898 г. существовала всего одна женская гимназия – Маринская. Она была постоянно переполнена учащимися. Несмотря на то что, кроме семи основных классов, в ней были параллельные отделения, число девочек, успешно выдержавших приемные испытания и не принятых из-за недостатка мест, из года в год постепенно увеличивалось. Так, в 1898 г. было подано 224 прошения о принятии девочек в гимназию. Из них 23 отказали в допуске к приемным экзаменам из-за отсутствия вакансий¹. В сложившейся обстановке городское общественное управление подняло вопрос об учреждении второй женской гимназии. Специальное ходатайство об этом городской думы было передано в Министерство народного просвещения. Однако вопрос был положительно решен не сразу – из-за нехватки средств.

12 августа 1899 г. последовало “высочайшее соизволение” на учреждение женской гимназии Министерства народного просвещения². Открыть ее было поручено директору мужской классической гимназии статскому советнику Адо. По всему городу вывесили

объявления о времени, месте и порядке вступительных экзаменов. Гимназия была открыта в составе первых трех классов. Затем ежегодно открывался последующий, а в 1907 г. 8-й, педагогический, класс.

После рассмотрения прошений кандидаток для поступления в гимназию с 5 по 14 октября 1899 г. состоялись вступительные экзамены: по Закону Божьему, русскому языку, арифметике и другим предметам. Экзаменаторами стали преподаватели мужской классической гимназии. В это же самое время назначили учебно-воспитательный персонал. В качестве наиболее подходящего здания для гимназии выбрали дом Переца на Захарьевской улице³.

25 октября 1899 г. состоялось торжественное открытие Минской женской гимназии Министерством народного просвещения. К часу дня прибыли попечитель Виленского учебного округа, тайный советник Попов, минский губернатор князь Трубецкой, губернский предводитель дворянства Ратков-Рожнов, другие представители различных ведомств и городского управления. Присутствовали родители принятых в гимназию девочек. Ученицы были одеты по-праздничному, в белые передники. Приехал сюда и епископ Минский и Туровский Михаил, который вместе с законоучителями местных учебных заведений и другим духовенством при пении хора архиерейских певчих совершил "положенное церковное молебствие с освящением воды и окроплением ею гимназического помещения"⁴.

26 октября 1899 г. начались занятия. К обязательным учебным предметам относились: Закон Божий, русский язык, арифметика, чистописание, рукоделие и др. Обучение было платным и составляло за обязательные предметы 50 руб. в год с ученицы⁵. За особую плату обучали французскому и немецкому языкам, закону еврейской веры, рисованию. Необязательным предметом было пение. После окончания общего курса гимназии ученицы получали звание учительницы начальной школы, а награжденные по окончании общего курса медалями и прослушавшие особый специальный курс дополнительного класса – звание домашней наставницы или учительницы.

Из принятых в новую гимназию 136 девочек 79 гимназисток были еврейками⁶, из чего следует, что учебное заведение более всего было необходимо для еврейского населения Минска.

3 ноября 1899 г. счастливые родители, выражая благодарность попечителю Виленского учебного округа за оказанную милость,

писали: "Ваше Превосходительство! Недавнее еще вступление ваше на пост попечителя нашего учебного округа успело уже ознаменоваться весьма важным в деле женского образования актом, поселившим в юных сердцах наших детей невыразимую радость и утешение".

Зм.Л. Яцкевіч

Азаровічы — род магілёўскіх фундатараў і дабрадзеяў

Богу во Тройцы Святой Слазвимоу

Смертельнымъ кождый окомъ нехай то обачыть
И по смерти якъ слава добродеемъ вдячыть.
Затлумить земля порохъ человека былого
Давности летъ укажет, якобы ничого,
Лечь цнотъ трудно тамовать — тые вечне трвають
Спотомного веку людей разжарають,
В которыхъ ся знайдоваль всеякой чти годный —
Арсений Азаровичъ, инокъ Богобойный
Фундаторъ монастыра тутощного шилный
А добродей сей церкви нигды не омыльный
Филяры, окна, двери его кошьютомъ стали
Проз шкотугу оздобы и муры дознали.
Монастыра будышки, муры выславляють
И нагробокъ вдячности ему выставляють
Звоньницы фундаменъты видокомъ всимъ явнымъ
Же его суть початькомъ сумы на то данымъ.

Жыць Летъ 74. Умеръ року 1652, месяца декабья 1 дня.

Як высветлілася, раней пліта-эпітафія (з канца XIX ст.) знаходзілася ў магілёўскім старажытным сховішчы, куды, паводле запісу справавода музея Хведара Жудра, патрапіла з магілёўскага Богаяўленскага брацкага манастыра. Да гэтага яна, відаць, упрыгожвала адну са сценаў Магілёўскай Богаяўленскай царквы, магчыма, побач з пахаваннем самога Арсеня Азаровіча, але не выключана, што яна з'яўлялася адным з элементаў скульптурнай надмагільнай кампазіцыі, прысвечанай аднаму з фундатараў

гэтага храма. Пазней яна, відаць, патрапіла ў Магілёўскі абласны краязнаўчы музей. Пасля Вялікай Айчыннай вайны, згодна акту 1957 г., яна была перададзена з фондаў Музея Вялікай Айчыннай вайны ў Дзяржаўны музей. У гэтым акце была пазначана як "мемарыяльная дошка інака Куцеінскага манастыра Арсеня". Адсюль, відаць, і пайшла пазнейшая блытаніна з паходжаннем гэтага помніка.

Металічная пліта-эпітафія была зроблена ў 1653 г. Яна мае прастанутную форму (51, 3x36, 8x0,5 см). У цэнтры пліты выгравіраваны дзве калонкі надпісаў паўуставам (па 8 радкоў і 2 радкі зверху і знізу), падзеленых рысаю. Тэкст заключаны ў прастанутную рамку з геаметрычным малюнкам з ромбікаў і рысачак. Рамка акаймавана прыгожым раслінна-геаметрычным малюнкам у выглядзе кампазіцыі з S-падобных стужкавых завіткаў (паміж якімі і схавана дата 1653 г. – відаць, вырабу твора) і кветак-званочкаў. Дадзены матыў нагадвае скрутак пергаменту, які быццам бы прыбіты цвікамі, шляпкі якіх добра бачны на выяве. Заўважым, што ўпрыгожанні картушоў падобнага кшталту шырока ўжываліся ў часы рэнесансу ў Нямеччыне. Характэрны яны і для магілёўскага мастацтва XVII—пачатку XVIII ст. (напрыклад, гравюра Магілёва 1702 г., выкананая мясцовым майстрам Васілём Максімавічам Вашчанкам). Што тычыцца пэўнай няўвязкі часу і стылю, то для мастацтва Магілёва, на нашу думку, характэрны пэўныя асаблівасці ў выглядзе, як бы мовіць, спалучэння такіх стыляў, як рэнесанс і барока. Магчыма, тут дарэчы такі тэрмін, як рэнесансавае барока. Але няхай скажуць сваё слова спецыялісты...

З тэксту эпітафіі вынікае, што інак манастыра Арсень Азаровіч з'яўляецца фундатарам і дабрадзеем манастыра тутэйшага, коштам якога былі філяры, вокны і дзверы зроблены, а таксама падмурак манастырскай званіцы. За што ўдзячныя нашчадкі нагробак удзячнасці яму выстаўляюць (у выглядзе дадзенай эпітафіі). Пражыў Арсень Азаровіч 74 гады і памёр 1 снежня 1652 г.

Нам пашанцавала знайсці ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь тэстамент Арсеня, які з'яўляецца цікавейшым помнікам духоўнай культуры XVII ст. У ім, у прыватнасці, гаворыцца, што інак Арсень Азаровіч завяшчаў манастыру 5 моргаў сенажаці пад Бародчыцамі, гарод Касценскі, а таксама зрабіў шмат пабудоў у манастыры. Гэта пацвярджаецца і спісам ахвяравальнікаў-братчыкаў. Як высветлілася, гэта не адзіны выпадак мецэнаткай

дзейнасці магилеўскіх мяшчан і, бясспрэчна, сярод іх вызначаецца род Азаровічаў.

Наогул прозвішча Азаровіч ці Азарэвіч (характэрна для XVII—XVIII стст.) часта сустракаецца ў дакументах Магілёва і Магілёўшчыны. Арсень Азаровіч нарадзіўся ў Магілёве ў 1578 г. у заможнай купецкай набожнай сям'і. Ягоны бацька Антон, сын Азара, быў вядомым і паважаным чалавекам у горадзе. Вядома, што ён валодаў шэрагам зямельных гарадскіх пляцаў, сенажаціў, а таксама меў камору на рынку. Як сведчаць актывыя кнігі мясцовага магістрата за XVI ст., Антон Азаровіч здзейсніў не адну грашовую справу як з рухомай, так і з нерухомай маёмасцю. Бясспрэчна, самыя адметныя ягоныя справы, што застануцца ў стагоддзях, — мецэнацкія. Аўтару ўдалося высветліць, што менавіта бацька Арсеня з'яўляўся фундатарам двух магилеўскіх храмаў — Св. Мікалая і Раства Багародзіцы. Гісторыя апошняга вельмі цікавая, але, на вялікі жаль, царква знікла з сённяшняй мапы* горада. Таму мы вырашылі зрабіць невялікае даследаванне па дадзеным помніку.

Знакаміты Баркалабаўскі летапіс данёс да нас паведамленне: “Року 1586, месяца іюля, на святаго Бориса и Глеба в месте Могилевском церковь святыя Богородицы сооружена и через владыку посвечена...” Нагадаем, што біскупам полацкім на той час быў Стэфан Рыпінскі. На жаль, вышэй згаданы летапіс не паведамляе, хто быў фундатарам гэтага храма. Але аўтару пашанцавала знайсці ў актах Магілёўскага магістрата за 1579 г. цікавы запіс пра куплю-продаж пляцаў у Стаса Андрэвіча пад царкву Раства Багародзіцы. Пры гэтым уладальнік гаворыць аб тым, што ён свядома прадае гэты пляц у адказ на просьбу слушную “славутага” магилеўца Антона Азаровіча, таму што апошні бачыць тут “месца слушнае і годнае да паставення царквы”.

Набыты гэты пляц быў за 4 капы (капа – 6 адзінак) грошай літоўскіх, што з'яўляецца даволі вялікай сумай на той час. Між іншым Антон Азаровіч даволі вялікай сумай аднаго з фундатараў магилеўскага брацкага Богаяўленскага манастыра. Такім чынам, мы можам прасачыць сапраўдную дынастыю фундатараў магилеўскіх праваслаўных храмаў.

Даволі сумнай з'яўляецца наступная храналагічная згадка пра царкву, якая прыводзіцца ў “Беларускім архіве” Грыгаровіча і “Запісках ігумена Арэста”. У прыватнасці, ён піша, што пагарэла

* Карта.

шмат дамоў, а таксама прыхадская царква Раства Багародзіцы падчас разрабаванная горада казакамі на чале з С.Налівайкам у 1595 г. Дарэчы, гэты факт ніяк не стасуецца з арэалам нацыянальнага героя і абаронцы праваслаўя, які яму прыпісвалі савецкія гісторыкі.

Пасля гэтай трагедыі дадзены культывы помнік, відаць, ужо не аднаўляўся. У каралеўскім прывілеі 1672 г. на пабудову Бліжне-Уваскрэсенскай царквы, у прыватнасці, гаворыцца, што яе прыхаджане мелі раней сваю царкву Раства Багародзіцы. Апошняя стаяла на блізкай адлегласці ад Віленскай заставы (брамы?), пры павароце з вялікай Віленскай вуліцы на Пушкарэвічаву вуліцу, на куце правым.

Прыгадаем пры гэтым апісанне месцазнаходжання пляца, што даецца ў акце за 4.07.1579 г. Ён знаходзіўся за парканам (бліжнім валам) на вуліцы Княжыцкай, як ісці да "пруда" (пэўна, да Дубравенкі) на правым баку ў суседстве з домам Марыі Жыдскай і завулкам. Заўважым, што аўтар гісторыка-статыстычнага апісання Магілёўскай епархіі святар Хведар Жудра лічыць, што царква Уваскрэсення Гасподня была пабудавана на тым месцы, дзе раней стаяла Багародзіцкая царква.

Ведаючы па пазнейшых дакументах і планах горада, дзе знаходзілася Бліжне-Уваскрэсенская царква, мы можам дакладна вызначыць месцазнаходжанне помніка, які нас цікавіць, удакладніўшы пры гэтым сярэднявечную тапаграфію Магілёва. Пры гэтым мы зможам даведацца назву вуліцы, якая цяпер называецца Чарнышэўскага. У XVII—XVIII стст. яна насіла найменне Пушкарэвічавай, у XIX — пачатку XX ст. — Шчамілаўка.

У XVI—XVII стст. вуліцай Княжыцкай называлася сучасная вуліца Лазарэнкі. Недзе з другой паловы XVII ст. яе сталі называць Віленскай. Дадзеная назва праіснавала да другой паловы саракавых гадоў XX ст. (дарэчы, яшчэ і сёння яе так называюць старыя жыхары). Абедзве назвы ўзніклі ад назвы накірункаў шляхоў на Княжыцы (бліжэйшы значны населены пункт) і Вільню (сталіца дзяржавы).

Разам з тым трэба адзначыць, што на планах XIX — пачатку XX ст. Пушкарэвічавы вул. і завулак месціцца за ракой Дубравенкай. Праўда, не выключана, што раней яны маглі пачынацца ці скончвацца і на левым беразе ракі. Дададзім сюды згадкі пра правы бок Княжыцкай вул. і тое, што трэба ісці ўніз да

пра месца нараджэння і бацькоў, зразумела, там не было. Але далейшыя доследы ў гэтым накірунку далі плён. Праглядаючы “Магілёўскія епархіяльныя ведамасці” за 1890 г., удалося адшукаць у адносінах гаспадарчага пры Святым Сінодзе ўпраўлення ў Магілёўскую духоўную кансісторыю, што друкаваліся ў неафіцыйнай частцы, адмову ў выдачы дапамогі, сярод якіх згадваецца і Ганна Жудра, удава святара сяла Кузьмінічы Гомельскага пав., што было абгрунтавана тым, што яна атрымоўвае пенсію ў памеры 65 руб. у год. Адзначым, што ў гэты ж час у “Ведамасцях” друкавалася і “Гісторыя Магілёўскага богаяўленскага брацтва”, напісаная Х. Жудра.

Верагоднасьць таго, што гэта можа быць яго маці, была вельмі малая, тыму што ў Магілёве з XVIII ст. згадваюцца дзесяткі чалавек з прозвішчам Жудра, сярод якіх былі і сябры мясцовага магістрата, даволі вялікая колькасць святароў. У Віцебску, напрыклад, гэта доволі знакаміты шляхецкі род, пераважна каталікі па веравызнанню.

Невялікі фонд Кузьмініцкай Раства-Багародзіцкай царквы захаваўся ў колькасці 40 спраў за 1815—1912 гг. Гэта метрычныя (аб шлюбе, смерці), прыходна-расходныя, споведныя кнігі, а таксама ведамасці аб царкве, якія дакладней было б назваць кніравымі. Менавіта ведамасць аб царкве за 1879 г. утрымлівала самыя цікавыя звесткі аб бацьку Хведара – Андрэю Іванавічу Жудра, які быў святаром дадзенай царквы з 1849 па 1885 г. Нарадзіўся Андрэй Іванавіч 19.08.1828 г. таксама ў святарскай сям’і, месца нараджэння, на жаль, не адзначана. Пасля заканчэння Магілёўскай духоўнай семінарыі 15.07.1849 г. з атэстатам першага разраду быў прызначаны святаром Кузьмініцкай Раства-Багародзіцкай царквы Гомельскага пав. Магілёўскай губ. 4-га благачыння (18.09.1849). За гады сумленнай службы меў шэраг падзяк ад епархіяльнага кіраўніцтва — за рамонт царквы ў 1855 г., быў узнагароджаны набедрнікам у 1856 г., у памяць Севастопальскай (Крымскай) вайны 1853—1855 (1856 ?) гг. – бронзавым медалём і крыжом, скуф’ёй у 1872 г., з 1871 па 1874 г. з’яўляўся дзесятковым дэпутатам.

Да яго заслуг трэба аднесці і рамонт ші, дакладней, пабудову новай Кузьмініцкай царквы, што было здзейснена ў 1871 г. з дапамогай прыхаджан. Гэта быў драўляны храм на мураваным падмурку з трыма алтарамі ў гонар Раства Багародзіцы (галоўны), Св. Мікалая і Св. Параскевы Пятніцы (бакавыя). Побач

знаходзіліся жылыя драўляныя пабудовы святара і псаломшчыка. Абавязкі апошняга на той час выконваў Міхаіл Стэфанавіч Кернажыцкі, сын святара, які жыў тут разам з жонкай Соф'яй Фаміной і дочкамі Анастасіяй, Еўдакіяй, Ганнай і Пелагеяй. Тут таксама была прапісана звыш штату прасфорніца – святарская дачка Марыя Іванаўна Саракалетава.

Андрэй Іванавіч разам з жонкай Ганнай (1830 г.н.) гадаваў дзяцей: Нікадзіма (1851 г.н.), Іпаліта (1852 г.н.), Агаф'ю (1853 г.н.), Сымона (1860 г.н.), Хведара (1864 г.н. – відаць, больш дакладная дата), Ганну (1868 г.н.) і Георгія (1872 г.н.). На гэты час (1879) Нікадзім быў ужо жанаты на дачцэ калежскага саветніка, меў сына Пятра і працаваў на дзяржаўнай службе на пасады паліцэйскага ўрадніка Гомельскага пав. Агаф'я была замужам за святаром Равуніцкім. Сымон знаходзіўся на падрыхтоўцы ў чацвёрты клас духоўнай семінарыі, Хведар вучыўся ў Магілёўскай духоўнай семінарыі, Ганна – у Магілёўскай жаночай навучальнай установе, Георгій – у бацькоўскай хаце.

У метрычнай кнізе аб памерлых за 1885 г. – студзень 1887 г. Кузьмініцкай царквы нам удалося адшукаць наступны запіс: 8 верасня 1885 г. ва ўзросце 57 гадоў раптоўна памёр ад запалення лёгкіх тутэйшы святар Андрэй Іванавіч Жудра. Заўважым, што апошняе адпяванне ён правёў 29 жніўня гэтага ж года, а таксама падвёў рысу жнівеньскім пахаваннем у метрычнай кнізе. Пахаванне адбылося 10 верасня на мясцовых могілках, дзе прысутнічала шэраг святароў гэтага благачыння, а таксама павятовых чыноўнікаў. Спавядаў і адпяваў Андрэя Іванавіча святар Агародніцкай царквы Іосіф Гашкевіч, які затым і служыў у Кузьмінічах.

Калі вярнуцца да паслуговага спісу Хведара Андрэвіча, то з яго вынікае, што ён скончыў курс Пецярбургскай духоўнай семінарыі ў 1889 г. (у якую паступіў пасля Магілёўскай духоўнай семінарыі), дзе атрымаў ступень кандыдата. Са студзеня 1890 г. працаваў памочнікам інспектара Магілёўскай духоўнай семінарыі, а таксама загадваў вучнёўскай бібліятэкай. У 1892—1895, 1898 г. выконваў абавязкі сакратара праўлення семінарыі, а таксама рэдактара “Магілёўскіх епархіяльных ведамасцей”. З 1893 г. выкладаў Закон Божы ў Магілёўскім жаночым вучылішчы духоўнага ведамства, а таксама з'яўляўся сябрам і справаводам, з 1898 г. — скарбнікам Магілёўскага павятовага аддзялення епархіяльнага вучылішчнага савета. У 1897 г. прызначаны сапраўдным сябрам і справаводам камісіі пад кіраўніцтвам Е.Е.

Раманава па ўладкаванню магілёўскага старажытнага сховішча, пазней пераўтворанага ў Царкоўна-археалагічны музей, з 1904 г. — сябра праўлення гісторыка-статыстычнага камітэта па апісанню царкваў і прыходаў Магілёўскай епархіі, зацверджаны ў чынах асэсара (1897), крыху пазней — тытулярнага саветніка і надворнага саветніка (1897). З 1899 г. працаваў настаўнікам Закона Божага ў Гомельскіх мужчынскай і жаночай гімназіях, з 1905 г. — у прыходскай вучэльні. Адначасова з'яўляўся святаром (з 1914 г. — протаіерэем) гімназічнай царквы Аляксандра Неўскага і жыў, відаць, на рагу Каўказскай і Шпітальнай вуліц у доме Бядрыцкага (верагодна, былы двухпавярховы дом (Шпітальная, 9)). У 1972 г. археолагам М. Бычковым у двары гэтага дома знойдзена асабістая пячатка Х.А.Ж. (захоўваецца ў Гомельскім краязнаўчым музеі). За часы працы Жудра неаднаразова адзначаны ардэнамі Св. Станіслава 3-й ст., Св. Ганны 3-й ст. і медалямі (юбілейная ў памяць XXV-годдзя царкоўных школ і ў гонар 300-годдзя дома Раманавых), а таксама фіялетавай скуф'ёй, залатым наперсным крыжам і інш.

Як вынікае са справаздач аб стане і дзейнасці Гомельскага аддзялення Магілёўскага царкоўна-праваслаўнага богаяўленскага брацтва за 1905 і 1906 гг., Хведар Жудра з'яўляўся старшынёй праўлення брацтва (у склад яго ўваходзілі такія ўплывовыя асобы, як княгіня І.І. Паскевіч, дырэктар мужчынскай Гомельскай гімназіі, сапраўдны стацкі саветнік В.В. Раменка і інш.), веў актыўную дзейнасць. Прынамсі, у 1905 г. па яго прапанове выдана 300 руб. на будаўніцтва царкоўна-прыходскай школы на Слабадзе ў Гомелі, ім жа прапанавана выдаваць брашуры і лісты рэлігійна-маральнага зместу, а таксама стварыць камісію для распрацоўкі статута самастойнага Гомельскага брацтва, што, відаць, было звязана з павелічэннем колькасці сяброў і супрацоўнікаў, а таксама магчымасцей тутэйшага брацтва. Ім жа ставілася пытанне аб уладкаванні ў Гомелі бібліятэкі-чытальні, а таксама аб ушанаванні памяці памёрлых сяброў брацтва; дакладная запіска аб прадстаўленні пазыкі ў 350 руб. з 6% гадавых на выданне другога выпуску прапаведзей і прамоў еп. Яўгена; прапанова аб выпісцы 5 асобнікаў часопіса “Веснік Віленскага брацтва”; прапанова аб пасылцы віншавання Маламажэйкаўскай царкве з нагоды 500-годдзя на імя архіепіскапа літоўскага Нікандра.

Колькі слоў пра сям'ю Хведара Андрэвіча. Ён ажаніўся са святарскай дачкой Антанінай Васільеўнай Сахаравай (1875 г.н.). Іх

першая дачка Ніна нарадзілася 4.01.1895 г. Яна выйшла замуж за кандыдата праў Уладзіміра Міхайлавіча Астаньковіча. Другая дачка Вольга нарадзілася ўжо ў Гомелі 9.07.1903 г. і ў 1915 г. знаходзілася пры бацьках.

Яшчэ ў студэнцкія гады Х.Жудра пачаў друкаваць ў “Магілёўскіх епархіяльных ведамасцях” матэрыялы па гісторыі Магілёўскай епархіі, якія спачатку ўяўлялі сабой асобныя дакументы ці фрагменты з іх. Але ўжо ў канцы 1889 г. у МЕВ пачала друкавацца першая грунтоўная яго праца “Гісторыя Магілёўскага богаяўленскага брацтва”, якая ў наступным годзе выйшла асобным выданнем. Фактычна амаль усе работы аўтара прайшлі апрацаўню ў МЕВ, затым амаль адразу друкаваліся асобным выданнем, напрыклад пра Архіерэйскі (1892), Спасаўскі (1892), Бялыніцкі Раства-Багародзіцы (1894), Магілёвабрацкі (1899), Буйніцкі (1904), Баркалабаўскі (1906) манастыры і інш. Самай буйной і грунтоўнай працай з’яўляецца трэці выпуск 1-га тома “Магілёўскай епархіі” (1906), дзе даецца гістарычны нарыс усіх магілёўскіх храмаў. Варта адзначыць, што працы Х.А.Жудра маюць спасылкі на друкаваныя і рукапісныя крыніцы і з’яўляюцца каштоўнейшым матэрыялам па вывучэнню культавых помнікаў Магілёўшчыны. Цікавымі з’яўляюцца і бібліяграфічныя нарысы аўтара пра магілёўскіх епіскапаў І.Грузэвіча (1896), В.Шышацкага, Д.Наток, Срэценскага, П.Морава (апостны надрукаваны ў 2-м вып. 1-га тома, 1910). Крыху выбіваюцца з гэтага кола дзве працы: “Да гісторыі адзінавер’я ў Магілёўскай епархіі” (1906) і “Горад Гомель” (1912), напісаныя сумесна з Зм.Даўгялам і І.Сербавым.

Як бачна з бібліяграфіі яго прац, самым плённым для яго з’яўляўся час, калі ён жыў і працаваў у Магілёве і Гомелі. Бяспрэчна, яго працы яшчэ чакаюць грунтоўнага гістарычнага аналізу і асэнсавання, але адно зразумела, што плён яго працы не застаўся незадзейнічаным і яшчэ не аднойчы будзе запатрабаваны.

В.В.Губина

**Стили в культовой архитектуре Беларуси XIX в.
как отражение конфессиональной политики
Российского государства**

Архитектура — вид пластического искусства, результаты которого подвергаются искусствоведческому анализу. А искусствоведение, в свою очередь, представляет собой комплекс общественных наук, изучающих искусство — художественную культуру общества в целом, отдельные виды искусства, их отношение к действительности, закономерности развития, взаимосвязи с социальной жизнью и с различными явлениями культуры, всю совокупность вопросов формы и содержания художественных произведений. Искусствоведческие науки включают литературоведение, музыковедение, театроведение, киноведение, а также искусствоведение как науку о пластических искусствах. Искусствоведение представляет собой единство теории искусств, их истории и художественной критики¹.

Искусствоведение не оторвано от исторической эпохи. Описание архитектурных памятников происходит внутри ее. Однако социально-политические аспекты не являются объектом изучения искусствоведения, они лишь служат фоном, на котором был создан тот или иной памятник искусства.

Архитектурные памятники по своей сути являются вещественными историческими источниками, так как представляют собой наглядные образы прошлого в объемном изображении. Специфическая отличительная черта архитектурных памятников как исторических источников заключается в наличии художественно-образительных средств, которыми “кодируется” социальная информация. Следовательно, первичной является информация, которую мы получаем во время зрительного анализа архитектурного объекта. Вначале здание воспринимается в целом, а затем исследователь разделяет его на составные части: главный, боковые, задний фасады, портики, фронтоны, внешний и внутренний декор.

Памятник архитектуры заключает в себе двойную информацию. В первом случае мы рассматриваем его как культурную ценность, во втором — как документальное свидетельство событий, отразивших политику государства в целом.

Памятники зодчества отличаются от других изобразительных источников четким функциональным назначением и ярко выраженной социально-политической направленностью строительства. Здания всегда конкретны и лишены иносказательности. Для каждого типа постройки существует свой комплекс внешних форм, отличающих церковь от дворца или завод от усадьбы. Поэтому визу-

ально мы можем классифицировать здания по их функциональному назначению и примененной архитектурной стилистике.

Памятники зодчества являются следствием политического развития общества, т.е. деяний человеческих. "Процессы, происходящие в сфере политики, составляют одну из причин, определяющих характер искусства в ту или иную эпоху, а также направления его дальнейших поисков"².

Рассмотрим культовое зодчество Беларуси XIX в.

Архитектурным формам присущи определенные стили. Они повторяют друг друга и позволяют углубить характеристику исторической эпохи. Поэтому в историческом исследовании не стоит игнорировать такой источник, как архитектурный стиль церкви, интересующего нас периода.

XIX в. представляет собой целое содружество архитектурных стилей в культовом строительстве.

Основными архитектурными стилями в XIX в. являлись классицизм, "готика" и русско-византийский и их направления. Термин "готика" берется в кавычки потому, что этот стиль существовал в XII—XV вв., а в XIX в. использовались направления псевдо- и неоготики.

С начала XIX в. и до 1830 г. православная, католическая и униатская конфессии еще сосуществовали, что наблюдается в наличии соответствующих храмов и монастырей. Исходя из анализа сохранившихся построек XIX в., очевидным является использование классицистических традиций как в православном, так и в католическом строительстве.

Если рассмотреть количественное соотношение католических и православных строений, возведенных до 1830 г. в Беларуси и дошедших до настоящего времени, то оно примерно равное: 13 православных и 12 католических.

Большинство православных церквей построено в центральной и восточной части Беларуси, исключение составляют Петропавловская церковь в г.п. Шерешево Пружанского района (1824) и церковь Рождества Богородицы в д. Дубое Пинского района Брестской обл. (1811).

Католические костелы в основном строились в западной части Беларуси, кроме фарного костела в Могилеве (1810) и костела Св. Казимира в д. Расна Горейского района Могилевской обл. (1812).

Исходя из того, что классицизм был господствующим стилем во всех видах искусства с начала XIX в. до 1830 г., можно предполо-

жить, что он носил прогрессивные черты, так как воспринимался всеми. В то время и православные, и католические храмы строились именно в этом стиле. Кроме того, использование одного и того же стиля может указывать и на взаимную лояльность конфессий по отношению друг к другу, хотя, может быть, чисто внешней и временную.

Как известно, искусство России носило официальный характер. Это отразилось прежде всего в архитектуре. Необходимо было поддерживать любые положительные для государства начинания.

С начала XIX в. было не только полезным, но и необходимым поощрять культовое строительство. Поэтому классицизм внедрился как государственная доктрина веротерпимости и в то же время полного подчинения официальной российской власти. На это указывает своеобразное распространение православных и католических церквей по территории Беларуси.

Классицизм шел с востока на запад.

Чтобы сохранить свое влияние на западе, католики восприняли идеи русского классицизма и, возможно, поэтому вполне удачно проникли на восток, в Могилевскую губернию, полностью используя указанный стиль.

Проникнуть на запад Беларуси и вернуть паству к древней русской церкви было целью российского правительства и духовенства. Быстрое продвижение вызвало бы сопротивление католического большинства, следовательно, продвигаться надо было постепенно, что и находим в расположении православных церквей начала XIX в. — 1830 г. Причем внешние формы являлись классицистическими, что делало храмы похожими друг на друга, и это вполне могло служить обращению католиков в православие и наоборот, так как народ мало разбирался во внешнем убранстве и по ошибке мог посещать не тот храм, особенно если он располагался близко от селения. Поэтому часто костелы и церкви находились рядом. Вариант обращения православных в католиков являлся нежелательным для российского правительства.

Проникновение классицизма в Беларусь отразило и присоединение территории Беларуси к России, вследствие чего и осуществилось влияние подчинившего субъекта на искусство³.

Желание православного духовенства и российского правительства вернуть западные земли к православию оправдывалось, с их точки зрения, древностью религии, просуществовавшей в Беларуси

с XI до первой половины XIII в., на что указывают самые древние храмы (Полоцкая София XI в., Коложская церковь XII в.).

Присутствие официальных классицистических форм в православном строительстве говорит о том, что греко-российская церковь всегда подчинялась государству и защищала целостность и неделимость Российской империи. Основной задачей правительства стало распространение православия и ограничение католичества в западных областях (постепенное проникновение православных храмов на запад и восприятие католиками классицизма).

Культовое строительство связано с политикой российского правительства вообще и по отношению к религии в частности. Именно политика руководства и являлась фактором формирования архитектурных памятников.

Разделение культовых построек на западные классицистические костелы и восточные (центральные) классицистические православные церкви указывает на пристальное внимание российской администрации, сконцентрированное на этих двух конфессиях, а также на поддержание паритетных начал между ними не столько принуждением, сколько пропагандистскими методами, ибо храм, по сути, являлся оплотом идеологии.

До 1830 г. в православном и католическом зодчестве сохранились черты барокко, нередко сочетавшиеся с классицистическими формами: Николаевская деревянная церковь в д. Кожан-Городок Луишинского района Брестской обл. (1818), Благовещенский монастырь в д. Ляды Смолевичского района Минской обл. (вторая половина XVIII — начало XIX в.), Успенский собор монастыря в д. Пустынки Мстиславльского района Могилевской обл. (первое десятилетие XIX в.), Михайловская деревянная церковь в Слуцке Минской обл. (XVIII—XIX вв.), Троицкий костел в д. Муровано-Ошмянке Ошмянского района Гродненской обл. (конец XVIII — начало XIX в.), костел бернардинцев в Пинске Брестской обл. (начало XIX в.).

Как видим, взаимопроникновение стилей осуществлялось преимущественно в западных областях. Возможно, с начала XIX в. и до 1830 г. православные и католики действовали достаточно мягко в отношении друг друга, обращая внимание на традиции прошлых веков, присущие западному зодчеству.

Особое место в архитектуре начала XIX в. — 1830 г. занимала Минская губ. Если классицизм распространялся на православные и

католические церкви по всей территории Беларуси, то здесь продолжали существовать традиции позднего барокко⁴. В 1790—1809 гг. построено костел доминиканцев в д. Зембин Борисовского района Минской обл., вобравший в себя черты барокко и классицизма⁵. Барочные формы использованы и в костелах в Заславле Минского района, Ракове Воложинского района, а также в церквях Благовещенского монастыря в д. Ляды Смолевичского района и Св. Анны в Столбцах Минской обл.

Особенность культовой архитектуры в Минской губ. раскрывает достаточно крепкие униатские традиции в этом районе, недаром стиль барокко был признан униатским в Беларуси. Преемственность барочных деталей в православном и католическом строительстве на Минщине и в западных областях свидетельствует о желании представителей конфессий нивелировать униатские храмы и саму церковь как лишнюю организацию.

В рассматриваемый период не было построено сколько-нибудь значимых униатских церквей, так как они в качестве памятников не упоминаются. По-видимому, какие-то храмы не сохранились потому, что они были весьма непрочны и существовали скорее всего в виде каплиц, а строились, возможно, из дерева, материала недолговечного, если относиться к нему безразлично. Недолговечность построек указывает и на непрочность самой униатской церкви как организации, так как православные и католики, вероятно, заранее знали о ее судьбе и предполагали преобразовать все храмы либо в православные, либо в католические.

Внимание к католичеству и православию, отразившееся на качестве их церквей, и неприятие униатской конфессии как самостоятельной, выразившееся в отсутствии построек или простом безразличии к ним, наводит на мысль о том, что до 1830 г. российское правительство и священнослужителей обеих конфессий заботил чисто политический статус униатской церкви, и все вопросы решались только на уровне царских указов об организации церкви, о строительстве же униатских храмов, скорее всего, речи не шло. К тому же в 30-е гг. XIX в. велась подготовка к ее ликвидации.

Униатские храмы не заключали в себе ничего нового во внешнем облике, они лишь строились в стиле барокко, который использовался в XVIII в. и двумя другими конфессиями. Соответственно, униатская церковь и в религиозном отношении ничего особенного не заключала. Униатами преимущественно являлись крестьяне,

владельцы и управители которых были католиками. Очень часто униаты обращались в католическую веру без какого-либо сопротивления.

Проникновение "готики" в Беларусь отражало общеевропейскую тенденцию романтизма. Под влиянием этой волны оказалась и Россия, однако собственно "готических" построек там не наблюдалось, существовали только отдельные мотивы в светской архитектуре. В белорусских же землях появились псевдо- и неоготические храмы, принадлежавшие католической конфессии. Одним из первых сооружений "готики" XIX в. был костел в д. Райца Кореличского района Гродненской обл., построенный в 1817 г.⁶ В 1824 г. возвели костел в г. Браславе Витебской обл. Расположение костелов в западной и северо-западной частях Беларуси может свидетельствовать о первых попытках католиков выделиться из общепринятых классицистических форм хотя бы в отдельных районах и посмотреть на реакцию официальных кругов Российской империи. Лояльность властей к иноверцам в западных и северо-западных регионах объясняется желанием избежать бунта на религиозной почве, перерастающей в политическую, в приграничных областях. Использование "готических" форм могло служить и средством убеждения прихожан в случайности православия на Беларуси, тем более что у православных не было пока своего особенного стиля, посредством которого можно было бы осуществлять соответствующую пропаганду, как это делали католики с помощью "готики"⁷.

С 1830 г. до середины XIX в. классицизм, как и раньше, присутствовал в православном и католическом зодчестве: Троицкая деревянная церковь в д. Зелово Дрогичинского района Брестской обл. (1842), Покровская церковь в д. Кищицы Шкловского района Могилевской обл. (1845), церковь в г. Климовичи Могилевской обл. (середина XIX в.), костел Тэкли в д. Адамовичи Гродненского района Гродненской обл. (1854), Станиславовский костел в д. Долгиново Вилейского района Минской обл. (середина XIX в.), костел Вознесения в г.п. Желудок Щучинского района Гродненской обл. (1854 г.), костел в г.п. Радошковичи Молодечненского района Минской обл. (1850), костел в д. Большие Эйсмонты Берестовицкого района Гродненской обл. (1850).

Но в то же время (с 1830 г.) наблюдаются значительные изменения в архитектурной стилистике храмов. Классицизм оставался универсальным стилем, но количество культовых построек умень-

шилось, зато в костельном строительстве чаще стала применяться "готика", постепенно проникая на восток Беларуси: костел в Минске на Кальварийском кладбище (1839), каплица-усыпальница в д. Богушевичи Березинского района Минской обл. (середина XIX в.), костел в д. Сарья Верхнедвинского района Витебской обл. (1852—1857). Эти здания располагаются примерно по такому же принципу, как и православные церкви в стиле классицизма начала XIX ст.: два костела в северо-западной части и один — в центральной.

Новым в этот период является русско-византийский стиль в православном строительстве: церковь Марии Магдалины в Минске (1847), Спасо-Преображенская церковь в д. Деречин Зельвенского района Гродненской обл. (середина XIX в.), Покровская церковь в д. Кишицы Шкловского района Могилевской обл. (1845), Петропавловская церковь в г. Узда Минской обл. (1840).

Русско-византийские формы вводились постепенно, что следует из расположения наиболее ранней Узденской Петропавловской церкви (центральный район Беларуси) и присутствия русско-византийских и классицистических элементов в Кишицкой Покровской церкви.

С 30—40-х гг. XIX в. русско-византийский стиль стал официальным, обязательным для всех православных церквей. Расположение новых построек начало резко смещаться к западу.

Данный период можно считать переломным, так как он сопровождался затуханием классицизма в православном строительстве и продвижением на запад традиций древнего русского зодчества, сохранением классицизма в костельном строительстве и возникновением "готики" преимущественно в западных и северо-западных районах Беларуси. У каждой конфессии была своя зона действий.

Количество классицистических православных храмов сократилось чуть ли не в 4 раза, но этот недостаток был исправлен за счет русско-византийского стиля и его направлений.

Очевидно, что типовые классицистические внешние формы храмов не устраивали ни одну из конфессий, так как делали церкви почти одинаковыми и способствовали проявлению спекулятивных настроений и с той, и с другой стороны. Чтобы избежать пуганицы, возникавшей в среде прихожан и, особенно, в деле переориентации униатов, в обязательном порядке вводился русско-византийский стиль для православных храмов, причем это решалось на официальном уровне. Судя по времени возведения ранних

“готических” костелов, предположим, что традиции русско-византийского зодчества явились ответным шагом российского правительства на деяния католиков, так как стали употребляться только с 1830—40-х гг. С этого момента у православных появилась возможность доказать свою неслучайность на белорусских землях, обращаясь все время к истории. Как известно, именно византийские элементы оказались первыми в Беларуси.

Если бы российская политика в отношении конфессий носила принудительный характер, то не существовало бы такого разнообразия стилей в культовой архитектуре.

Расстановка стилей культового зодчества отражает суть взаимоотношений не только православной и католической конфессий, но также государства и церкви, представителей русского и польского народов. Восстановление польской независимости послужило бы примером и для других народов, живших в приграничных районах Российской империи, и способствовало бы потере авторитета Россией на внешней арене. Как отмечал А.Мартос, основная причина столкновения двух соседних народностей, польской и русской, заключалась в том, “что польская нация с давнего времени начала продвигаться к Востоку, в пределы нынешних Беларуси и Украины”⁸. Вследствие этого соперничество двух христианских конфессий было уже определено.

Достаточно активное выступление позволялось католикам на западе Беларуси, на что указывают “готические” постройки, появившиеся раньше православных русско-византийских. В центральных районах католики и православные воспринимали формы барокко, характерные для униатских церквей, с целью приблизить униатов к своим конфессиям.

Помимо появления “нового” архитектурного стиля в 30-е гг. XIX в. стала меняться и конфессиональная ориентация многих церквей и монастырей.

Имело место возвращение униатских церквей, бывших ранее православными, обратно в православное ведомство. Так, Благовещенская церковь в Витебске, переданная в 1619 г. униатам, была возвращена православным в 1832 г. В конце XVIII в. она была перестроена в стиле позднего барокко, который преобладал в униатских храмах, а после ее передачи российской церкви она вновь была перестроена и получила русско-византийский облик⁹.

В Орше Покровская соборная церковь мужского базилианского монастыря, построенная в стиле барокко в 1758—1774 гг., в 1832 г. передана православному ведомству.

Троицкий костел тринитарского монастыря реконструировали и передали православным после восстания 1830—1831 гг.¹⁰

На восток от центра Пинска, в бывшем предместье Королин, в начале XVIII в. построен кляштор ордена бернардинцев, который в 1830-е гг. обращен в православную церковь. В то время храм не перестраивался и сохранял в течение некоторого времени барочные черты, которые, вероятно, скрадывали активность руководства в преобразовании храмов, особенно после восстания¹¹. К тому же территория Пинского уезда находилась в значительном отдалении от российских земель, что не могло не повлиять на религиозные пристрастия населения. Поэтому в отношении культовых построек там проявили осторожность.

В 1832 г. униатский епископ Иосафат Жарский проводил ревизию униатских монастырей и обнаружил, что в 37 обителях состояло 313 монахов, в том числе 134 униата и 129 католиков. Он обнаружил упадок дисциплины в базилианском ордене и сделал вывод о том, что порядок отсутствовал из-за уменьшения числа монашествующих, латинских нововведений в богослужении, в церковных облачениях и внутреннем убранстве храмов. Результаты ревизии побудили униатское духовное начальство упразднить 36 беднейших монастырей в 1835 г., закрытию подлежали и те из них, которые были замешаны в беспорядках 1830—1831 гг.¹² В конце XVIII в. в Беларуси существовало 52 униатских монастыря, 7 из них построены для униатов, остальные являлись преобразованными православными обителями.

Обострившееся внимание российской администрации к католическим и униатским постройкам было спровоцировано восстанием 1830—1831 гг. Возможно, восстание дали случиться, чтобы появился повод для упразднения (постепенного) униатской церкви и усиления влияния на католический костел и в том числе через архитектуру.

По мере закрытия костелы и кляшторы не только обращались в православные церкви, но и отдавались гражданскому и военному ведомствам с последующей их перестройкой. Например, иезуитский костел Архистратига Михаила в Орше был превращен в тюрьму, а монастырь бернардинок отдали военному ведомству¹³.

С одной стороны администрация решала экономическую проблему: дешевле перевести здание из одного ведомства в другое, чем строить новое. С другой стороны, военному ведомству, скорее всего, передавались те кляшторы и костелы, которые являлись оплотом польской идеи и восстания. Присутствие на их месте нерелигиозных структур могло способствовать скорейшему забвению беспорядков.

Из вышесказанного следует, что самые активные действия предпринимались в восточных районах Беларуси, так как они непосредственно прилегали к российским территориям.

В 1836—1847 гг. особое внимание уделялось униатским церквям в Минской губ. По инициативе митрополита И.Семашко велись дела о починке униатских церквей и распределении их по приходам. Яршевицкая церковь причислялась к Крживицкому приходу Виленского уезда (1836—1840), Сачевская и Вельмяйская Новогрудского уезда к Колпенической и Даревской церквям (1839—1841), Извянская церковь Новогрудского уезда подлежала только ремонту (1836—1847). Ремонт и перевод униатских церквей в другие приходы оказались поводом к их обращению в православные храмы. Стоит обратить внимание на длительность ремонта, который завершился уже в 40-е гг., т.е. как раз после ликвидации унии в

1839 г., что позволило стать этим церквям православными. На их православность указывает следующее. До 1839 г. И.Семашко адресовал свои предложения в Литовскую греко-униатскую консисторию в Жировичский монастырь. В 1839 г. из названия консистории исчезло слово "греко-униатская", а все дела касательно указанных церквей вела Минская духовная консистория. В 1840 г. при Даревской церкви освящена кладбищенская часовня как православная¹⁴.

Легкость перевода униатских храмов в православные и католические вполне подтверждает мнение И.Семашко о промежуточном положении униатских церквей.

Во второй половине XIX в. продолжали употребляться классицистические направления в культовом строительстве: Николаевская церковь в Волковыске Гродненской обл. (1874), собор Александра Невского в г. Кобрине Брестской обл. (вторая половина XIX в.), Борисоглебские церкви в г. Могилеве (1869), собор Александра Невского в г. Пружаны Брестской обл. (1866) и костел в

д. Константиново Мядельского района Минской обл. (вторая половина XIX в.).

Внешнее убранство православных храмов вместило в себя классицистические и русско-византийские элементы, особенно черты московского зодчества XVII в.

Классицизм в католических храмах явился как бы исключением, так как на арену в полном объеме выступила "готика".

Во второй половине XIX в. православное строительство в количественном отношении превалировало над католическим.

"Готика" и русско-византийские формы стали главным внешним отличительным признаком храмов двух конфессий.

Если "готические" костелы в основном возводились в центральной и западной части Беларуси и оказывались в меньшинстве, то православные церкви распространялись по всей территории Беларуси, а в конце XIX в. наибольшее количество построек было возведено в западных областях.

Если рассматривать католические костелы, построенные во второй половине XIX в., то их внешние формы разнообразны по сравнению с началом века, и назвать проекты костелов типовыми практически невозможно, что нельзя сказать о православных церквях. В православном зодчестве помимо общих византийских тенденций появились типовые проекты, где основой стало московское культовое строительство XVII в. Простым копированием это назвать нельзя, так как в эпоху средневековья Москва стала центром объединения русских земель, процесс, происходивший в отношении конфессий, тоже можно назвать объединением окраин империи под эгидой православной церкви, как господствующей государственной религии. Напоминанием о централизаторской политике России и стремлении остаться целостным государством и послужило применение в церковном строительстве традиций московского зодчества XVII в. Но это не означало, что население окраин должно было в обязательном порядке принять православие, конфессиональное разнообразие оставалось, даже еще больше подчеркивалось и не запрещалось. Обязательным было признание единого государства политического и многоконфессионального.

Чтобы сохранить свою особенность, католики возводили храмы преимущественно на открытых местах и придавали яркую окраску костелам и каплицам для того, чтобы они выделялись на фоне природы своим размером (вытянутостью вверх) и цветом, что несомненно привлекало прихожан. Православные церкви, наобо-

рот, возводились приземистыми, часто квадратного объема, и цветовая гамма максимально приближалась к ландшафту. Поэтому церкви сливались с деревьями, травой, небом и не являлись столь заметными, как костелы. Удержать прихожан в таком храме было тяжело.

Культовые здания выступали как объекты идеологические, используя их внешнее убранство, можно было либо увеличить число прихожан, либо уменьшить и соответственно внешнему виду построек вести проповеди. В этом плане неназойливость православных храмов была неслучайной, она противопоставлялась католической помпезности, дабы убедить подданных в веротерпимости. Более того, архитектурное соперничество двух конфессий активизировалось во второй половине XIX в. в связи с тем, что униатской церкви уже не существовало. Усилия и православных, и католиков были сконцентрированы уже сугубо на себе, что в принципе упрощало взаимоотношения, третий лишний отсутствовал, и, следовательно, не нужно было расходовать силы впустую. Это и отразилось во второй половине XIX в. на количественном и качественном состоянии храмов.

Зм.Л. Яцкевіч

Лазавіцкая рэзідэнцыя езуітаў

Лазавіцкая рэзідэнцыя езуітаў амаль невядома даследчыкам. Яна разам з мсціслаўскай з'яўляецца самай усходняй на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Нягледзячы на тое што была заснавана амаль у канцы існавання ордэна, рэзідэнцыя, безумоўна, уяўляе цікавасць як для гісторыі развіцця самога ордэна ў Літоўскай правінцыі, так і наогул для нашай гісторыі. Заўважым, што ў савецкі час помнік апынуўся па-за ўвагай даследчыкаў. Нават такія славетныя гісторыкі ордэна езуітаў, як С. Пашэнда і Ян Паплатак, у сваёй кнізе "Слоўнік артыстаў езуітаў" наогул не згадваюць Лазавіцкі касцёл. (Лазавіца згадваецца ў 1784 г. у статыстычным апісанні як мястэчка. Цікава, што ў 1860 г. з 229 жыхароў мястэчка толькі 7 былі католікамі.) З дарэвалюцыйных выданняў можна адзначыць "Живописную Россию", дзе Адам Кіркор, аўтар нарысаў пра Беларускае Палессе і інш., выказвае думку, што місія езуітаў была заснавана ў Лазавіцы яшчэ ў першай палове XVII ст. Але архіўныя

дакументы, у прыватнасці інвентарныя апісанні Лазавіцкага касцёла за XIX – пачатак XX ст., сведчаць аб тым, што касцёл быў заснаваны ў 1752 г. У гэтым годзе шляхціц Іван Кіркор*, палкоўнік войск польскіх, учыніў фондуш на рэзідэнцыю, а таксама школу для надання пачатковай навукі дзецям шляхецкім. Пры гэтым да рэзідэнцыі было надана дзве вёскі: Стайкі ды Сямёнаўка, у якіх налічваліся 84 жыхары.

Відаць, неўзабаве пасля надання фондуша адбылася і пабудова касцёла. Падмурак яго быў зроблены з камянёў. Сам будынак складзены з бярвёнаў і накрыты гонтавым дахам. У 1829 г. храм быў, відаць, ашалаваны і пафарбаваны. Помнік уяўляў сабой прастакутны аб'ём памерамі 32,5x17,5 аршына (23,1x12,4 м.). Галоўны фасад, да якога далучаўся невялікі прыдзел з крыжамі наверх, быў упрыгожаны дзвюма вежамі, у адной з якіх крыніцы адзначаюць тры невялікія званы. Над дахам месціўся купал, дакладнае месцазнаходжанне якога дакументы не вызначаюць. На сваім вяку будынак неаднаразова падвяргаўся рамонтам, у тым ліку і касметычным (афарбоўка ў 1829, 1879, 1893 і 1909 гг.). Падсумоўваючы вышэйзгаданае, а таксама зыходзячы з часу пабудовы помніка, можна выказаць меркаванне, што касцёл уяўляў сабой традыцыйны драўляны двухвежавы барочны помнік на Беларусі.

Асноўным элементам інтэр'ера былі, безумоўна, пяць алтароў, упрыгожаных абразамі, амбон пры рызніцы, лавы, чатыры спавядальні і невялікі арган на харах. Апошні, на жаль, амаль увесь час згадваецца як крыху сапсаваны (1841) ці патрабуючы рамонт (1911). Вокна ў касцёле было 16, дзвярэй 5, вялікіх і малых абразоў у першай палове XIX ст. налічвалася больш 40, на пачатку XX ст. іх засталася крыху болей 20. Галоўны алтар у гонар Св. Троіцы ўпрыгожваў адпаведны па-мастацку выкананы абраз у пазалочанай шаце. Чатыры астатнія алтары месціліся на сценах. З левага боку – Крыжаванне Хрыста ды апостала Фадзея, з правага — Смуткуючай Боскай Маці ды Св. Антонія.

Вакол касцёл быў абсаджаны дрэвамі, абнесены драўляным парканам, які ў 1902 г. замянілі мураванай агароджай. Побач

* Кіркоры – старажытны шляхетны род, які з XVI ст. меў уладанні на Магілёўшчыне. Прадстаўнікі яго былі фундатарамі шэрагу храмаў розных канфесій. Адам Карлавіч Кіркор быў вядомым знаўцам беларускіх старажытнасцей і аўтарам шматлікіх навуковых прац. Ян Іосіф, згодна прывілею Станіслава Аўгуста ад 28.02.1765 г., з'яўляўся таксама падкамор'ем Мсціслаўскага ваяводства.

знаходзіліся могількі, а таксама шпіталь, пабудаваны за кошт рэзідэнцыі. Утрымліваць яго часткова дапамагалі і парафіяне. У 1817 г. у ім знаходзілася некалькі ўбогіх асоб. У 1842 г. двухпакаёвы шпітальны будынак быў адрамантаваны.

Крыху пазней пасля пабудовы касцёла (недзе ў канцы XVIII ст.) быў узведзены будынак для езуіцкай рэзідэнцыі. Ён таксама быў драўляны на мураваным падмурку, меў восем жылых пакояў. Як паведамляюць візіты (апісанні), у 1817 г. у рэзідэнцыі знаходзілася і школа. Яна вымушана была туліцца ў будынку рэзідэнцыі ў сувязі з тым, што ў мястэчку засталася толькі некалькі хат, у якіх нельга было нават арандаваць памяшканне. Тут таксама жылі і навучэнцы, у асноўным дзеці мясцовай шляхты. Дакладна вядома, што ў 1817 г. суперпрыарам у Лазавіцы быў 36-гадовы ксёндз Ян Бабятынскі.

Пасля выгнання езуітаў у 1820 г. Лазавіцкая рэзідэнцыя была аддадзена бернардынскаму ордэну. Прынамсі, пазнейшыя дакументы згадваюць тут кляштар іераманахаў бернардынцаў. У другой палове XIX ст. Лазавіцкі касцёл ужо завешча прыходскім, будынак рэзідэнцыі плябаній. Апошняя згарэла 17 верасня 1902 г. і была адбудавана з гаспадарчых пабудоў. Вось так скончыўся лёс будынка езуіцкай рэзідэнцыі.

Акрамя гэтых пабудоў побач знаходзіўся шэраг драўляных гаспадарчых будынкаў: флігель кухонны з хатай, пякарняй і варыўнёй, амбарчык, бровар, стайня, вазоўня. У канцы XIX ст. пабудаваны амбар, лазня, лядоўня і сутарэнне. З правага боку ад рэзідэнцыі знаходзіўся пляц, абнесены плотам, а часткова і валам. Палова пляца занята пад агарод, другая – пад сад. У фальварках, што належалі да рэзідэнцыі, знаходзіліся бровар, амбары, млын, які ў 1817 г. быў яшчэ новы. Пасля выгнання езуітаў гэтыя ўладанні былі канфіскаваныя. Але частка з іх, у прыватнасці дзесяціны, што ахвяравала Ганна Камар, былі вернуты касцёлу ў выніку судовай справы 1855 г. Шэраг грашовых ахвяраванняў на касцёл ад Элеаноры Фартунаты Бонч-Асмалоўскай, надворнага саветніка Іпаліта Чарняўскага, Антаніны Канопкі, Антона Александровіча, Паўліны Завадскай і іншых захоўваліся пад працэнтны ў Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі.

Зразумела, у касцёле захоўваўся ўвесь неабходны апарат для богаслужэння. Гэты факт пазначаюць усе інвентары і візіты таго часу. У прыватнасці, больш 20 арнатаў, каля 10 капаў, некалькі дзесяткаў разнастайнай бялізны, срэбныя, медныя і іншыя рэчы

(крыжы, падсвечнікі, жырандолі і г.д.). З мэблі можна адзначыць дзве скрыні, два крэдэнсы са скрынямі, тры сталы з лавамі і шафу з дваінымі дзверкамі. Зразумела, была і бібліятэка. У 1842 г. у ёй налічвалася 80 кніг. Акрамя метрычных кніг і рэлігійнай літаратуры тут былі і адукацыйна-асветніцкія выданні. У дакументах адзначаецца, што сярод іх ёсць шмат старых кніг, якія фактычна не прыгодны для ўжывання. Заўважаецца таксама, што яны вельмі акуратна захоўваюцца ў шафе.

У 1817 г. парафія Лазавіцкага касцёла падпарадкоўвалася клімавіцкаму дэканату Магілёўскага біскупства і сягала амаль на 9 міляў (67 км.), налічвала каля 800 прыхаджан, у 1840 г. – каля 900. Нагадаем, што побач знаходзіліся парафіі Мсціслаўскага, Івандарскага і Касцюковіцкага касцёлаў, з якімі і межавала Лазавіцкая.

ПУБЛІКАЦЫІ АРХІЎНЫХ ДАКУМЕНТАЎ

Н.А. Барсукова

Тэстамент капітана каралеўскіх драбантаў Юрыя Караля Шэлпах фон Штэтэнберга

...моеи отдаю а с(ы)ну моему Тумашу Шелпаху фань Штетеньберху, а кроме записую готовые двесте копъ грошей и вос з двумя конями гнедьми и з шорыми, и в одномъ возе цыну и медью подорожною. То все ему отдаваю: и два кони з седлами и всякимъ порятыкомъ желнерскимъ. Только прошу с(ы)на моего Тумаша, што бѣ по смерти моеи жену мою а мачагу свою, якъ родную матку, шанаваль и ни в чемъ ее не кривдиль. И тому ж Тумашу, с(ы)ну моему, записую маетнасть свою вечистою в Швецкой земле в повете Упсалскомъ, шесть мил от места Упсалска лежачею, котораю батюшко мой купил от пана генерала Куштафа за восемьсотъ червонцов, а оная маетнасть заветца Штетеньбергъ, которая в опеце есть у брата моего теточкова пана Аньца Функа, полковника квалерий швецкой реименту упсалскаи. И оная выпшепоказаная моя маетнасть отдана ему, брату моему, съаткомъ и хлебомъ стоячимъ и малочанымъ, и з поддаными моими, которая значано ресстромъ в канцелярии псалской с подписомъ руки моеи и з печатію моею власною: в пол месеца догоры рогами и две звезды над рогами. А внуку моему миламу Марьтинави Шельпохове записую сто копъ грошей и коня чернова съ седломъ, и всякимъ порятомъ, и о томъ прошу жены своєї и с(ы)на, чтобы оное все водлуть моево росътису отдана была внуку моему, которои в кухне королевской служит и пима** не умееть. А ежели бы с(ы)нь мой Тумашъ придетъ до выпшепоказаньной маетности своєї, абы с(ы)ну ево Марьтину Шелпаку были бы показаль запись мои с подписаниемъ руки моеї и з печатію, в коньцелярии псалской уписано, дадутъ тому веру. А коли тамъ будете который споминайте душу ба-

*Часткова пашкодвана чарнільнай плямай.

**Так у рукап., трэба чытаць пісна.

тпошка масво Вилелма и мою — тела батюшка масго лежит в костеле Упскомъ Великомъ, на штейдаме стоячимъ, колвинскомъ. А при томъ остолвию васъ жену свою с(ы)на и внука, и всехъ приятелей моихъ, до которого достоменту рукою власною своею подписуюся, и приятелю о под сий рукъ упросил.

Писано власне году тысяча пятьсотъ восемьдесятъ шестова, месеца сентебря девятого дня.

У того дестом'ету подписи рукъ такие: Юрей Король Шелпах фонъ Штетенбергъ, капитанъ драбантовъ ево королевской милости прошаны; печатарь Симанъ Сопотько, подькоморей городеньской, рукою съвоею** прошанай; печатарь Кузма Григорьевичъ З*** аневской рукою власною своею; печатарь Федоръ Ивановичъ Мокърецкой. Которои тотъ достоменьтъ зо всею в немъ вреженою речю до кнйгъ земскихъ городеньскихъ есть уписанъ¹.

І. М. Бобер

Ліст падкаморага гарадзенскага Грыгорыя Масальскага насельніцтву Гарадзенскага пав. аб правілах склікання коп і прызначэнні месцаў капавішчаў

Копны суд – найбольш архаічная форма вядзення судовага працэсу на Беларусі. Ён бярэ пачатак у старажытнарускім праве. У Вялікім княстве Літоўскім быў замацаваны і афіцыйна зацверджаны Статутамі, паступова спыніў сваю дзейнасць у XVII – XVIII стст. Назва паходзіць ад слова "капа" – "натоўп, сход". Копны суд – гэта суд сельскай і гарадской грамады. У ім прымалі ўдзел прадстаўнікі розных саслоўяў пры абавязковай прысутнасці ўпаўнаважаных дзяржаўных улад – возных, а за іх адсутнасцю – віжаў, харужых, лаўнікаў і інш. Збіралася капа на пэўных, афіцыйна прызначаных падкаморыямі месцах, якія называліся капавішчы, і ахоплівала навакольныя паселішчы ў радыусе адной мілі.

Гісторыя копных судаў – адна з цікавейшых старонак гісторыі ВКЛ. Іх значэнне ў жыцці краіны адзначыла Віленская археагра-

¹ НГАБ, ф.1755, воп.1, спр.10, стар.825-827.

фічная камісія (далей АВАК), выпусціўшы ў 1891 г. XVIII том АВАКа, які быў цалкам прысвечаны копным судам і да сённяшняга дня з'яўляецца адзіным унікальным выданнем дакументаў па гэтай тэме. Том змясціў матэрыялы аб дзейнасці копных судаў на тэрыторыі Беларусі і Літвы ў XVII–XVIII стст. Але ў сваёй прадмове да выдання І.Я. Спрогіс заўважыў, што ў Гарадзенскім павеце камісія не змагла адшукаць матэрыялы аб дзейнасці копных судаў, хаця ўскосныя дадзеныя былі знойдзены. Друкуемы намі дакумент выяўлены пры тыповай распрацоўцы аўтара актавай кнігі Гарадзенскага земскага суда за 1590–1592 гг. Ён цікавы і унікальны тым, што сярод надрукаваных у АВАКу дакументаў аналагічных яму няма. Дакумент складзены і падпісаны гарадзенскім падкаморыем Грыгорыем Масальскім 22 кастрычніка 1590 г. і дае падрабязны спіс месцаў капавішчаў па ўсяму Гарадзенскаму павету. Занесены ў актавую кнігу 2 лютага 1592 г. Дакумент напісаны на старабеларускай мове з ужываннем правапісу тых часоў. Пры падрыхтоўцы да друку былі расставлены знакі прыпынку згодна правілам сучаснай беларускай мовы. Вынасныя літары абзначаны ў тэксе курсівам. Цітлы раскрыты, апушчаныя літары ўстаўлены ў словы і ўзяты ў дужкі.

**Лист его м(и)л(о)сти п(а)на подкоморог(о) городенског(о)
на постановене и росписане коповиць в повете**

М(е)с(е)ца февраля 2 дня

Перед нами, уряднікамі судовымі земскімі повету *Городенског(о) Львом Михайловичом Сапегою, судью, Гэронимом Григоревичом Воловичом, подсудком, а Андреем Котовичом, писаром, на местцу судовом в замьку ег(о) королевское м(и)л(о)сти Городенском часу роков и на соймику громьничьномъ на обиране дэпутатов на суды головные трибунальные, на сойме ухваленомъ при зобранию многих обыватэлев того повету, такъ их м(и)л(о)сть панов радъ, врадников земских и кгородских, дворных и рицэрства шляхты, его м(и)л(о)сть пан Григорэй Мосалский, подькоморий повету Городенского, оповедал и покладалъ, и ку записано до книг земских отдал листъ свой подкоморский на постановене и росписане во всемъ повете пэвных местцъ на коповища для схожэнья на копы для обыску шкоды од злодейства и выпытанью шкодников злодеев водле порядку права стародавниог(о) земель рус-*

ких и полских, яко о том в праве посполитомъ в разделе чотырнадцатомъ, артыкуль девятый, значне учыть. Который листъ его м(и)л(о)сти п(а)на подкоморого слово в слово вписаны, такъ ся в собе масть:

Велможным и зацне вроженым их м(и)л(о)стям князем, паномъ, воеводам, кашталяномъ, маршалкомъ, старостам, державцам, врадником земским и дворным и всимъ обывателем повету Городенского, такъ тѣж славутьным панам войтом бурмистром, райцом и лавником в местах короля его м(и)л(о)сти, князких, панскихъ и землянских, службы мое поволные и зычливые до ласки в м(и)л(о)сти моих м(и)л(о)стивых и ласковых панов братьи пыльные залецаю, ознаймую в(ашым) м(и)л(о)стям моим м(и)л(о)стивым и ласковым паном братьи, иж я, обачаючы в Статуте права посполитого, якобы се злодейство збродня и своволенство загамовати могло, почуваючыся во враде своем подкоморском, зъ влады владу моего подкоморского для загамованя всякого злодейства и своволенства водлуг обычаю права посполитог(о), артыкулу девятого в разделе чотырнадцатом, зложилом коповища в повете Городенском на месцах пѣвных, в том листе моемъ нижэй обозначоних. А меновите, то есть: в месте Городенском за Немецьким рынком подле костела Светое Тройцы, в Ожи при костеле, у Перэвалцэ при костеле, на Русоти при дворцы князя проборща городенского, в Салатах при дворэ короля его м(и)л(о)сти, в местечку Озерах при костеле, на Котрэ его м(и)л(о)сти п(а)на подскарбего земского при костеле, отъ толь при цэркви Светого Ильи на Пыри, в Козловичох п(а)на Григоря Артиховича при цэркви, в Жарославцэ п(а)на хоружог(о) городенского при цэркви, в Милковяцине подле двора короля его м(и)л(о)сти, в Каменцэ его м(и)л(о)сти п(а)на подскарбего земского при костеле, в местечку Ятвеску пры костеле, в Рожанцэ пры костеле, у Турэйску пры цэркви, в Мостехъ пры костеле, в Лавной пры цэркви, в Лунной пры костеле, в Дубьне пры цэркви, у Данилчычахъ ихъ м(и)л(о)сти князей Масальских пры цэркви, в Лашы пры цэркви, на Свислочы его м(и)л(о)сти пана Андрэя Войны пры костеле, в Кгудевичахъ подле пана Андрэя Соболя под гаем берозовымъ, в Берэстовицы Великой подле двора его м(и)л(о)сти пана старосты Жомоитского, в Берэстовицы его м(и)л(о)сти пана краковьского пры костеле, у Королевого Мосту пры цэркви, у Тетероцэ пры цэркви, у Крыкахъ пры костеле, в Городку на рынку, в Забудовью пры цэркви, у Хворощи пры цэркви, у Василкове пры

костеле, в Ёлдурэ пры костеле, в Одельску пры костеле, на Горницы пана Мелешковой пры цэрквы, в Кузницы пры костеле, в Кундине пры цэрквы, на Соколде в селе Жданович пры костеле, Сидрэ пани Ивановое маршалковое пры костеле, в Сидрэ его м(и)л(о)сти пана краковскаго пры костеле, в Новомъ Дворэ пры костеле, в Липьску пры костеле, в Лабне под гаем берэзовым, у Перстуню в селе Ротичах на Бали панове Воловичов пры цэрквы, в Довьспуде и в Яновцэ пры костелах, в Рачках пры костеле, в местечку Бакаларовскомъ пры костеле, у Филипове пры костеле, у Перэросли пры костеле, в местечку Вижунах пры костеле, в Сейвах пры дворэ короля его м(и)л(о)сти, в Рудомине пры костеле, в Лоздях пры костеле, в Олах на рынчю, в Бэржниках пры костеле, у Вейсеях княжат их м(и)л(о)сти Слуцких пры костеле, в местечку панове Коптев у Вейсеях пры костеле, в Лепунах пры костеле, в Лишкове пры цэрквы, в местечку Сопотькинях пры цэрквы. На которые месца поменены, где бы се коли в чом кому шкода якая стала, абысте в(аших) м(илостей) подданным своимъ, и подданным короля ег(о) м(и)л(о)сти урадов своих, а п(а)нове наместники их м(и)л(о)сти п(а)новъ так жэ подданным урадов своих, которые се до тых коповищъ наблизэй за мило стегаютъ, кгда от ког(о) ушкожоно, ознаймено будеть сходиться казали и винног(о) обыскивали, чым бы в злодейство загамовало, а злости своленству людскому забезало и Статугови се досыть стало. А иж на некоторых местьцах коповища описаны суть частые, тогды нехай то никому ку вымове не служыте, жэ бы до одног(о) местца коповищу назначоног(о), обравши себе хоженье на другом, и колько около домов або сель его коповищъ назначоно, абы ся становить не мель овшэмъ на пять и на шести и колько одно местьць прилеглых кому будеть в мили отъ его дому або села, абы ся на кождом становили люди в(аших) м(илостей) и урадов в(аших) м(илостей) зь сель по три чоловеки. А подданных в(аших) м(илостей) шляецких, у ког(о) чоловсков десять, абы человек десятый становилься. А в кого меньшь, пятый будь и третий, а которые шляхта людей не мають, сами абы ставали на копы, зь села по три особы даючи, с праву о себе и о своих суседов захованью и обжитю, и очищаючи себе и своих сусед звычайем и прикладом копь землю руских и полеских. А где бы тэж на котором местьцу в томъ повете местьца на коповища рэдко описано, а кому в мили местьца копе не означоно, тогды о том от тых становъ и людей, кгдами будеть ознаймено, тогды

я и тамь местьца копамь назнача и листом моим то обварую, с тым и повторэ службы мои повольные до ласки в(аших) м(илостей) моих м(и)л(о)стивыхь и ласковых п(а)нов братьи пилие залечаю. Писан у Городне, лета Б(о)жого нарожэня тисеча пятьсоть девятыдесятог(о), м(е)с(е)ца октября, двадцать второго д(и)ня. У того листу печать притиснена его м(и)л(о)сти п(а)на подкоморог(о) и подпис руки ег(о) м(и)л(о)сти писмомь руским тыми словы: в(аших) м(илостей) моих м(и)л(о)стивыхь и ласковых п(а)нов братьи во всемь повольный слуга, приятель и зычливый брат Григорей Мосальский, рука властная. Которий листь его м(и)л(о)сти п(а)на подкоморог(о) от ег(о) м(и)л(о)сти, перед нами на враде оповеданный, ку потребе всих обыватэлей тог(о) повету до книг земских вписан есть.

НГАБ, ф.1755, воп.1, спр.11, стар.890-892.

Г.М. Брэгер

Разрабавање маёнтка Ілля ў 1831 годзе

Маёнтак Ілля Вілейскага павета Мінскай губерні (цяпер Вілейскі р-н Мінскай вобл.) ў 1-й трэці 19 ст. належаў вядомаму дзеячу лістападаўскага паўстання 1830-1831 гг. Станіславу Радзіншэўскаму (1788-1844). Ён быў прафесійным вайскоўцам: напачатку служыў у расійскім войску, пад час вайны 1812 г. ваяваў на баку Напалеона ў чыне падпалкоўніка. Пасля вызвалення з расійскага палону адпшоў ад вайскавай службы і гаспадарыў у сваіх маёнтках. Але яго арганізатарскія здольнасці паспрыялі таму, што ён быў абраны маршалкам Вілейскага павета. У паўстанні 1830-1831 гг. супраць расійскага панавання на землях былой Рэчы Паспалітай С.Радзіншэўскі прыняў актыўны ўдзел як вясны начальнік Вілейскага павета, а потым узначаліў пяхотны полк¹.

На задушэнне паўстання ў Вілейскім павеце быў накіраваны Тэпцярскі казачы полк на чале з палкоўнікам Бальцэнталем. Шукаючы ў першую чаргу камандзіра паўстанцаў Станіслава Радзіншэўскага, казачы полк уварваўся ў яго сядзібу ў маёнтку Ілля і дашчэнтну яе разбурыў і разрабаваў. У фондах Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі захавалася справа канцэлярыі мінскага грамадзянскага губернатара па факту гэтага здарэння, заведзеная па скарзе жонкі паўстанца Клары з Абрамовічаў

Радзішэўскай². Клара Радзішэўская хутка пасля нападу падала скаргу мінскаму ваеннаму губернатару кн. Даўгарукаву. Ён накіраваў для высвятлення абставінаў здарэння падпалкоўніка Вількевіча, які прыехаў у Ілпо 23 мая 1831 г.* Вількевіч, агледзеўшы ў прысутнасці гаспадыні сядзібу, адправіў мінскаму ваеннаму губернатару рапарт³ (гл. яго тэкст у дадатках) і "Ведамасць разбурэнняў і захопленых рэчаў у маёнтку Ілля памешчыцы Радзішэўскай Тэпцярскім казачым палком падпалкоўніка фон Бальцэнталя"⁴. (Пры складанні ведамасці выкарыстаны як вышэйзгаданы рапарт, так і рэестр нарабаванай і панішчанай рухомасці, складзены Кларай Радзішэўскай⁵. Фрагменты гэтага рэестра пададзены ў дадатках). Але на гэтым справа, відаць, не мела ніякага руху, таму што Клара Радзішэўская 25 лістапада 1831 г. зноў падае скаргу на імя кн. Даўгарукава, ужо на той час віленскага генерал-губернатара, аб расследаванні справы і вяртанні нарабаванага⁶. Адтуль скарга была пераадрасавана мінскаму ваеннаму губернатару⁷, і пасля паўгадавога прамаруджвання следства распачалося толькі ў весну 1832 г. 24 красавіка 1832 г. мінскі грамадзянскі губернатар, паводле распараджэння мінскага ваеннага губернатара гр. Строганова, накіраваў на даследаванне справы ў маёнтак Ілля капітана корпуса жандармерыі Папова⁸. Але яшчэ перад гэтым, не дачакаўшыся пачатку следства, Клара Радзішэўская па пашпарту Мінскага губернскага праўлення выехала за мяжу на пошукі мужа, які тайна эміграваў пасля задушэння паўстання⁹. Капітан Папоў разам са сваім памочнікам засядацелем Вілейскага земскага суда Свентаржэцкім, прыехаўшы ў Ілпо, 9–10 мая 1832 г. распытваў розных сведкаў аб рабунках казачым палком у двары Радзішэўскіх¹⁰.

Паводле сведчанняў людзей, апытаных следчымі, а пятай гадзіне вечара 11 красавіка 1831 г. адзін з атрадаў 2-го Тэпцярскага казачага рэгулярнага палка на чале з палкоўнікам Бальцэнталем уварваўся ў сядзібу паўстанца. Але жаўнеры не знайшлі гаспадароў: Станіслаў Радзішэўскі яшчэ за некалькі дзён да гэтага выехаў з маёнтка, а яго жонка пакінула сядзібу літаральна за дзве гадзіны да нападу казакоў. Раз'юшаныя казакі ў бяспільнай помсце пачалі рабаванне новазбудаванага палаца, хлявоў, гумнаў. Найбольш каштоўныя рэчы з палаца – упрыгожванні з каштоўных металаў і камянеў, сталовае срэбра, старажытны посуд, нумізматычная і мінералагічная калекцыі і іншае пад кіраўніцтвам камандавання

* Усе даты, акрамя асобна агавораных, пададзены па старому стылю.

было пагружана ў асобныя вазы. Таксама было канфіскавана ўсё дворнае збожжа, садавіна, гародніна, спіртныя напоі і іншы правянт, а таксама захоплены ўся дворная жывёла. Нарабавана было каля трыццаці вазоў. Усё астатняе, што камандаванне палічыла непатрэбным, было аддана на рабаванне і разгром казакам. Гвалт і знішчэнне сядзібы працягваліся ўсю ноч. П'яныя жаўнеры ў палацы крушылі мэблю і музычныя інструменты, білі посуд, ірвалі карціны, кнігі і дакументы, павыломвалі дзверы і шыбы ў вокнах. Супакоіўшыся толькі раніцай, цяжка гружаны нарабаваным абоз каля 12 гадзін рушыў у кірунку мястэчка Сосенка і далей да Вілейкі. Маюцца звесткі, што гэты полк рабаваў у Вілейскім павеце і шмат іншых мяэнткаў, і здабытыя такім чынам каштоўнасці аселі ў яго камандзіраў. Пэўныя каштоўнасці маглі апынуцца ў Вільні, дзе пасля задушэння паўстання гэўны час дыслакаваўся полк Бальзэнталя. Хутка, у маі таго ж года, як пісалася вышэй, падпалкоўнікам Вількевічам апісана разбурэнне сядзібы і складзены спіс нарабаванага. Са слоў пацярпелай Клары Радзішэўскай яна панесла стратаў на суму ў 160 тыс. руб. асігнацыямі (у пазнейшых скаргах яна называла суму нават у 205 тыс. руб.)!

Пасля заканчэння дазнання капітанам Паповым у маі – чэрвені 1832 г. матэрыялы следства разам з рапартам Папова, ужо прызначанага на пасаду мінскага паліцмайстра, аб дасягнутых выніках справы былі накіраваны да мінскага грамадзянскага губернатара¹¹. Канцылярыяй губернатара дзеля фармальнасці прадпрынята справа пошуку месца дыслакацыі Тэпцярскага казачага палка. Быў накіраваны ліст у Галоўны штаб 1-й арміі ў г. Кіеў¹², але адгуль адказалі, што згаданы полк ні пад час паўстання, ні ў цяперашні час (16 лістапада 1832 г.) у складзе 1-й арміі не знаходзіўся¹³. Жадаючы хутчэй пазбавіцца ад судовай справы па маэнтку паўстанцкага камандзіра Станіслава Радзішэўскага, якога 21 снежня 1831 г. ужо асудзіла завочна мінская губернская следчая камісія¹⁴, канцылярыя губернатара даслала 29 верасня 1832 г. ліст міністру ўнутраных спраў з выкладам сутнасці справы з прапановай прыпыніць разбіральніцтва, спісаўшы ўсё разбурэнні маэнтка на ваенны час¹⁵. 4 снежня 1833 г. мінскі губернатар атрымаў з Дэпартаменту выканаўчай паліцыі МУС паведамленне ад 18 лістапада 1833 г., што спадар міністр 2 лістапада дакладваў па гэтай справе расійскаму імператару. У сувязі з гэтым імператар наклаў рэзалюцыю аб прыпыненні судаводства з-за немагчымасці вышуку вінаватых і станоўчага вырашэння справы, а так як муж скаргніцы Станіслаў Радзішэўскі прызнаны дзяржаўным злачынцам, тады ўсё

страты яна павінна "прыпісаць да віны свайго мужа ў сувязі з дзейнасцю войскаў"¹⁶. Імператарская рэзалюцыя блукала на інстанцыях яшчэ некалькі месяцаў і толькі ў 1834 г. была ўручана Клары Радзішэўскай, якая жыла ў дзедзічным маёнтку Беніца Ашмянскага павета Віленскай губерні. Маёнтак Ілля і іншая ўласнасць Станіслава Радзішэўскага, прызнанага злчынцам, былі канфіскаваныя ў дзяржаўную казну. Славуці паўстанцкі камандзір памёр у эміграцыі 23 ліпеня 1844 г. (па новаму стылю)¹⁷.

Ніжэй, у дадатках, падасца тэкст рапарта падпалкоўніка Вількевіча да мінскага ваеннага губернатара ад 25 мая 1831 г. Ён вызначае амацыйнасцю апаবাদання аб разбурэннях у двары маёнтка Ілля, што тлумачыцца душэўным узрушэннем ад убачанага і шчырым спачуваннем да пацярпелай гаспадыні. Таксама падасца фрагмент рээстра нарабаванай і панішчанай маёмасці, складзенага ўласнаручна Кларай Радзішэўскай (не датаваны) і пададзенага разам са скаргай віленскаму генерал-губернатару князю Даўгарукаву 25 лістапада 1831 г. Да публікацыі дадаюцца фрагменты рээстра, дзе пазначаны найбольш цікавыя і каштоўныя рэчы, экспанаты музэйнага кшталту. Дарэчы, у сядзібе захоўваліся таксама бібліятэка, архіў і іншыя гістарычныя і мастацкія каштоўнасці такіх вядомых у Беларусі родаў, як Радзівілы, Коцелы, Бржастоўскія і Валадковічы¹⁸. На жаль, не маёцца падрабязнага апісання гэтых рэчаў для далейшай іх ідэнтыфікацыі і пошуку. Дакументы напісаны па-руску і падаюцца з захаваннем іх арфаграфічных асаблівасцяў. З рээстра рэчаў бачна, што К. Радзішэўская не вельмі добра валодала рускай мовай.

Дадатак 1

**РАПАРТ ПАДПАЛКОЎНІКА ВІЛЬКЕВІЧА МІНСКАМУ ВАЕННАМУ
ГУБЕРНАТАРУ КНЯЗЮ ДАЎГАРУКАВУ АБ АГЛЯДЗЕ
РАЗБУРЭННЯЎ У НАРАБАВАНЫМ КАЗАКАМІ ТЭПЦЯРСКАГА
ПАЛКА ДВАРЫ МАЁНТКА ІЛЛЯ СТАНІСЛАВА І КЛАРЫ
РАДЗІШЭЎСКІХ**

25.05.1831

/№/ 1051

(атрымана) 26 мая 1831 г.

Его сиятельству Минскому временному военному губернатору господину генерал-адъютанту и ковалеру князю Долгорукову.

Подполковника Вилькевича рапорт.

В следствие предписания Вашего Сиятельства за № 574-м о исследовании причиненного разорения воинскою командою Вилейского повета в местечке Илии, принадлежащем помещице Радзишевской. По чему сего мая 23 дня отправился я из местечка Вязьни в Илию. Прибыв туда, нашел владительницу сего имения госпожу Радзишевскую в крайнем и горестнейшем положении. Не нахожу столь сильных и приличных выражений, чтоб вполне изъяснить и донести Вашему Сиятельству ту разительную картину, к несчастию которой был я лично свидетелем. Начну с наружного вида, представившегося мне при въезде в ворота господского богатого дому. Все окна и рамы совершенно уничтожены, пред коими выброшенные, изломанные различные мебели; изорванные живописные картины и другие искаженные вещи окружают дом, представляя разрушенную декорацию. Но когда вошел я во внутренность покоев в сопровождении самой хозяйки, двух особ из ее соседей и тамошнего ксендза, тогда еще более поразило меня совершенное разрушение и уничтожение всего, что только находилось в доме, от самой прихожей по всем комнатам разбросанные и уничтоженные всякого рода вещи, кучами наваленные по полу, взятые из кладовых и других мест для сортирования по качествам. Многие из оных вещей добродетельные козаки не сочли нужным взять с собою за излишеством в количестве и разсудили так: чтоб лишить их способности к употреблению, почему поступили соответственно всегдешнему их правилу, раздробили и изорвали все на мелкие части, фарфоры, фаянсы, хрусталь, вазы, 3 фигель-фортепиано, портреты, разбитые после вина, сыропов и наливки бутылки, варенье, обтекарские медикоменты, выпущенный из постелей и подушек пух, и даже святые иконы, изображающие Спасителя, разломаны и части оных перемешаны со всем вышеописанным, тут же турецкие ковры, так было видно, изрублены саблями в куски. И в жизни не видывал такого полного беспорядка. Но все сие мною изъясняемое надобно видеть лично, чтоб иметь полное понятие о сей редкой картине. Хозяйка дома, сопровождавшая меня, безмолвно обливалась слезами, ибо, по словам ее, только во второй раз решилась обозреть бывшие свои апартаменты.

После чего отправился я в экономические амбары /.../.

Непрерывным долгом поставляю донести Вашему Сиятельству в самой точности и без малейшего увеличивания, но истинно и по чести полагаю, что изъясненное мною весьма слабо в отношении настоящего происшествия.

При сем честь имею приложить регистр, составленный самою владительницею, сего разрушения, которая уверяет честно, что не в состоянии была изложить всего потерянного, которое приобреталось в продолжении столетия. О чем почтеннейше честь имею донести Вашему Сиятельству.

№ 38

25 мая 1831 года

Местечко Вязынь

НГАБ, ф.295, воп.1, спр.330, а.8 – 9.

Дадатак 2

**РЕГИСТР, ЧТО ИМЯННО ЗАБРАНО ВО ВРЕМЯ БЫТНОСТИ С
КОМАНДОЮ ПОЛКОВНИКА БОНЦЕНТАЛЯ В ИМЕНИИ ИЛЬИИ
ПОМЕЩИЦЫ РАДЗИШЕВСКОЙ 11 АПРЕЛЯ 1831 г.**

[да 23.05.1831]

Звание Достояния.

<...>

Намиоты, макаты турецкие, диваны или кавры

Макатов турецких больших - 2

Кавров больших - 2

Таковых же меньших - 4

Тоже домашней работы - 6

Кож медвежьих покрытых сукном
к саням больших - 3Намиот турецкий большой с тремя
покоями - 1Таковой же меньше стоящий с 3
покоями - 1Таковых же меньших с изделиних
изделий - 4

<...>

Порцеляна, стекло и бронз

Порцеляны Саской на 24 особы к кушанью* служащей

Чашок пар - 52

Гарнитуров к чаю - 4

* У арыгінале – "кашанью"

Разные кофейки, чайники тоже медные, жестяные, разные кветрульки, самовары большие и малые – кроме сего няходящиеся на двух столах особо разная порцеляна

Фигур металлических – 5

Вазонов Хинских больших два – 2

Тоже Японских больших – 2

Французских и российских – 4

Саских – 4

Вазонов металлических бронзовых – 4

Фигур бронзовых – 5

Фигур из слониовой кости анатомических – 2

Тоже разных – 3

Хрест с фигурою Иисуса Христа янтарной – 1

Разные игри из слониовой кости как то: шашки, варцебы и проч.

Габинет минералогический – 1

Золотые и серебряные нумизма, скринка или поезда от гарнца – 1 (на тысячу и более червонцов)

Нумизма от полгарнца медных – 1

Библиотека довольно большая – 1

Кришталу заграничного по 5 шт. на особу, на особ – 24

Тоже здешних на 24 особы, – разного криштала уставленного на 4-х столиках, ламп разных комнатных и – 8

Картины олейные

Больших римских – 2

Меньших римских – 10

Здешних – 13

Полтреты целой фамилии величины большой и малой и несколько надсеяток картин графированных

Музыкальные инструменты

Канталионов веденьских – 2

Фортепяно англиное с флетами из красного дерева – 1

Скрипка многостоящая – 1

Алиовлю* – 1

Разные вещи

Брилянтов и алмазов на рублей ассигнациями 4 000

Часы столовые англицкие стоящо бьющие – 1

Тоже французские – 1

Стенные большие бьющие – 1

---

* Адьтовка – у копії рэстра

- Антик многостоящий сребренный – 1
 Тоже, многостоящий маленький в перстеню дамском – 1
 Цепочков золотых на шею – 2
 Канак в драгоценном камне на шею – 1
 Разных золотых перстений – 15
 Часы золотые дамские с жемчугом на шею – 1
 Дивизок разных золотых – 11
 Миниатур фамилийных в золото обделанных – 5
 Брансолетов и ферлецаров* золотых с камнями – 10
 Мозаики разного сорта к обделке в скриньки – 18
 Табакерки – 18
 Перспектив или люнеток золотых – 2
 Тоже серебряных – 1
 Тоже бронзовых больших – 2
 Тоже обделанная в красное дерево одна – 1
 Тоже микроскоп – 1
 Камеръобем (камер-обскура*) – 1
 Камерблем – 1
 Термомитр – 1
 Баромитр – 1
 Весы разные –
 Разного серебра наименее пуд один – 1
 Целая лебурска аптека наименее на червонцов – 150
 Аптека хозяйска, както: конфекты <...>
 Постель целая моя, два матераца, пудушок три и одеяло одно и того – 6
 Постель на 12-ть особ для прибывающих гостей <...>
 То есть гарнитуров 24 <...>
 Туалет из красного дерева с зеркалами – 3
 Тоже цендаловых – 1
 Тоже вугшпановая – 1
 Тоже из дерева орехового и из чечотки с мазейками две – 2
     все то с цифрами и порядком аккуратным.
 Зеркало большое в серебро обделанное – 1
 Зеркалы разной величины в красное дерево обделанные – 4
 Бюро к женскому платью, столики из красного дерева, из чечотки мрамурные и сукном покрытых штук нескольконадцать
 Разных стульев из красного дерева лакированных
 Подсвечников металических – 4
 Тоже бронзовых позолоченных – 6
 Тоже серебряных – 2
 Тоже подорожных (которые разбираются на части) бронзовых пар – 4

* У копії рэстра

Тоже разных бронзовых и медных – 12
Тоже столовых трисвечных металлических – 2
Тоже таких же двусвечных – 2
Снимков пар – 8

Хирургические инструменты все забраны

Коллекта цела всех пап, и разных краев государей, как-то: российских, польских, французских и проч., медали славных людей

Впрочем, много вещей неупоминаю, ибо упомнить не могу, а только что вся прочая, хозяйственные снаряды и все порядки вовсе разорены до крайности.

Klara z Abramowiczow Radziszewska

НГАБ, ф.295, вол.1, спр.330, а.4-6адв.

А.Л. Гривяню

Лісты да архіепіскапа

У 1997–1998 гг. у Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі праводзіліся ўдасканаленне і пераапрацоўка вопісаў фондаў царкваў Мінскай епархіі. Пры ўдасканаленні фонду Мінскага кафедральнага Петрапаўлаўскага сабора знойдзены цікавыя дакументы, звязаныя з дзейнасцю вядомага расійскага гісторыка XIX ст. Міхаіла Восіпавіча Каяловіча¹. Дакладная фондавая прыналежнасць справы высвятляецца.

М.В. Каяловіч нарадзіўся ў 1828 г. у м.Кузніца Сакольскага пав. Гродзенскай губ. (цяпер Беластоцкае ваяв., Польшча). Быў сынам уніяцкага святара. Вучыўся ў Супрасльскім духоўным вучылішчы, Літоўскай духоўнай семінарыі ў Вільні, у 1855 г. скончыў Пецябургскую духоўную акадэмію. Выкладаў у Рыжскай і Пецябургскай семінарыях, з 1856 г. – у Пецябургскай духоўнай акадэміі, з 1862 г. – прафесар².

У савецкай гістарыяграфіі Каяловіч ахарактарызаваны як яркі прадстаўнік клерыкальна-манархічнага напрамку гістарычнай думкі. Сярод яго асноўных даследаванняў, якія прысвечаны царкоўна-бытавой і палітычнай гісторыі беларускіх і часткова ўкраінскіх зямель, што ўваходзілі ў склад Вялікага княства Літоўскага, працы: "Літоўская царкоўная унія" (1859–1861),

"Чыггані царкоўных заходнерускіх брацтваў" (1862), "Лекцыі па гісторыі Заходняй Расіі" (1864), "Гісторыя ўз'яднання заходнерускіх уніятаў старых часоў" (1873) і інш.³

Захаванне рэлігійнай і палітычнай самабытнасці беларускага народа Каяловіч прыпісваў Рускай дзяржаве⁴.

Заслугай вучонага з'яўляецца тое, што ён вылучыў беларускія элементы з гісторыі тых дзяржаў, часткай якіх была Беларусь у розныя часы, вялікую ўвагу ўдзяляў вывучэнню крыніц. Некаторыя дакументы ён увёў у навуковы абарот упершыню. Асабліваю ўвагу ён удзяляў вывучэнню заходнерускай (беларускай) царквы і заходніх брацтваў⁵.

Звесткі, якія датычацца імя прафесара Санкт-Пецярбургскай акадэміі М.В.Каяловіча, знаходзяцца ў справе аб зборы і раздачы ахвяраванняў для пацярпеўшых у час паўстання 1863 г.⁶ У справе 55 аркушаў рознага фармату – ад ~ 14x21,8 см (а. 39) да ~ 22x35,5 (а. 25) белага (больш ці менш пажоўклага) і шэра-блакітнага колеру. Старонкі лістоў вучонага маюць памер ~ 20,5x26,4 см. (а.40–41адв., 46–47адв.), на паперы добрай якасці, крыху пажоўклый. Усе аркушы справы перакрэслены сінім алоўкам, што, верагодна, гаворыць пра завяршэнне ці скасаванне справы.

На першым аркушы справы ў прыходна-расходнай ведамасці за 1863 г. у графе "Приход" у артыкуле № 1 за 20 ліпеня: "От профессора С.-Петербургской академии М.Кояловича при письме от 12 июля 3 рубля, пожертвованные от неизвестного, обозначенного буквами Н.Б. (паметка паміж радкамі – "для Конопасевичевой". — А.Г.), и 22 рубля, пожертвованные студентами Московского университета для пострадавших от мятежников крестьян – и того двадцать пять рублей серебром"⁷.

Далей у дакуменце ў артыкулах № 2 и 3 ідуць звесткі пра ахвяраванні ад рэдакцыі газеты "Русский инвалид"⁸. У артыкуле № 4 ад 14 жніўня змешчаны наступны запіс: "От профессора С.-Петербургской академии М.Кояловича, при письме от 29 июля, сто двадцать пять рублей серебром, из коих сто рублей в пользу семейства дьячка Свято-Вольской церкви Феодора Иоозефовича, а двадцать пять – крестьянам его прихода"⁹.

Далей – аб ахвяраваннях іншых асоб.

Архіепіскап Мінскі Міхаіл у адносіне на імя протаіерэя Мінскага кафедральнага сабора Ю.Выржыкоўскага ад 5 ліпеня 1863 г. (гл.Дадатак) паведамляе аб прапанове М.В. Каяловіча

стварыць Камітэт па зборы і раздачы ахвяраванняў для пацярпеўшых у час паўстання 1863 г.

У невялікім лісце М.[П] Пушчына, напэўна, на імя архіепіскапа Міхаіла (імя адрасата няма) ад 18 ліпеня 1863 г. змешчана яго згода на ўдзел у камітэце¹⁰.

У справе змешчаны і лісты самога М.В. Каяловіча да архіепіскапа Мінскага Міхаіла ад 12 і 29 ліпеня 1863 г. (гл.Дадатак), у якіх бачна адмоўнае стаўленне вучонага да паўстання 1863 г. З гэтых лістоў можна даведацца як аб працы вучонага над даследаваннем па Люблінскай уніі, так і аб яго грамадскай і публіцыстычнай дзейнасці і крыху аб асабістым жыцці. Цікавыя разважанні вучонага аб таварыстве міласэрных сяцёр.

З рапарта бярэзінскага благачыннага свяшчэнніка Рамана Пастэрнацкага ў Камітэт па зборы і раздачы ахвяраванняў на карысць асоб, што пацярпелі ад мяцежнікаў у Мінскай губерні, ад 22 жніўня 1863 г. мы даведваемся аб адпраўленні благачынным у камітэт двух распісак, адна з якіх ад "священницы Елены Конопасевичевой, выданная ею от 11 сего августа на получение пожертвованных профессором Кояловичем трех руб.сереб."¹¹

Такім чынам, у прыведзеных дакументах прафесар М.В. Каяловіч прадстае перад намі не толькі як гісторык, але і як публіцыст, грамадскі дзеяч і дабрачынец.

Дадатак

Адносіна архіепіскапа Мінскага Міхаіла да протаіерэя
Мінскага кафедральнага сабора Ю. Выржыкоўскага

5 ліпеня 1863 г.

Известный Михаил Осипович Коялович, в письме от 26 истекшего Июня, просил меня предложить Гг. Директору здешней Гимназии Александру Андреевичу Кандидову, Михаилу Ивановичу Пущину и Вам составление Комитета, в котором бы он Коялович и другие лица могли препроводять пожертвования в пользу пострадавших от мятежников.

Получив согласие Г. Директора Кандидова, Г. Пущина и Ваше, я сообщил о том Г. Кояловичу.

Независимо от того лично объяснитесь, О. Протоиерей, с этими лицами и о том сообщите Г. Кояловичу

НГАБ, ф. 124, воп. 1, спр. 172, а. 37–37адв.

Лист професара Санкт-Пецябургскай акадэміі М.В. Каяловіча
да архіепіскапа Мінскага Міхаіла*

12 ліпеня 1863 г.

Ваше Высокопреосвященство!

От неизвестнаго, обозначенного буквами Н.Б., присланы мне, между прочим, три рубля в пользу семейства мученика Конопасевича. (Данііл Канапасевіч – свяшчэннік м.Багушэвічы Ігуменскага пав., павешаны паўстанцамі¹². — *А.Г.*) Пересылаю их Вам, Владыко, для передачи несчастной вдове. Недавно я писал к Вашему Высокопреосвященству письмо. Не знаю, получили Вы, Владыко. Ваше Высокопреосвященство, вероятно, читали в газете “День” мою последнюю статью, в которой я предлагаю, между прочим, устроить при семинариях и уездных училищах склады книг для народа. Я надеюсь, что Ваше Высокопреосвященство, не делая прямого примечания, дадите совет начать это дело и будете содействовать ему. Если Бог благословит это предприятие, я попрошу Вас, Владыко, только известить меня, где и кто берется заниматься этим делом. Тогда я напечатаю об этом, и, Бог даст, добрые люди станут присылать деньги и книги. Я привык считать Минск центром Белоруссии и ждать оттуда лучших действий. Поэтому и обращаюсь к Вашему Высокопреосвященству прежде всего. Лучше всего было бы, если б за это дело брались учителя, чтобы не видно было неофициального характера в этом деле, не подавать повода к толкованиям, что тут клерикальный или еще хуже монашеский интерес. Сломаю голову, спешу кончить небольшое сочинение о лоблинской унии и издать к Августу. Уже начало печатается. Будет разослано при “Инвалиде” и также будет отдельно.

12 июля

Совершенно преданный М. Коялович

Сейчас получил письмо Вашего Высокопреосвященства с документом о смерти Иозефовича (Фёдар Іозэфовіч – дзячок Свято-Вольскай царквы Пінскага пав., павешаны паўстанцамі¹³. — *А.Г.*); документ под заглавием –

* У самым пачатку прыведзенага ліста на а.40 – рэзалюцыя архіепіскапа Мінскага Міхаіла ад 20 ліпеня 1863 г.: “В Комитет – на распоряжение по настоящему указанию”.

со слов вдовы Иозефовичевой посылаю в газету "День". Пора, пора все бы выдать наружу, несмотря ни на что. Да и вдове будет помощь. С искреннею радостью узнаю, что гг. Пуцин, Кандидов и отец Иулиан (верагодна, праіаіерэй Мінскага кафедральнага Петрапаўлаўскага сабора¹⁴. — А.Г.) берутся быць постоянными двигателями доброго дела — раздачи пособий. Прилагаю двадцать два (22) (спачатку было "двадцать". — А.Г.) рублей для Минской губ. из назначенных студентами Московского универ. крестьянам. У меня такая мысль — деньги эти нужно посылать в те местности, где народные школы, и раздать преимущественно тем пострадавшим семействам, члены которых были или есть в училищах народных, причем нужно объявить, что деньги от студентов Московского университета. Думал было эти деньги послать князю [Ширинскому], но теперь лучше прямо членам комитета, которым прошу передать мою глубокую благодарность за участие к бедному народу. Напишу в газету "День", чтобы и оттуда прямо переслали деньги членам же.

НГАБ, ф. 124, воп.1, стр.172, а.40 — 41адв.

**Ліст прафесара Санкт-Пецярбургскай акадэміі М.В. Каяловіча
да архіепіскапа Мінскага Міхаіла***

29 ліпеня 1863 г.

Ваше Высокопреосвященство!

Только что получил письмо Вашего Высокопреосвященства и спешу отвечать, посылая вместе с тем сто двадцать пять рублей — и из коих сто в пользу семейства Иозефовича и двадцать пять крестьянам его прихода, той деревни, которую сожгли мятежники, — кажется, Святая Воля — 50 из редакции "День" и 75 из пожертвований, собираемых графиней Блудовой.

С [искренним] наслаждением [думаю] о большем и большем пробуждении общественной деятельности в Минске. Тут именно в этом естественном средоточии Белоруссии и нужно прежде всего и больше всего действовать. Господь да поможет идти светло и верно.

Сочувствую вполне мысли о гимназии, об училище для девиц духовного звания и об общине сестер милосердия, но последнее предприятие необходимо немного изменить. Не следует превращать общины в монастырь. Опытты показали, что, где только сделано это превращение, там пропадает общественная польза общин. Монастырь налагает свои обязанности

* У самым пачатку ліста на а.46 — рэзалюцыя архіепіскапа Мінскага Міхаіла ад 14 жніўня 1863 г.: "В Комитет, с присланною сумою, на распоряжение по назначению. О последствиях же Комитет сообщит Г. Кояловичу".

иночества и направляет все дело к чисто личному спасению в нем живущих, общественные дела стесняются и пропадают. Дух наших монастырей не уступит никаким ожиданиям. Я специально изучал вопрос об общинах, говорил об этом на лекциях о братствах, что, к сожалению, пропущено в печати. Лучше всего устроить общину просто только как общину при приходе каком-нибудь. Когда уже представлен [проект] Вашему Высокопреосвященству, неудобно представлять изменения; позвольте мне тут принять участие и письмами и печатно. Жду с нетерпением Вашего, Владыко, слова. Боюсь еще, чтобы несколько учреждений вводимых [горем] не погибли от необыкновенного вызова сим и не парализовались одно другим. Не придумаю, как бы уловить необходимую постепенность, но кажется, что община больше других может идти самостоятельно и служить подготовкою сим для других двух заведений.

Люблинская уния уже печатается и через неделю-полторы выйдет. Издание не мое — редакции "Инвалида", при котором будет разослана. Будут и особые экземпляры, цена едва ли будет больше 30—40 коп. Не угодно ли я могу распорядиться, чтобы к Вам послали число экземпляров, какое [проможем].

Книжечек с двадцатью о братствах и около сотни экз.: книги моей о расселении племен пришлю, но не раньше, как через две-три недели. Теперь живу у тестя, нужно вот искать квартиры и устроиться, хлопот очень много. На этой же неделе пошлю в "День" для напечатания известие о Минском комитете для раздачи пособий, чтобы знали и присылали пожертвования.

К зиме, вероятно, в Москве устроится общество для правильной и постоянной помощи голодной России. Между 5—15 августа, вероятно, поеду в Москву на совещания.

Пересылаю мой искренний и душевный поклон Михаилу Ивановичу и супруге, Александру Андреевичу и отцу Иулиану, который пока не успел ответить.

29 июля 1863 г.

Совершенно преданный М. Коялович

НГАБ, ф.124, воп.1, стр.172, а.46—47 адв.

Дакументы аб выдачы замежных пашпартаў Якубу Атонавічу Наркевічу-Ёдку і ягонай дачцэ Алене

Дакументы былі выяўлены пад час працы з матэрыяламі аб выдачы пашпартаў для выезду за мяжу розным асобам. Гэтыя матэрыялы складаюць даволі значны комплекс дакументаў, які ахоплівае перыяд з 1840 па 1918 г., знаходзяцца ў фондзе "Канцэлярыя мінскага цывільнага губернатара" (ф.295, воп.1, 2) і з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння генеалогіі розных сем'яў. Дакументы аб выдачы замежных пашпартаў Я.А. Наркевічу-Ёдку і яго дачцэ Алене складаюцца з 5 адзінак:

Першая — заява надворнага саветніка Я.А. Наркевіча-Ёдкі па імя мінскага губернатара генерал-лейтэнанта Трубяцкога аб выдачы замежнага пашпарта яму і дачцэ Алене для падарожжа за мяжу па хатніх абставінах. Заява складзена 12 сакавіка 1892 г. у маёнтку Пясочна Ігуменскага пав. Мінскай губ. На заяве прымацаваны дзве гербавыя маркі па 80 капеек кожная. На заяве стаіць уваходная пячатка канцэлярыі губернатара ад 12 сакавіка 1892 г. за № 667, рэзалюцыя Трубяцкога "Выдать 13/III"; наверху ўказана, што 13/14 сакавіка выпісаны пашпарт № 188.

Другая — квітанцыя мінскага губернскага скарбу ад 12 сакавіка 1892 г. аб выплаце Я.А. Наркевічам-Ёдкам 10 руб. за пашпарт.

Трэцяя — адносіна канцэлярыі мінскага губернатара ад 13 сакавіка 1892 г. прыставу I стану Ігуменскага пав. у м. Узда аб адсылцы яму замежнага пашпарта з мэтай выдачы Я.А. Наркевічу-Ёдку. Адносіна атрымана 16 сакавіка 1892 г.

Чацвёртая — распіска надворнага саветніка Я.А. Наркевіча-Ёдкі, дадзеная 19 сакавіка 1892 г. в.а. прыстава I стану Ігуменскага пав., аб атрыманні замежнага пашпарта.

Пятая — паведамленне в.а. прыстава I стану Ігуменскага пав. у канцэлярыю губернатара ад 23 сакавіка 1892 г. аб тым, што Я.А. Наркевіч-Ёдка атрымаў замежны пашпарт № 188. На паведамленні стаіць пячатка канцэлярыі губернатара ад 27 сакавіка 1892 г. № 847.

На жаль, самога пашпарта Я.А. Наркевіча-Ёдкі сярод матэрыялаў не захавалася.

Таксама невядома, ці быў выдадзены замежны пашпарт дачцэ Я.А. Наркевіча-Ёдкі Алене. Ніякіх звестак пра гэта няма.

Хацелася б спадзявацца, што гэтая публікацыя выкліча цікавасць не толькі да асобы Я.А. Наркевіча-Ёдкі, але і да комплексу дакументаў аб выдачы пашпартоў для выезду за мяжу, як каштоўнай крыніцы генеалагічных даследаванняў.

13/14 марта паспорт № 188
приставу I стана Игуменско-
го уезда № 2224
с паспортом

Его Превосходительству
Господину Минскому Губернатору

Надворнаго Советника
Якова Оттоновича
Наркевича-Иодко

По домашним обстоятельствам, имея необходимость отправиться за границу, прилагая при сем одну квитанцию на десять рублей, на предмет выдачи мне и дочери моей Елене Яковлевне заграничного паспорта, покорнейше честь имею просить выдать мне таковой и выслать в имение Пясочно Игуменского уезда через почтовую станцию Узду.

Надворный Советник
Яков Оттонович
Наркевич-Иодко

Жительство имею
Минской губернии I стана Игуменского уезда
имение Пясочно.
Почтовая станция Узда.
1892 года марта 12 дня.

НГАБ, ф.295, воп.1, спр.5360, арк.254.

Канцелярия губернатора
27 мар. 92 г.
№ 847

Настоящее поручение, с распискою Якова Оттоновича Наркевича-Иодко в получении им припроваждаемого при сем паспорта за № 188,

имею честь сообщить в Канцелярию Его Сиятельства, Господина Минского Губернатора.

И.д. пристава I стана
Игуменского уезда (подпис неразборливы)

№ 764
Марта 23 дня
1892.

НГАБ, ф.295, воп.1, спр.5360, арк.255.

1892 года марта 19 дня я, ниже подписавшийся надворный советник Яков Оттонович Наркевич-Иодко, даю настоящую расписку г.приставу I стана Игуменского уезда в том, что заграничный паспорт, выданный господином минским губернатором 13 марта 1892 года за № 188, получил.

Надворный Советник
Яков Оттонович Наркевич-Иодко

И.д. пристава I стана
Игуменского уезда (подпис неразборливы)

НГАБ, ф.295, воп.1, спр.5360, арк.256.

Минское губ. казначейство

Квитанция на 10 р.

Марта 12 дня 1892 г. по приходному журналу в книге 3 в статье под № 4326 записано на приход от Якова Наркевича-Иодко на заграничный ему паспорт всего десять руб.

НГАБ, ф.295, воп.1, спр.5360, арк.257.

№ 764
М. В. Д.

16 марта 1892 г.
Г. приставу I стана Игуменс-

Канцелярия
Минскаго Губернатора

Стол 2-й

Марта 13 дня 1892 г.
№ 2224
г. Минск

Вследствие прошения от 12 сего марта канцелярия губернатора, препровождая при сем паспорт за № 188 для Надворнага советника Якова Оттоновича Наркевича-Иодко, проживающего в имении Пясочно, просит Ваше Высокоблагородие при вручении такового предложить ему написать на паспорте свое имя и фамилию в личном присутствии Вашем, если же паспорт по каким-либо причинам не может быть выдан, то Вы обязаны возвратить таковой обратно в канцелярию.

За правителя канцелярии
и.д. помощника правителя канцелярии

Новосильцов
М. Сафаров.

НГАБ, ф.295, воп.1, спр.5360, арк.286.

А.А. Лашкевіч

Згадкі аб Стахору Мітковічу ў актавых кнігах Магілёва

Адной з важных крыніц па гісторыі Беларусі часоў існавання Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай з'яўляюцца актавыя кнігі, г.зн. кнігі, у якія запісваўся разбор розных судовых спраў. Кожны суд меў свае актавыя кнігі. Паколькі гарадскія магістраты адначасова з'яўляліся мясцовымі судовымі інстанцыямі, то яны мелі свае актавыя кнігі, у тым ліку і магілёўскі магістрат, якія адвостроўвалі паўсядзённае жыццё беларускіх гарадоў XVI — XVIII стст. У актавых кнігах Магілёва канца XVI ст. ёсць шэраг звестак аб будучым кіраўніку паўстання магілёўскіх мяшчан у 1606 г. саладоўніку Стахору Мітковічу. З запісаў у гэтых кнігах можна атрымаць цікавую інфармацыю аб сваяцкіх сувязях Мітковіча, яго ўдзеце ў судовых справах, аб прыналежнасці спадчыннай маёмасці. На некаторых з іх варта спыніцца.

Так, у актавай кнізе магілёўскага магістрата за 1587–1588 г. ёсць запіс ад 27 мая 1588 г., у якім адзначана перадача Хадцінай Восіпаўнай паўнамоцтваў свайму мужу Стахору Мітковічу ў справе з Ермаком Алейнікам. У наступным запісе раскрываецца сутнасць гэтай справы. Ст. Мітковіч, атрымаўшы ад жонкі вышэйзгаданыя паўнамоцтвы і абараняючы яе інтарэсы, патрабаваў ад Алейніка прадставіць тэстамент* нябожчыка Восіпа, які даводзіўся зяцем апошняму. У сваю чаргу Восіп з'яўляўся цесцем Стахора Мітковіча. Такім чынам, Ермак Алейнік быў дзедам Хадцішы Восіпаўны, жонкі Мітковіча, па матчынай лініі. Адпаведна тэстаменту нябожчыка, складзенага ім незадоўга да смерці, Е. Алейнік прызначаўся апекуном яго маёмасці. Таму Стахор Мітковіч і звярнуўся праз суд менавіта да Ермака Алейніка, каб ён азнаёміў з тэстаментам Восіпа і іншых сваякоў нябожчыка. У канчатковым выніку пастановай суда было вырашана адкласці разгляд гэтай справы да таго часу, калі Е. Алейнік прадставіць у суд сваю дачку, якая павінна была ведаць, дзе знаходзіцца тэстамент яе мужа¹.

Справа паміж магілёўскім мешчанінам Стахорам Мітковічам і Ермаком Радзівонавічам (так ён называўся на гэты раз у запісе) была разгледжана 10 чэрвеня 1588 г. Дачка Ермака Аўдошя Ермакоўна прадставіла суду тэстамент свайго нябожчыка мужа Восіпа Паўловіча. Таму абвінавачванне Стахорам Ермака Радзівонавіча ва ўтойванні тэстамента было адхілена як безпадстаўнае. У рашэнні суда адзначалася, што Ст. Мітковіч у якасці абаронцы маёмасных інтарэсаў сваёй жонкі мае права аспрэчваць дзеянні Ермака як апекуна ва ўстаноўленым законам парадку².

У магістрацкай кнізе за 1597–1598 г. маюцца два дакументы, што тычацца ўзаемаадносін Стахора Мітковіча з сям'ёй Ермака Алейніка, цяпер ужо таксама нябожчыка. Справа ідзе аб падзеле маёмасці апошняга 18 сакавіка 1598 г. Была зафіксавана дамоўленасць Ст. Мітковіча і прыёмнага сына Алейніка Івашкі Мішковіча па гэтаму пытанню. Пры падзеле спадчыны ўлічаны інтарэсы ўдавы Алейніка Ганушы Багданаўны і яго дачкі Аўдошці Ермакоўны, цешчы Мітковіча. Дом нябожчыка з прысядзібным пляцам пажыццёва заставаўся за Ганушай Багданаўнай, а пасля яе смерці пераходзіў ва ўладанне Івашкі Мішковіча. За гэта апошні браў на сябе абавязацельствы выплаціць Аўдошці Ермакоўне пяць

---

* Завяшчанне.

коп* літоўскіх грошаў** у якасці адступнага. Астатняя рухомая і нерухомая маёмасць павінна была пасля смерці ўдавы і дачкі Ермака Алейніка падзелена паміж Ст. Мітковічам і І. Мішковічам³.

Роўна праз месяц, 18 красавіка гэтага ж года, Стахор Мітковіч і Івашка Мішковіч удакладнілі ўмовы падзелу. Ст. Мітковіч адмовіўся на карысць І. Мішковіча ад усялякіх правоў на ўзыманне грошай з даўжнікоў Е. Алейніка і ад паловы морга*** сенажаці. У сваю чаргу Івашка Мішковіч перадаваў Стахору Мітковічу права патрабаваць з Багдана Пустыні выплаты грашовай запазычанасці, якую апошні застаўся вінен Ермаку Алейніку, і браў на сябе ўсе клопаты аб удаве Алейніка і выдаткі на пахаванне пасля яе смерці⁴.

Такім чынам, на падставе дакументаў, змешчаных у актавых кнігах Магілёўскага магістрата, можна скласці схему сваяцкіх сувязей Ст. Мітковіча па жончынай лініі:

*Ермак Алейнік
ж. Гануша Багданаўна*

*Іван Мішковіч
(прыёмны сын)*

*Аўдоця Ермакоўна
м. Восіп Паўловіч*

*Хаціша Восіпаўна
м. Стахор Мітковіч*

Дадатак

Сознане Стахора Митьковича

Ставше очевисто учтивый Стахор Митькович, мещанин могилевский не з жадного прымуженья, але сам по свое доброй воли сознане до книг меских могилевских судовых права майдеборского тыми словы учинил: иж што в першом зостановленю нашом учинили есмо з Ивашком Мишковичом, мещанином могилевским, о спадки и о маестности. Я, Стахор Митькович, по тешчы свое Овдотьи, а тот Ивашко Мишкович по небощыку Мишковичу* и жоне его Ганушы, иж што ся маестности по них зостало так

* Адзінка грашовага вымярэння ў ВКЛ.

** Адзінка вымярэння, роўная 60 літоўскім грошам.

***Адзінка зямельнага вымярэння ў ВКЛ. Роўная 0,71 га.

* Верагодна, тут і далей памылка пісара. Па сэнсу павінна быць "Алейнік" або "Радзівонавіч".

рухомая, яко и што на дому их было, якъ маетность так же и долги выправившы, то все напоил поделити ся есму мели. А так я, Стахор Митькович, прынявши с тым Ивашком Мишковичом зыгуду такимъ способом, тые вси долги, што колвекъ на комъ есть, то если я зъ части свае поступил на тых всих, хто винен зостал, доходити всих долгов тому Ивашку Мишковичу, о которыя до его я вжо самъ, жона, дети и ниhto зъ близких и кровных моих до того Ивашка Мишковича потребы мети не маю вечными часы. Также што ся зостало был полморкга сеножатного на абеюх нас, тогда вжо и о тую полморкга до того Ивашка Мишковича потребы мети не маю вечными часы, которую полморкга тот Ивашко Мишкович маеть сам, жона, дети, кровные и близкие ужывати вечными часы. А который долгъ был внес коп тры грошей Богдан Пустыня мне Ивашку Мишковичу, который ся мне описалъ книгами, платитъ по рокох и ратах взаписе его описаные, тогда я Ивашко Мишкович, тот долгъ вливаю таким же правомъ моимъ, якося мне описал тот Богдан Пустыня, на Стахора Митьковича. Маеть он тот долгъ копъ тры грошей на нем водлуг запису его узяти и его с того квитовати и вольного чынити. И тому тех, што ся есмо описали у першом зостановленьи нашомъ обадва жону небощыка Ермака Мишковича сс до живота ховати, жывити и вшелякими потребами опатрывать, а по животе ее тело ее поховати и поминки чынити, тогда вжо я, Ивашко Мишкович, с того всего Стахора Митьковича вызваляю и того тежар на себе прымую, иж вжо я самъ жонку небощыка Ермака Мишковича Ганушу до живота ховати и потребами всякими опатрывать, а по животе ее и тело ее поховати, и поминки чынити маю и буду повинен, с чого всеко Стахора Митьковича вызволивши. Собе на себе сторона стороне сознали, иж вжо Стахор Митькович до Ивашка Мишковича, а Ивашко Мишкович до Стахора Митьковича, а никоторую реч з обеюх сторон до себе потребы не маю мети вечными часы, которое добровольное а очевистое сознание Стахора Митьковича а Ивашка Мишковича до книг меских могилевских судовых права майдебургского записано есть.

НГАБ, ф.1817, воп.1, спр.4, арк.419адв.-420.

Источники по генеалогии Беларуси

В последнее время заметно возрос интерес к своему прошлому, прошлому многих поколений людей, тонкими нитями связанных с днем сегодняшним. И сегодня на пороге XXI в. встал вопрос: кто мы? Кто наши предки, из какого сословия, как они жили? Вот на этот и другие вопросы, связанные с нашим прошлым, и дает ответ генеалогия (родословная) — систематическое собрание сведений о происхождении, преемстве и родстве родов и фамилий.

Однако, несмотря на возросший интерес к генеалогии, о чем красноречиво говорят и поступающие в НИАБ запросы граждан нашей страны и из-за рубежа, этой исторической дисциплине у нас в Беларуси не придавалось должного значения, хотя сама история генеалогии как отрасль знаний о прошлом, убедительно свидетельствует о ее практической пользе (для ведения поисковой работы в целях воссоединения разрушенных историческими катаклизмами XX в. семейных и родственных связей, разыскания утраченного культурного достояния и др.).

Но уже очевидно, что время диктует необходимость начать исследования белорусской генеалогии.

Генеалогия по своему содержанию — это не только история рода, это часть истории в целом, поэтому ее изучение не может не опираться на соответствующую работу с источниками.

Анализ исполненных запросов генеалогического характера, поступавших в НИАБ, позволяет отметить, что дореволюционная генеалогия имела ярко выраженную сословность. Изучались только дворянские родословные. Поэтому и источники о дворянском происхождении наиболее упорядоченные по сравнению с другими сословиями.

Это фамильные фонды: князей Радзивиллов, Любомирских, Друцких-Любецких, графов Плятер-Зибергов, Румянцева-Задунайского и др. Это дела о дворянском происхождении, генеалогические таблицы дворянских фондов губернских дворянских депутатских собраний Витебской, Минской, Могилевской губерний. Это прошения, свидетельства, посемейные и послужные (формулярные) списки, поданные представителями родов в губернские депутатские

собрания. Они перемежаются с фрагментами родословных схем, которые составлены делопроизводителями для доказательства сопричастности рода или отдельных представителей к основному дереву. Однако надо отметить, что некоторые дела о дворянском происхождении губернских депутатских собраний включают материалы только об отдельных ветвях родов, записанных в родословную книгу данной губернии, но и они не всегда полны. Сведения о всех ветвях объединялись в делах Департамента герольдии, куда высылались все копии губернских дел о дворянстве, но это производилось только до 1841 г., позже стали высылаться только списки новых лиц и родов, причисленных к дворянству. Поэтому просматривая дела о дворянском происхождении определенных лиц, мы не можем сказать, что это родословная полная, скорее наоборот. Это только материал к ней. И возникает необходимость привлечения других документальных источников. К таким источникам можно отнести инвентари помещичьих имений, выкупные акты, материалы канцелярий губернских и уездных предводителей дворянства, витебского, минского, моголевского губернаторов, губернских правлений, следственных комиссий, учрежденных по делам о восстаниях 1831 и 1863 гг., а также документы фондов городского самоуправления и судебных учреждений.

Отсутствие подобных источников по изучению генеалогии так называемых непривилегированных сословий (крестьянства, рабочего класса, мещан и др.) требует выработки совершенно других методов исследования, гораздо более сложных ввиду широкого привлечения различных документальных материалов.

Так работа по изучению генеалогии крестьянства, рабочего класса (выходцы из крестьян) начинается с уточнения географических данных — где родились, крестились, проживали интересные лица этих прослоек. Это вызвано тем, что имелись населенные пункты под одним и тем же названием в разных уездах, волостях и даже в одной и той же волости.

Уточнение географических данных проводится по справочникам административно-территориального деления. Это списки населенных мест Витебской, Минской и Моголевской губерний (1870, 1908, 1910), описание церквей и приходов Минской епархии, где перечислены населенные пункты, входившие в каждый приход; “Календарь духовенства Моголевской епархии на 1899 г.” и др. Кроме дореволюционных справочников используются и современные справочники (Слоўнікі назваў населеных пунктаў Брэсцкай,

Віцебскай, Гомельскай, Гродзенскай, Магілёўскай, Мінскай абласцей Я.Н. Рапановіча).

Основными фондами по изучению генеалогии крестьянства (рабочего класса) являются фонды учреждений религиозного культа: метрические книги о рождении, бракосочетании и смерти Минской, Могилевской, Полоцкой духовных православных консисторий, Минской и Могилевской римско-католических консисторий, православных церквей и костелов.

Используются ревизские сказки за 1795–1884 гг. фондов казенных палат Витебской, Минской, Могилевской губерний, инвентарные описания помещичьих и казенных имений, где наряду с описанием деревень имеются посемейные списки жителей, в них проживавших, с указанием возраста каждого члена семьи, имущественного положения, владения количеством земли, исполнения повинностей. Материалы губернских, уездных по крестьянским делам присутствий, землеустроительных комиссий губернских и уездных земских управ, волостных правлений, губернских статистических комитетов, а также следственных комиссий, учрежденных по делам о восстании 1831 и 1863 гг., где наряду со сведениями о лицах дворянского происхождения содержатся и сведения о крестьянах, участвовавших в восстании вместе со своими помещиками и др.

При изучении источников по генеалогии рабочего класса надо учитывать, что большинство рабочих – это выходцы из других сословий. Кроме этого при работе с материалами по генеалогии рабочих необходимо обращать внимание на такие данные, как семья, т.е. из мещан, крестьян или др. сословий, состав семьи, потомственные пролетарии или нет, место приписки, время поступления на работу, профессия, размер заработной платы, общий стаж работы, награды, дата увольнения, причина увольнения, размер пособия, дата смерти, причина смерти, дата, на которую имеются данные о семейном положении.

Основными документами фондов учреждений промышленности и строительства (губернские по фабричным и горнозаводским делам присутствия, канцелярии старших фабричных инспекторов, губернские строительные, дорожные комиссии, строительные отделения губернских правлений, машиностроительные и чугунолитейные, винокуренные, пивоваренные заводы, спичечные, обойные, писчебумажные и другие фабрики Витебской, Минской, Могилевской губерний) по генеалогии рабочего класса являются: именные

списки, личные дела, послужные списки, алфавитные книги и реестры, книги лицевых счетов, именные расчетные книжки, ведомости и табеля о заработной плате, табеля штрафов, налагаемые на рабочих, ведомости о вознаграждении, списки на получение продовольственных карточек, денежных вознаграждений, удостоверения, списки вольнонаемных, личные карточки участников больничных касс, паспорта и метрические выписи, дела о выдаче пенсий, награждений и производстве в соответствующие чины рабочих и служащих предприятий, мастерских, управлений железных дорог и т.п.

Для наведения сведений по генеалогии евреев, кроме метрических книг по синагогам и раввинатам, нужно смотреть документы фондов соответствующих городских, мещанских и ремесленных управ, еврейских обществ, казенных палат, городских дум, управ, губернских правлений (кроме Минского), а также фонд Полоцкой духовной консистории, в которых имеются посемейные списки евреев.

Перечисленные материалы – это только часть носителей генеалогической информации. И от того, насколько прочно и успешно генеалогия как отрасль исторического знания включится в работу исследователя, и будет зависеть шанс увидеть в старых, хорошо казалось бы знакомых источниках новые грани нашего прошлого.

Н.Я. Калеснік, В.У. Скалабан

Справа № 28

(Спроба апісання дакументаў
фонду Беларускага нацыянальнага камісарыята)

У Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь захоўваецца фонд № 4 “Беларускі нацыянальны камісарыят”. Дакументы фонду (132 справы) шырока выкарыстоўваюцца даследчыкамі. Гісторыі стварэння і дзейнасці камісарыята (Белнацкома) — структурнага падраздзялення Народнага камісарыята па справах нацыянальнасцей РСФСР — прысвечаны спецыяльныя публікацыі*.

* Левский А.А. К вопросу о деятельности Белнацкома (1918 г.) //Труды Белорусской сельскохозяйственной академии. 1959. Т.28; Круталевич В.А. Белорусский национальный комиссариат (Историческая справка) //Научно-информационный бюллетень

Далейшае выкарыстанне дакументаў гэтага фонду вымагае стварэння новага навукова-даведачнага апарату. Намі зроблена спроба апісання справы з заявамі аб прыёме на работу ў Белнацком за люты – лістапад 1918 г. (Ф.4. Воп.1. Спр.28), што налічвае 165 лістоў.

Пасля пошукаў апісанне набыло форму своеасаблівага асабовага паказальніка, дзе ўказваецца прозвішча, імя і імя па бацьку аўтара заявы (у родным склоне), у дужках — ліст справы, дата. Часам дадаюцца анатацыі, вытрымкі з найбольш цікавых і адметных дакументаў, іншыя дадатковыя звесткі. Другі раздзел склалі пасведчанні, у трэці раздзел уключаны іншыя дакументы. Большасць заяў напісана на рускай мове, таму і апісанне зроблена на рускай мове, вытрымкі на беларускай мове падаюцца з поўным захаваннем арфаграфіі арыгінала. Выкарыстаны скарачэнні: БСДРП — Беларуская сацыял-дэмакратычная рабочая партыя, БСГ — Беларуская сацыялістычная грамада.

Спадзяёмся, што наша спроба зацікавіць гісторыкаў і архівістаў дапаможа выпрацаваць найбольш аптымальны варыянт стварэння навукова-даведачнага апарату, будзе спрыяць увядзенню ў навуковы абыход архіўных дакументаў па гісторыі адбудовы беларускай дзяржаўнасці ў XX — пачатку XXI ст.

**І. Заяўлення гражданаў о прыеме на работу
в Белнацком и материалы к ним
(автобиография, удостоверения, характеристики-рекомендации,
сообщения, письма, записки, телеграммы)**

1. Авдейчик Софии Дионисьевны, беженки (Л.58). 15.04.1918.
2. Ананьевой Татьяны Александровны (Л.114). 02.05.1918.
3. Андрушкевич Алонки (Л.38, на бел. яз. “Алонкі Андрушкевічанкі”). 10.04.1918.
4. Антошевского Афанасия Федоровича, слушателя Минского учительского института, товарища председателя совета учащихся Минского учительского института (Л.76–76об.). 29.04.1918.

“Архивное управление при Совете Министров БССР”. 1960. № 1(8); Его же. Организация и деятельность Белорусского национального комиссариата (1918–1919 гг.) // История СССР. 1963. № 6; Скалабан В. Издательская деятельность Белорусского национального комиссариата // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии (Сб. науч. тр.). Мн., 1986; Яго ж. Беларускі нацыянальны камісарыят // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Мн., 1993. Т.1. с.448.

5. Бампи Якова Мордуховича, студента экономического отделения Коммерческого института (Л.141). 29.07.1918.

6. Барабатупова Александра Степановича, студента-государственника (Л.68). 22.04.1918.

7. Бартошевича Ивана Ивановича, беженца (Л.84). 25.04.1918.

8. Беклемишева Димитрия Николаевича, окончившего юридический факультет Петроградского университета (Л.39). 08.04.1918.

9. Березовской Евгении Константиновны, беженки, окончившей 8 классов гимназии в Москве (Л.95). 29.05.1918.

10. Бибило Петра Ивановича, бывшего секретаря по ликвидации Виленской судебной палаты (Л.146-146об.). 09.09.1918.

11. Биончика Максима Петровича, крестьянина, служащего конторы Торгового дома И.Я. Яурина и К° (Л.94). 18.05.1918.

12. Бобко Владимира (Л.101). 03.06.1918.

“Желательно работать по беженскому отделу”.

Характеристика-рекомендация В.А. Бобко, данная ему секретарем секции белорусов при ЦК партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) И.А. Петровичем (Л.101об.). 02.06.1918.

“Владимира Алексеевича Бобко хорошо знаю с детства, будучи его земляком. В качестве учителя начального училища и участника войны, он много работал в революционном направлении. В настоящее время по своим политическим убеждениям принадлежит к партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) и посему вполне подходит для работ и сотрудничества в комиссариате”.

Круглая печать: “Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов). Секция белорусов при ЦК партии”.

13. Богдановской Надежды Алексеевны, окончившей курс Виленского высшего женского Мариинского училища и служившей в канцелярии мирового судьи и судебного следователя (Л. 49-50). 12.04.1918. Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.61). Отпуск.

14. Богородского Александра Ивановича, члена БСГ, “центра (с тяготением влево)” (Л.33). 02.04.1918.

Удостоверение служащего Белнацкома А.И. Богородского (Л. 29). 06.04.1918.

Круглая печать: “Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР. Белорусский национальный комиссариат”.

15. Бодака Ивана Герасимовича, “бывшего чиновника военного времени 79-го рабочего батальона” (Л.41). 28.03.1918.
16. Большевой Елены Сергеевны, окончившей 7 классов гимназии (Л.128). 21.04.1918.
17. Борзова Моисея Никитовича (Л.55). Получено 16.04.1918.
“Имею 6-летнюю практику по землемернотаксационному делу и также и чертежные работы”.
18. Ботьяна Петра (Л.120). 26.06.1918.
19. Бунышиной Полины Ильиничны, члена БСДРП (Л.1).
Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.13). 23.02.1918. Отпуск.
20. Бурбиса Болеслава Лаврентьевича (Л.26–26об.). 02.04.1918.
“По политическим убеждениям я социалист, белорус, стою на точке зрения Советской власти и федеративной республики, в которую Беларусь входит как республика. Симпатизирую Белорусской социалистической громаде. Будучи на фронте, где не было соответствующей организации, я не имел возможности быть членом таковой”.
- Удостоверение о “политической надежности”, выданное Бурбису Б.Л. комитетом команды солдат школы летчиков-испытателей г. Евпатория (Л.27). 05.03.1918. Копия.
21. Василевича Ивана Петровича, беженца (Л.130). 17.06.1918.
22. Васюк Юзефы Антоновны, члена БСДРП (Л.6). 23.02.1918.
Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.16). 27.02.1918. Отпуск.
23. Вахрушевой Анны Михайловны (Л.52). 12.04.1918.
Сообщение Белнацкома с предложением прибыть в комиссариат для решения вопроса о принятии Вахрушевой А.М. на службу (Л.63–64). Отпуск и копия. 19.04.1918.
24. Вилимовича Станислава Болеславовича (Л.111). 29.06.1918.
25. Войниконой Марии Антоновны, члена московской организации БСГ (Л.34, на бел. яз., адрес: станция Бирюлево, дер. Загорье). 03.04.1918.
26. Годзионова С.И., члена БСДРП (Л.2).
Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.12). 23.02.1918.
27. Голенкевич Зинаиды Григорьевны (Л.40). Получено 12.04.1918.
28. Голубинина Александра Евгеньевича, члена партии левых социалистов-революционеров с 1904 г. (Л.45–45об.). 16.04.1918.

“Служить при Белорусском комиссариате желаю потому, что до войны жил в г. Вильно и м. Барановичи и при первой возможности постараюсь перенести свою деятельность в Белоруссию”.

29. Григорьева Ивана Ефимовича, члена БСДРП (Л.3).

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.10).
23.02.1918. Отпуск

30. Гуриновича Наума Антоновича (Л.37). 10.04.1918.

“[...] документы о политической благонадежности имеются. Сочувствую Советской власти”.

31. Дворж А., слушателя 2-го семестра Московского коммерческого института (Л.46). 04.04.1918.

Автобиография (Л.47).

32. Демьянович Анны Васильевны, учительницы (Л.45а).
05.04.1918.

33. Дмитриевой Анны Георгиевны, члена БСДРП (Л.4).

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.17).
27.02.1918. Отпуск.

34. Дмитриевой Татьяны Георгиевны, члена БСДРП (Л.5).

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.18).
27.02.1918. Отпуск.

35. Добровольского Николая (Л.154—155). 28.09.1918.

Телеграммы.

36. Дубца Александра (Л.131). 14.07.1918.

37. Ермакова Петра Степановича (Л.140). 27.07.1918.

“Я стою на платформе Советской власти и мною уже подано заявление с рекомендациями в Московский городской район о зачислении членом РКП(б)”.

38. Жилицкого Соломона Неваховича (Л.31). 05.04.1918.

“[...] фактически я не принадлежу ни к какой партии, но сочувствую левому крылу СДРП. [...] Лично меня знают хорошо тов. Д.Жилунович и Вас. Петровский”.

39. Жуковского Ивана Доминиковича, беженца, окончившего Московский университет и работавшего учителем в приюте для детей беженцев до 1916 г. (Л.77—77об.). 10.04.1918.

40. Жучиной Анны Александровны (Л.70). 22.04.1918.

41. Закина Павла Максимовича, члена РКП(б) (Л.116).
07.07.1918.

42. Залесской-Корсак Веры Михайловны, “сестры милосердия Варшавской Елизаветинской общины Красного Креста” (Л.91).
14.05.1918.

“Будучи по происхождению белорусской, обращаюсь в Белорусский национальный комиссариат с покорнейшей просьбой предоставить мне какие-либо занятия в комиссариате”.

43. Залесской-Корсак Елены Михайловны, бывшей сотрудницы Минского окружного суда (Л.144). 07.08.1918.

44. Замойского Филиппа Степановича, бывшего члена ВЦИК Совета крестьянских рабочих и казачих депутатов (Л.108). 26.06.1918.

45. Зенюка Ивана Матвеевича (Л.112). 21.05.1918.

“Прошу предоставить мне место в Белорусском национальном комиссариате по организации белорусов-беженцев”.

46. Кашпарча Якова Васильевича, крестьянина (Л.105). 14.06.1918.

“Желая посвятить все силы и знания белорусскому народу, прошу дать мне какое-либо занятие в Белорусском нац[иональном] комиссариате или его отделах”.

47. Сообщение Белнацкома Кирсанову М.И. с отказом в приеме на работу (Л.43). 15.04.1918. Копия.

Помета: “Для работы в комиссариате необходимо знание белорусского языка”.

48. Кранцевича Григория, “члена партии коммунистов Белоруссии Петроградской организации Петроградского района” (Л.126). 04.07.1918.

“Рекомендации тов. Лагуна и тов. Устиловича”.

49. Красовского Иосифа Александровича, “сябрука Магілёўскай губ[ерніі] Быхов[скага] павету вёскі Былі” (Л.160, на бел. яз. “Язэп Аляксандраў Красоўскі”, адр[ас]: “Быховскі ўездны от[дел] нар[одного] образования, Мог[ілёўскай] губ[ерніі]”).

50. Кроткова Дмитрия Васильевича (Л.162-162об., 163). 26.10.1918.

“В настоящее время коммунист. Прошу дайте мне ответ на мое заявление. Немедленно заказным письмом по адресу: ст. Чучково Рязанской губернии. Поч.отд. Ункосово Тамбовской губернии в село Шеметово”.

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.161). 12.11.1918. Отпуск.

51. Коровниковой Елены Михайловны (Л.118). 03.07.1918.

52. Котляровой Елены Александровны (Л.119). 04.07.1918.

53. Крутицкой Феклы Петровны (Л.28). 31.03.1918.

“При сем заявляю, что в организациях никаких не состояла”.

54. Кручка Павла Антоновича (Л.137). 27.07.1918.

55. Крючковского Петра Людвиговича, бывшего курьера Виленской судебной палаты (Л.133–133об.). 10.07.1918.

56. Лаврешука Александра Ст., учителя-беженца (Л.81–81об.). 11.04.1918.

“[...] Имея ревностное желание поработать моему народу в области просвещения, прошу Вас, товарищ комиссар, определить меня на соответствующую должность по просвещению белорусской народной массы”.

57. Лебедевой Антонины, бывшей служащей Всероссийского земского союза (Л.66). Получено 19.04.1918.

58. Лилиной (урожденной Мигай) Веры Евдокимовны, кончившей курс в Минском епархиальном училище (Л.69). 22.04.1918.

59. Липко-Парафиевского Бориса Ивановича, бывшего заведующего юрисконсультской частью “в фабричных предприятиях Эдмунда Эдуардовича Новицкого” (Л.11). 20.02.1918.

60. Сообщение Белнацкома Липко-Парафиевской Вере Яковлевне о зачислении ее на работу секретарем издательского отдела (Л.14). 01.03.1918. Отпуск.

Характеристика-рекомендация, данная Н.С. Семеновичем Липко-Парафиевской В.Я. для работы в Белнацкоме (Л.7). 21.02.1918.

“Знает хорошо иностранные языки (литерат. и разговорн.). Окончила высшие женские курсы”.

61. Лукашевича Василия Осиповича, беженца (Л.74). 22.04.1918.

“[...] не найдете ли возможным зачислить меня на какую-либо интеллигентную должность в одно из учреждений белорусской национальности”.

62. Лукьянюка Василия Степановича, писаря Главного управления Генерального штаба, бывшего члена БСГ в Петрограде (Л.136).

“Являясь слушателем в Белорусском народном университете по изучению Белоруссии, имею желание ближе ознакомиться с бытом – в работе для Белоруссии”.

63. Луниной Марии Дмитриевны, “окончившей 8 классов Московского Марининского института” (Л.142). 07.07.1918.

64. Мазура Игнатия (Л.106). 19.06.1918.

“Я народный учитель Ново-Сверженского 2-классного училища Минской губ[ернии] и уезда, белорус; принадлежу к партии коммунистов”.

65. Макаревича Григория Петровича, слушателя инструкторских курсов при Главхозуправлении Красной Армии (Л.139–139об.). 25.07.1918.

66. Макаревича Михаила Степановича, учителя (Л.129). 28.06.1918.

67. Макаренко Петра, члена РКП(б) Басманного района (Л.125–125об.). 02.06.1918.

68. Малашевича Парфения Васильевича, беженца (Л.99–99об., адрес: “Тамбов, до востребования”). 19.05.1918.

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.98). 24.05.1918. Отпуск.

69. Маньковской Анны Александровны (Л.54). 10.04.1918.

70. Махоткина Николая Григорьевича, члена Московского общества коммерческих и торгово-промышленных служащих (Л.30). 31.03.1918.

“[...] в бытность мою на военной службе состоял в партии эсеров, хотя более сочувствовал и сочувствую партии большевиков (организации партии большевиков в то время не было)”.

Помета: “Так как для работ в комиссариате требуется знание белорусского языка, то просьба не может быть удовлетворена. Комиссар А[лександр] Ч[ервяков]. 1/IX.1918. Москва”.

Сообщение Белнацкома о зачислении Махоткина Н.Г. на службу бухгалтером (Л.36). 09.04.1918. Отпуск.

71. Мащевич Евгении Павловны, машинистки канцелярии при-сажного поверенного А.Г. Закалинского (Л.85). 25.04.1918.

“Пишу по американскому десятипальцевому методу”.

Сообщение Белнацкома с предложением прибыть в комиссариат для решения вопроса о принятии Мащевич Е.П. на службу (Л.89). 17.05.1918. Копия.

72. Михаловского Николая Ивановича (Л.97). 04.06.1918.

73. Мицкевича Игнатия Юрьевича, учителя (Л.148). 10.09.1918.

74. Можейко Андрея Георгиевича, “бывшего старшего учителя Ковенского 2-го двухклассного мужского приходского училища” (Л.78). 22.04.1918.

75. Москалевич Всы Федоровны, учительницы (Л.145). 30.08.1918.

76. Мочульского Василия Федоровича, "окончившего Московский университет" (Л.67). 20.04.1918.

77. Около-Кулак Анны Адамовны, бывшей сотрудницы Минского окружного суда (Л.143). 06.08.1918.

78. Ольшевской Марии Петровны, сестры милосердия (Л.92). 05.05.1918.

79. Оньщука Георгия Михайловича, студента Варшавского политехнического института (Л.35). 08.04.1918.

"Будучи по происхождению белорусом (село Горбов Холмской губ., 16 верст от Брест-Литовска) и в настоящее время, когда по воле Советского народного правительства Белоруссии народ получил свободу и право на самоуправление, я, как белорус по происхождению и социал-революционер-максималист по политическим убеждениям, желаю принести свои силы и знания на пользу трудового народа".

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.42). 13.04.1918. Копия.

80. Орлова Михаила Федоровича, учителя (Л.124). 04.07.1918.

81. Остапковича Григория Ивановича, "откомандированного агитационным отделом из г. Петрограда" (Л.138). Получено 27.07.1918.

82. Панько Тимофея Трофимовича, беженца (Л.57). 16.04.1918.

Помета. "В партиях никаких не состоит".

83. Перевоя Нестора Несторовича (Л.60). 16.04.1918.

"Убедительно прошу о предоставлении должности в беженском отделе Белорусского комиссариата".

84. Подберезского Степана Викентьевича, "члена Виленско-Ковенского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов, эвакуированного в феврале месяце в Смоленск" (Л.132). 28.06.1918.

85. Прокофьева Ростислава Алексеевича (Л.9). 26.02.1918.

86. Протоковского Алексея Викентьевича, "члена исполкома Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов и члена партии коммунистов" (Л.123). 04.07.1918.

"Прошу комиссариат предоставить мне занятие как политическому работнику, если комиссариат нуждается в таковом".

Записка Устиловича, адресованная Эхимовичу (Яхимовичу Ф.А.), с просьбой принять Протоковского А.В. в отдел "для ознакомления с ходом работ белорусского движения и для посылки в ближайшей возможности эмиссаром" (Л.121-122). 09.07.1918.

87. Римко Николая Демьяновича (Л.103). 20.05.1918.
88. Роганковой Надежды Васильевны (Л.23–23об.). 04.04.1918.
89. Серебренникова Евгения Константиновича (Л.19–19об., 20). 06.03.1918.

“Ни в какой партийной организации как военнотрудовой я не состоял, теперь также остаюсь совершенно беспартийным”.

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу в беженский отдел (Л.121). 08.03.1918.

Удостоверение Е.К. Серебренникова о вызове его Белнацкомом из Витебска и возвращении назад (Л.22). 08.03.1918. Отпуск.

90. Скиргайло-Яцевича Андрея Дионисовича (Л.159–159об.). 23.07.1918.

Удостоверение Скиргайло-Яцевича А.Д. о его 7-месячной службе в Алексеевском комиссариате (Л.158). 04.07.1918. Копия.

91. Скорышко (Скоринко) Анны Ивановны, сестры милосердия (Л.24). 16.03.1918.

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.42). 13.04.1918. Копия.

92. Соболева Василия Федоровича, левого социалиста-революционера (Л.107). 15.06.1918.

93. Степанюка Александра Емельяновича (Л.32). 05.04.1918.

“Окончил учительскую семинарию [...], работал некоторое время в беженской комиссии Белорусской народной громады в Москве в качестве секретаря”.

Его же заявление с просьбой о выплате денег вследствие увольнения из комиссариата (Л.109). Получено 20.06.1918.

94. Стороженко Зинаиды (Л.48). Получено 06.04.1918.

95. Тарабанько Михаила Онисимовича (Л.82–82об.). 23.04.1918.

“Моя национальность: сын крестьянина Черниговской губернии Стародубского уезда [...] считаю себя по национальности белорусом, так как Стародубский уезд относится по составу населения [больше] к Белоруссии, чем к Малороссии. С 5-летнего возраста я жил в Могилеве, где окончил гимназию; в бытность студентом в Москве состоял членом Московского белорусского землячества; на службе был в Ковенской, а затем в Виленской губернии; таким образом, и по рождению, и по воспитанию, и по службе я тесно связан с Белорусским краем”.

Характеристика Тарабанько М.О., данная ему заведующим оперотделом Московского облвоенкомата Араловым (Л.83). 22.04.1918.

“Тов. Тарабанько беспартийный, но преданный революции человек”.

96. Тараса Федора Антоновича, “проживающего в г. Торжке Знаменской ул. Д[ом] Гусевой” (Л.80–80об.).

97. Тарасевича Витольда Валериановича (Л.113). 25.06.1918.

“Прошу зачислить меня в число сотрудников беженского отдела Белорусского комиссариата”.

98. Турок Надежды Ивановны (Л.149). 07.08.1918.

99. Турок Петра Ивановича (Л.147). 07.09.1918.

100. Уласевича Гавриила Павловича (Л.127). 26.06.1918.

“Образование имею 4-классное училище и бухгалтерские курсы”.

101. Устиловича Александра, товарища управляющего делами Белнацкома, о временном увольнении его из комиссариата в связи с призывом на военную службу в полковую пулеметную команду 3-го Московского пехотного полка (Л.151). 20.09.1918.

102. Федоровой Нины Петровны, “слушательницы Московских высших женских курсов” (Л.71). 10.04.1918.

103. Филипчука Александра Ивановича (Л.72). 23.04.1918.

104. Фильдштейна Николая Григорьевича (Л.117). 25.06.1918.

“Узнав, что вами образуется статистический подотдел при заведываемом Вами беженском отделе, прошу Вас, товарищ, предоставить мне вечернюю работу в этом отделе”.

105. Фирсовича Семена Ивановича, “окончившего Бельское городское училище войскового фельдшера” (Л.8). 07.02.1918.

Сообщение Белнацкома с отказом в приеме на работу (Л.15). 20.02.1918.

106. Франковской Ванды Эдуардовны, “гражданки гор. Москвы” (Л.134). 24.07.1918.

“Я хорошо знакома с конторским делом. Окончила 7 классов частной женской гимназии Ежовой г. Москвы на Долгобродской ул.”

107. Функа Александра Эрастовича (Л.25, на бел. яз. “Функа Алеся Эрастава”). 01.06.1918.

“Хацочы быць карыстным дарагой, ворагамі папранай бацькаўшчыны і роднаму працоўнаму народу, надта прашу Беларускі нацыянальны камісарыят прыняць мяне на службу.

Я — сябар Беларускай сацыялістычнай грамады, схіляюся больш да левага яе крыдла. Пазнаў сябе як беларуса ў 1914 гаду і

сацыялістам стаў у 1917 гаду. Магу нікепска гаварыць і пісаць па-беларуску. Добра знаём з беларускім рухам.

Прыслалі мяне ў камісарыят таварышы Бурбіс і Дыло (зав. старшні Маскоўскага камітэту БСГ), якія і маюць рэкамендаваць мяне”.

108. Чернушевича Иосифа Иосифовича, красноармейца (Л.165, “сообщите по адресу: Сухиничи Калужской губ. Военный отдел.”). 14.11.1918.

Письмо Белнацкома Чернушевичу И.И. с отказом в его переводе в Белнацком и с информацией о формировании из беженцев и уроженцев Литвы и Белоруссии 5-го Виленского стрелкового полка при Западной стрелковой дивизии (Л.164). 19.11.1918. Отпуск.

109. Шибановой Феклы Кондратьевны, учительницы (Л.115). 20.06.1918.

110. Якимчика Иосифа Иосифовича, “бывшего чиновника военного ведомства” (Л.75, “прошу известить по адресу: г. Тамбов, Петропавловская ул., №34”). 14.04.1918.

“Как народный учитель, белорус по рождению, выросший среди своих братьев-белорусов и среди них работавший на учительском поприще до мобилизации, я хорошо знаю свой родной край, бытовые и национальные особенности белорусского народа и поэтому я хотел бы быть полезным своим сородичам, служить им по мере своих сил и знаний [...] хорошо знакомый с постановкой канцелярского дела и письмоводства, к тому же [...] работающий на пишущей машинке, я могу быть полезным и в этой области деятельности Белорусского национального комиссариата”.

111. Якубовича Николая Антоновича (Л.104). 03.06.1918.

“По национальности белорус. Образовательный ценз: окончил Рогачевскую (Могилевской г.) учительскую семинарию”.

Его же заявление об увольнении из Белнацкома (Л.135). 23.07.1918.

112. Якубовича Петра Антоновича, крестьянина (Л.96). 04.06.1918.

113. Без подписи (Л.157–157об.). 13.10.1918. На почтовой карточке.

“Не могу ли я предложить свои услуги для более полезного труда и быть полезным Советской власти [...]. Состою в партии кандидатом на коммуниста [...] вполне знаком с Виленской, Витебской, Гродненской и Минской губерниями. Знаю польский и белорусский язык”.

II. Удостоверения

1. Семеновича Николая Степановича о том, что он является делегатом от Белнацкома на междуведомственном совещании при Народном комиссариате труда по разработке тарифа для служащих центральных правительственных учреждений (Л.90). 17.05.1918.

2. Его же об увольнении из Белнацкома в отпуск по болезни (Л.152). Отпуск.

3. Червякова Александра Григорьевича, выданное Белнацкомом для предъявления в Народный комиссариат просвещения на курсы инструкторов-организаторов (Л.100). 28.05.1918. Отпуск.

"[...] известен комиссариату как опытный партийный работник-организатор".

4. Яхимовича Федора Алексеевича, делопроизводителя агитационно-пропагандистского отдела крестьянской секции ВЦИКа Советов крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, о том, что он "командируется в Белорусский комиссариат для заведования беженским отделом" (Л.102). 15.06.1918.

III. Другие документы

1. Адрес Новицкого Осипа Викентьевича (Л.73).

А.Е. Рыбаков

Нормативная документация в Великом княжестве Литовском в XVI в.: состав и анализ

При изучении источников по истории Беларуси XVI в. наиболее актуальными и сложными являются вопросы классификации документов и определения их разновидностей, которые в документоведении и историографии Беларуси в целом до сих пор не разработаны. В практической деятельности историки большей частью используют терминологию и классификацию, принятые в русской дипломатике. Они, однако, недостаточно полно отражают специфику документации ВКЛ и потому не всегда применимы. Разра-

ботка классификации документов, определение их видов и разновидностей — ближайшая задача белорусского источниковедения и документоведения. В рамках решения этой задачи первостепенным представляется изучение и анализ документов нормативного характера, издававшихся центральными органами государственной власти и управления ВКЛ и занимавших, без сомнения, центральное место среди всего комплекса документов.

Все нормативные документы, исходя из их функционального назначения, можно разделить на законодательные и организационно-распорядительные. Дополнив критерий функционального назначения документов анализом их формы и содержания, законодательные акты можно разделить на следующие группы:

1. Земские привилеи.
2. Областные привилеи и привилеи на Магдебургское право, привилеи территориям и населенным пунктам на прочие права и льготы.
3. Статуты ВКЛ и поправки к ним.
4. Сеймовые законы (ухвалы, конституции, рецессы, универсалы, уставы).
5. Господарские уставы, выработывавшиеся на совещаниях господаря и панов-рады.

Организационно-распорядительные документы можно разделить на две группы:

1. Земские, областные и волостные уставы;
2. Науки (инструкции) государственным служащим, послам и другим официальным лицам.

При определении разновидностей документов следует использовать также самоназвания документов, зафиксированные в актах XVI ст.

Длительное время документирование законодательства осуществлялось в форме великокняжеских привилеев, которые являлись основным видом документов XV—XVI вв. Привилеи давались всему государству ("земские" привилеи), отдельным землям ("областные" привилеи), городам и местечкам (привилеи на Магдебургское право), национальным, вероисповедальным, сословным группам населения. Кроме того, привилеями оформлялись господарские пожалования отдельным лицам.

Среди привилеев, имевших значение законов, наиболее важными были земские (общегосударственные). Такое название они получили за свой универсальный, всеобщий характер.

В исторической литературе не сложилось единого мнения о том, какой привилеией следует считать первым земским привилеем. Одни исследователи полагают, что первый из них издан в 1387 г. великим князем Ягайло¹, другие первым считают привилеией великого князя Казимира 1447 г.²

Для решения этого вопроса необходимо определить основные характеристики земского привилея. Они заключаются, во-первых, в охвате действием привилея всей территории государства и, во-вторых, в распространении его положений на все население страны. Привилеией 1387 г. стал первым общегосударственным привилеем, который распространялся на всю территорию ВКЛ³. Однако он касался прав и привилегий исключительно католической части шляхетского сословия, т.е., имея одну из наиболее существенных черт земского привилея, в полной мере им не являлся. Действие существующих прав и привилегий распространено на православных феодалов привилеем Жигимонта Кейстутовича 1434 г., который уравнивал их в правах с католиками⁴. Привилеией 1434 г. более соответствует определению земского привилея, так как его положения касались уже не части, а всего шляхетского сословия ВКЛ. Дальнейшее развитие законодательства привело к появлению привилея Казимира 1447 г. (в исторической литературе этот документ датируется иногда 1457 г.). Этот привилеией характеризуется охватом более широких слоев населения ВКЛ: он касается не только шляхты, но и в некоторых случаях горожан, определяет статус и некоторые повинности частновладельческих крестьян. Кроме того, в привилее 1447 г. впервые затронуты вопросы государственного устройства ВКЛ⁵.

Таким образом, земский привилеией, начиная с 1387 г., прошел значительный путь развития и окончательно сформировался как вид общегосударственного законодательного документа в 1447 г. Вместе с тем, исследователем истории права М.Ясинским поставлено под сомнение само название "земский" для этой разновидности привилеев. По его мнению, они хотя и имели по пространству действия значение законов, изданных для всего государства, однако по характеру и содержанию являлись прежде всего сословными (шляхетскими) привилеями, незначительно затрагивая общие нормы материального и процессуального права⁶. Однако, учитывая сословно-шляхетский характер государства и то, что привилеией с 1447 г. хоть и в незначительной степени, но все же касались и других сословий, следует признать за этими привилеями

значение общегосударственных законов, имевших всеобщий, "земский" характер.

Последующие земские привилеи 1492 и 1506 гг. были изданы при вступлении на престол великих князей литовских — Александра и Жигимонта (Старого). Начиная с 1492 г. сложилась традиция, при которой избрание господаря сопровождалось изданием земского привилея.

Каждый новый земский привилей закреплял действующие нормы права и льготы шляхты, утверждал все изданные ранее документы, вводил новые привилегии. С течением времени в привилеях все большее отражение стали получать нормы государственного устройства ВКЛ. Так, привилей 1492 г. юридически закрепил права Рады, ограничив полномочия господаря; привилей 1506 г. подчеркивал, что избрание великого князя произошло с согласия и по желанию духовных и светских феодалов, а также других жителей ВКЛ.

Содержательный и структурный анализ земских привилеев провел И.В.Якубовский, который выделил в их развитии два этапа.

На первом этапе (1387—1551) развитие земских привилеев шло двумя путями: соединение и систематизация всего юридического материала, накопленного в предыдущих привилеях (наиболее яркие образцы — привилеи 1447 и 1529 гг.); подтверждение всех прежних документов в их полных текстах (большие подтвердительные привилеи 1506 и 1551 гг.). Всего за этот период известно 12 земских привилеев, все они в оригинале написаны по-латыни⁷.

На втором этапе развития земских привилеев (60-е годы XVI в.) их структура и содержание претерпели существенные изменения. Привилеи 1563, 1564, 1565, 1568 гг. написаны на белорусском ("руском") языке и касаются исключительно вновь вводимых законодательных норм, оставляют в стороне весь юридический материал предыдущих документов. Городенский привилей 1568 г. стал последним из земских привилеев⁸. В дальнейшем документирование законодательства шло в форме сеймовых постановлений.

Кроме земских привилеев, от имени великого князя ВКЛ издавались привилеи областям (землям) и городам, в которых отражался их особый статус и права и которые во многих случаях имели значение законов. Основное значение областных привилеев — определение общих норм гражданского, процессуального, криминального права, закреплявших давние традиции и устои той или иной территории. Появление областных привилеев связано с осо-

бенностями образования ВКЛ, когда отдельные земли-княжества входили в его состав на добровольных началах и сохраняли многие местные обычаи и порядки. Кроме того, длительное время в ВКЛ отсутствовало общее для всего государства законодательство⁹.

Областные привилегии появились одновременно с земскими, но в отличие от них все написаны по-русски. Первые областные привилегии в одинаковой форме даны Витовтом Полоцкой и Витебской землям в период с 1392 до 1399 г.

Среди других областных привилегий известны следующие: Витебской земле (1503, 1509, 1561), Полоцкой земле (1511, 1547, 1580, 1634), Смоленской земле (1505), Жмудской земле (1492, 1574) и др. Характерной особенностью этих законодательных актов явилось то, что более поздние привилегии подтверждали выданные ранее и лишь в редких случаях включали некоторые новые положения. В них обязательно дословно переписывались тексты первых областных привилегий и указывалось обязательство центральной власти не нарушать "старины", даже в тех случаях, когда их содержание уже во многом противоречило действовавшему законодательству.

Областные привилегии, как и земские, неоднократно подтверждались великими князьями. До определенного момента в этих подтверждениях закреплялись новые правовые нормы, существовавшие или вводившиеся в той или иной земле. В начале XVI в. почти все областные привилегии получили окончательную редакцию. Все последующие подтверждения повторяли статьи предыдущих актов. Фактически после издания в 1529 г. первого Статута ВКЛ развитие областных привилегий прекратилось. После 1547 г. издание областных привилегий наблюдается только в двух землях – Полоцкой и Жмудской¹⁰.

Прекращение развития областных привилегий связано с формированием общегосударственного законодательства, стиранием местных особенностей в этой сфере. Противоречие между областными привилегиями, основанными в большинстве на древних нормах обычного права, и новыми законодательными актами становилось очевидным уже в начале XVI ст. Например, в 1511 г. Полоцкой земле был выдан подтверждающий привилегий, который во многом шел вразрез с привилегией на Магдебургское право, введенное в Полоцке в 1498 г. и подтвержденное в 1510 г¹¹.

Законодательное регулирование жизни городов оформлялось привилегиями, получившими название привилегий на Магдебургское право ("право Майдебургское"). Основное содержание этих доку-

ментов — освобождение города от действия ряда общих законов, от суда и управления великокняжеской администрации, предоставление права самоуправления по административным и судебным делам.

Первыми законодательными актами на Магдебургское право были великокняжеские привилегии жителям Вильно (1387) и Берестя (1390). На протяжении XV—XVI вв. привилегии на Магдебургское право были выданы всем крупным городам Беларуси. Наряду с земскими и областными привилегиями они часто подтверждались великим князем, в них вписывались тексты более ранних привилегий. Например, привилегия мещанам 1580 г. включил в себя текст привилегии Жигимонта Августа 1569 г.¹²

Значение законов имели и некоторые привилегии, выданные национальным и вероисповедальным группам населения, например "татарам литовским"¹³. Эти привилегии определяли права и положение соответствующей категории населения.

Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. представляли собой собрания законов, акты систематизированного и кодифицированного права. В них в определенном порядке фиксировались нормы государственного, земельного, административного, гражданского, семейного, криминального, процессуального и других отраслей права¹⁴.

В основу первого Статута положены нормы права, закрепленные ранее в земских привилегиях и господарских уставах, а также положения традиционного права. Кроме того, в Статут включены и некоторые новые нормы.

Вскоре после принятия Статута 1529 г. жизнь потребовала корректировки, дополнения и изменения закрепленных в нем норм. Принимаемые на сеймах новые статьи и изменения ("статутные поправки") включались в действующий Статут и подлежали закреплению в новом: "Ведже и тое постановеньє до поправованья статуту и до другого сойму маєть трывати"¹⁵. В результате такой законотворческой работы количество артикулов в Статуте 1529 г. выросло с 244 или 245 до 278—283 (по разным спискам сохранившихся рукописей)¹⁶.

Подвергся значительным изменениям и Статут 1566 г. Уже на Городенском сейме 1568 г. назначена комиссия для исправления его положений¹⁷.

С 1529 г. Статут рассматривался как Основной закон государства (Конституция в современном смысле). Все подзаконные акты, принимавшиеся в ВКЛ, не должны были противоречить его

статьям. Например, подтверждая на Виленском сейме 1563 г. положения военной устави, принятой Берестейским сеймом 1544 г., господарь Жигимонт Август подчеркивал: "Ведже тая устава ... статутови въ той мере ничего шкодити не масть"¹⁸.

Текущая законодательная деятельность сеймов находила отражение в соответствующих постановлениях. Общее название сеймовых постановлений — "ухвала" ("уфала", "ухфала") и как синоним — "постановеньє". Этот термин в рассматриваемое время имел двойное значение. В широком смысле он применялся для обозначения любого решения, принятого на сейме. Например, такое название получил реестр ("попис") войска ВКЛ 1528 г., представленный сейму. В узком смысле термин "ухвала" обозначал отдельный сеймовый документ по тому или иному вопросу (например, ухвала об обороне земской Берестейского сейма 1566 г.¹⁹) или общие материалы сейма ("просьбы" шляхты и "отказы" господаря²⁰). В первом случае термин "ухвала" отражает юридический аспект состоявшегося решения (принято и одобрено на сейме), во втором — форму документирования (ухвала — отдельный сеймовый документ по определенному вопросу или общие материалы сейма).

Решения сейма оформлялись в виде "конституций". Этот термин встречается в материалах сейма с середины XVI в. и в конце столетия становится господствующим при обозначении сеймовых документов. Термин "конституция" во второй половине XVI в. понимался преимущественно как синоним ухвалы, так как в некоторых случаях применялся для обозначения решений тех сеймов, на которых термин "конституция" еще не употреблялся. Например, отвечая на просьбу шляхты на Виленском сейме 1565—1566 гг. относительно назначения на должности, связанные с организацией монетного дела ("мынцы") и контролем за ним, Жигимонт Август постановил руководствоваться решениями предыдущих сеймов: "водле давного обычаю и констытуции соймовъ першихъ"²¹. Экстраполяция термина "конституция" на решения "соймовъ першихъ" свидетельствует, что под ней понималось именно сеймовое решение. В конституции включались отдельные положения (артикулы или статьи), утвержденные на сейме. При этом термин "конституция" мог применяться как к документу в целом, так и к отдельному артикулу, записанному в нем (в этом случае к положениям, записанным в документе, применялось множественное число — "конституции")²². Вместе с тем конституция имела отличие от ухвалы, ибо не все

принятые на сейме и даже утвержденные господарем решения включались в конституцию²³.

Документирование сеймовых постановлений осуществлялось также в форме "реcessов". Впервые recess как вид документа, содержащий "ухваленные" на сейме решения, появляется в 1567 г. для обозначения материалов Городенского сейма: "Рецесь сойму Городенського въ року 1567"²⁴.

И.И.Лаппо противопоставлял recess ухвале, считая его промежуточным документом, отлагавшим до следующего вального сейма окончательное утверждение и дополнение всего не рассмотренного, но предполагавшегося к рассмотрению на сейме²⁵. Однако вряд ли такое противопоставление можно считать справедливым, так как в самом recessе Городенского сейма 1566—1567 гг., на который ссылается И.И.Лаппо, он отождествляется с сеймовой ухвалой: "Прото мы, г[оспода]рь, сею уфалою соймовою за зволеньемъ всихъ становъ...", "водле тоє жь уфалы теперешнее соймовое"²⁶. Кроме того, в некоторых документах содержится ссылка на решения Городенского сейма как на ухвалу²⁷. Таким образом, recess следует рассматривать как сеймовый документ, которым оформлялось принятое на сейме решение (ухвала в широком смысле), но отличающийся от ухвалы в смысле разновидности сеймового документа.

В то же время во второй половине XVI в. recess по сравнению с конституцией имел второстепенное значение, и в этом плане И.И.Лаппо имел основания противопоставить recess конституции. Так, на Люблинском сейме 1569 г. сенат настаивал на внесении в конституцию пунктов, предложенных королем, против чего возражали послы сейма. В итоге они согласились на включение этих пунктов в сеймовое решение лишь в виде recessа²⁸. Вероятно, recess хотя и отражал принятое на сейме решение, однако по юридической силе уступал конституции. Возможно, в более позднее время под recessом стали понимать документ, отражавший процедуру рассмотрения на сейме тех или иных вопросов с промежуточной фиксацией принятых решений и он приобрел значение "журнала сеймовых совещаний", как его определил Н.Г.Горбачевский²⁹. Однако в XVI в. recess выступал все же как документ, фиксирующий окончательное сеймовое решение: "вжо на семь соймепное постановен(ь)е есть вчинено и въ recessе достаточне описано"³⁰. Не случайно на Люблинском сейме 1569 г. послы ВКЛ просили господаря изложить высказанное им в форме привилея или ре-

цесса³¹. То есть рецессу в этом случае придавалось весьма высокое значение.

Решения сейма доводились до сведения поветовой шляхты либо в форме выписов из ухвалы, либо специальными листами (универсалами), за отдельными из которых постепенно закрепились значение сеймовых законодательных документов.

Выписы включали в себя не все решения, принятые на сейме, а лишь отдельные статьи, в которых в первую очередь была заинтересована шляхта. Например, на Виленском сейме 1551 г. даны выписы ухваленной на сейме уставы о порядке свидетельствования частноправовых актов³². Следует отметить, что решения сеймов не всегда быстро доводились до сведения поветовой шляхты, а иногда и вовсе не доходили до нее. В 1554 г. на Виленском сейме шляхтой поднят вопрос, решение по которому состоялось еще на сейме 1551 г., на что обратил внимание господарь. Во избежание в дальнейшем повторов просьб он обязал депутатов сейма "таковые уфалы соймовые съ каныцьярыи, прыстойно, абы есте брали и до братьи вашею отъносили"³³.

В других случаях постановления сеймов рассылались по областям в виде специальных листов (военных, серебрянных и др.). Этим путем решения сейма могли доводиться до сведения шляхты либо немедленно (например, листы серебрянные с ухвалами о сборе налогов на военные нужды)³⁴, либо через некоторое время по мере необходимости (например, военные листы с предписаниями о мобилизации и военном выступлении при возникновении опасности)³⁵. Листы эти получили во второй половине XVI в. название "универсалов".

Такое название этих документов связано с тем, что они содержали информацию, адресованную всему населению ВКЛ, и рассылались во все воеводства и поветы, т.е. имели универсальный характер. Это видно из заголовков некоторых универсалов: "Универсаль до всихъ вобецъ...", "Универсалы, до всихъ обывателей Великого Князства Литовского писаные..." и др.³⁶

Универсалы, содержащие решения, принятые сеймами, и выступали как форма документирования сеймовых ухвал в широком смысле. Например, в поборовом универсале, принятом Люблинским сеймом 1569 г., говорится: "податокъ тотъ, мыть способомъ а порядкомъ нижей списанымъ черезъ нихъ постановены(й), уфалили есмо и уфалюемъ и амоцняемъ, зверхност(ь)ю нашою кролевскою тое постановен(ь)е ихъ потвержасмъ"³⁷. Поборовые универсалы в

XVI в. явились наиболее распространенной разновидностью сеймовых универсалов. В них отражались решения о сборе налогов, определялись их размеры и сроки уплаты³⁸. Если первоначально универсалы являлись лишь листами, посредством которых сеймовые решения доводились на места, то со временем, в силу значительного распространения этого вида документов, произошла экстраполяция понятия универсал на само сеймовое решение и под универсалом стали понимать закон, принятый на сейме. Это изменение нашло отражение в собрании законов Речи Посполитой³⁹.

Вместе с тем термин "универсал" в XVI в. применялся для обозначения документов, не имевших прямого отношения к сеймовым постановлениям. Универсалы могли издаваться по вопросам текущего управления государством, главным образом от имени господаря. В них содержались предписания о готовности к военному выступлению (военные листы), ими оповещалась шляхта о месте и времени проведения вального сейма и назначались поветовые сеймики (сеймовые листы), ими информировали поветовую шляхту о высылке дворянина "на отправу на маестностях" при невыплате податей и др.⁴⁰

Такие универсалы могли издаваться не только господарем, но и панами-радой⁴¹. Во времена бескорольевья, при выборе короля и великого князя они издавались как от имени обоих народов (ВКЛ и Польши), так и от имени только ВКЛ. Универсалами созывали сеймы для избрания господаря, выражали протесты Польше по этому вопросу⁴².

Название универсалов могли иметь и документы, издававшиеся отдельными радными панами. Например, Виленский воевода Николай Радзивилл в мае 1576 г. распорядился прибывать по своим державам и иным "местам" свои универсалы⁴³. Универсалы могли издаваться и местными врядниками, например хоружими во исполнение повелений господаря и панов-рад⁴⁴. Здесь мы наблюдаем распространение термина, первоначально обозначавшего универсальность документа для всего Великого княжества, на любой документ, доведшийся до сведения всего населения той территории, на которую распространялась юрисдикция должностных лиц, его издавших.

Таким образом, главное назначение универсала — доведение какой-либо информации до населения определенной территории. Значение закона, поэтому, имели не все универсалы, а лишь те из них, в которых документально закреплялись принятые сеймом ре-

шения, в отличие от универсалов текущего распорядительного характера.

Весьма распространенным видом документов в XVI в. были "уставы" (в начале века они назывались также "вставами"), которые во многих случаях имели значение закона. М.Ясинский считал уставы и ухвалы начала XVI в. специальными законами, посвященными отдельным вопросам гражданского, уголовного и процессуального права или касавшимися различных сторон государственного благоустройства, административных и финансовых отношений. Разница между ухвалами и уставами им проводилась в зависимости от того, каким органом они издавались: ухвалами он называл законы, исходившие от сейма, а уставами — от великого князя⁴⁵. Однако такой подход не раскрывает сущность и назначение уставы, неадекватно отражает существовавшее положение.

В целом все уставы XVI в. можно разделить на две группы: уставы в значении законов и уставы, имевшие значение организационно-распорядительных документов (инструкций) по управлению отдельными территориями.

Уставы, имевшие значение законов, могли приниматься как на сеймах, так и на заседаниях господаря и панов-рады. Наиболее известными сеймовыми уставами начала XVI в. являются: Устава о народной переписи и военной службе (принята на Виленском сейме 1507 г.)⁴⁶, Устава о пределах власти и правах гетманских (принята на Менском сейме 1507 г.)⁴⁷, Устава о праве наследования имениями (принята Берестейским сеймом не позднее 1514 г.)⁴⁸ и др. С развитием сеймового законодательства все большее количество устав, имевших законодательное значение, принималось на сеймах. Например, среди решений Виленского сейма 1547 г. принята Устава об установлении точной торговой меры для зерна⁴⁹. На том же сейме господарь принял решение "уставу вчынити" относительно службы земской с "маетностей мешчаньских"⁵⁰. В середине века уставы на сеймах принимались по самым разнообразным вопросам: о плате за услуги "кровцов, шевцов, рымаров, слесаров и иных ремесников", о выдаче беглых крестьян и наказании за отказ сделать это, об установлении фиксированных цен на провиант для армии во время военных действий и др.⁵¹ В документах встречается иногда и прямое указание на принятие устава на сейме: "устава соймовая", "водлуг оныхъ прошлыхъ перьвшыхъ соймовъ ухваль и уставъ"⁵². И хотя уставы эти действительно выходили от имени господаря, однако такой порядок был обычным для оформления

государственных документов, принимавшихся в центральных органах управления в то время, ибо вообще все сеймовые документы (ухвалы, конституции, рецессы, универсалы и др.) окончательно утверждались господарем и выходили от его имени. Устава в этих случаях выступает как форма документирования сеймового постановления. Но часто она входила составной частью в сеймовую ухвалу (например, Устава о порядке свидетельствования частноправовых актов, принятая Виленским сеймом 1551 г.)⁵³. В последнем случае устава выступала не как разновидность документа, а, как и ухвала в широком значении этого слова, являлась свидетельством принятого решения.

Уставы разрабатывались и на заседаниях господаря и панов-рады. В начале XVI в. известны "Устава до двухъ год уфаленая, на тыхъ, хто бы зраду подь господаремъ вчинить", т.е. о конфискации имений изменников (1509)⁵⁴, "Устава о пересудах", т.е. о размерах судебных пошлин при апелляции в господарский суд (1509)⁵⁵ и др. Однако сужение на протяжении столетия законодательных функций господаря привело к тому, что издание господарем и панамирадой устав, имевших значение законов, постепенно сошло на нет.

В XVI в. большое распространение получили издававшиеся господарем и панамирадой уставы, имевшие значение организационно-распорядительных документов. Они содержали правительственные решения и инструкции по вопросам управления государственными имениями и державами, мытами, корчмами и другими доходными "местами", а также устанавливали определенные обязанности населения перед государством. Эти уставы могли иметь земский характер (касались всего Великого княжества Литовского), областной (касались управления отдельными землями) и волостной (касались управления волостями).

Наиболее известной земской уставой является "Устава на волоки" от 1 апреля 1557 г. Она вводила разделение земли на волоки, определяла обязанности и повинности тяглого населения, размеры податей и иных "платов", обязанности местного "урада", порядок эксплуатации господарских угодий и др. Фактически эта устава выполняла функции инструкции по управлению государственными державами⁵⁶.

Земский характер имели уставы "мытные и поборовые" (устанавливали обязанности "справцев" и писарей мытных)⁵⁷, "Устава на подводы" от 20 мая 1558 г. (определяла обязанности населения по предоставлению подвод для государственных нужд и

размеры налогов на эти нужды)⁵⁸, "Устава лесничим в ВКЛ" от 27 февраля 1567 г.⁵⁹ и др.

Одной из наиболее известных областных устав является "Устава дворовъ нашихъ у Великомъ князстве Литовскомъ, тако в Виленскомъ, яко и Троцком поветехъ, яко ся державцы и врьдники справовати мають" 1529 г. Устава обязывала урядников вести точную отчетность по приходу и расходу господарских доходов, предъявлять ее писарям, которые с целью контроля объезжали два раза в год господарские дворы и державы⁶⁰. В том же 1529 г. (8 января) дана "Устава земли Жомойтское", определявшая задачи управления территорией, налоги и обязанности населения, размеры вознаграждений тиунам и державцам за службу, порядок судопроизводства⁶¹.

Областные уставы по внешним признакам были близки к областным привилеям, но имели в отличие от них совершенно иное функциональное назначение. Областные привилеи определяли общие нормы гражданского, административного, процессуального, криминального права, т.е. имели значение закона. Устава же определяла отношение данной территории к государству и его местным органам, а также регламентировала обязанности местных врьдников по управлению ею, т.е. являлась фактически инструкцией организационно-распорядительного характера.

Волостные уставы выдавались из скарба отдельным волостям и назначаемым в них державцам. В них оговаривались "податки, работы, сторожи, подводы и повинности розные" населения в пользу держателя или управляющего этой территорией. При этом уставу могли давать и местные врьдники при пожаловании господарских имений⁶².

Кроме господаря и панов-рад уставы могли выдавать и должностные лица, например гетман наивысший "на скупованье живности"⁶³.

Название устав в некоторых случаях имели и местные законы, принимавшиеся в отдельных землях. Например, духовные и светские феодалы Витебской земли 8 февраля 1531 г. приняли уставу о службах и повинностях подданных витебских ("какъ мають за собою людей своих похожихъ вол(ь)ных держати"). Уставы эти назывались также ухвалами, так как принимались (ухвалялись) на сьездах земли⁶⁴. Издать уставу мог и воевода. Так, Ян Глебович утвердил уставу о податях мельников Полоцкой земли⁶⁵.

Положения уставы с течением времени могли изменяться или дополняться. Например, на Берестейском сейме 1566 г. ухвалены дополнения "ку першой уставе поборов великих", вошедшие в сеймовую ухвалу⁶⁶. Изменялись и положения несеймовых устав. Так, "Устава на волоки" по представлению Петра Фалчевского, контролировавшего ее исполнение, исправлена и дополнена по распоряжению великого князя 20 октября 1557 г.⁶⁷ Ровно через год приняты дополнения к "Уставе на подводы" 1558 г.⁶⁸ Около 1558 г. дана новая устава державцам Виленского и Троцкого поветов⁶⁹ и т.д.

По продолжительности действия все уставы можно разделить на долговременные и краткосрочные. Большинство устав носило долговременный характер (например, "Устава на волоки", "Устава на подводы" и др.). Они устанавливали определенные нормы на неограниченный период времени вплоть до их отмены или изменения. Краткосрочные уставы либо имели фиксированный срок действия ("Устава до двух год уфаленая, на тыхъ, хто бы зраду подь господаремъ вчинилъ"), либо устанавливали какие-либо нормы на определенный период (например, уставы по ценам на провиант и фураж для войска на время военного похода)⁷⁰.

Земские уставы, принимавшиеся на сеймах, доводились до поветовой шляхты и остального населения таким же образом, как и ухвалы. Они либо оформлялись в виде выписов из ухвал и выдавались депутатам сейма, либо издавались специальные листы для распространения по поветам⁷¹. Аналогично листами доставлялись и земские уставы господаря и панов-рады. Областные и волостные уставы выдавались в большинстве случаев из скарба и вручались лично должностным лицам (державцам, старостам, тиунам) и населению в лице его старших представителей⁷².

К нормативным документам организационно-распорядительного характера следует отнести "науки", или "инструкции". Если устава фиксировала в первую очередь цены, налоги, повинности и пр., то наука определяла прежде всего права, обязанности, полномочия и порядок действий должностных лиц. Эта особенность нашла отражение в заголовках документов. Так, устава давалась, как правило, на что-то ("Устава на волоки", "Устава на подводы"), наука же давалась кому-то ("Инструкция ревизорам и мерникам" от 20 мая 1558 г.)⁷³. Однако часто один и тот же документ объединял в себе особенности и уставы, и науки (например, "Ustawa krola iego mci lesniczem w Wielkim Xięstwie Lithewskim", названная в подзаголовке также "наукой"⁷⁴). Недостаточно четкое разделение наук

и устав нашло отражение в областных и волостных уставах, которые, вводя те или иные нормы, в то же время определяли и обязанности должностных лиц. Например, "Устава Городенская" от 20 апреля 1514 г. определяла задачи и обязанности городенского старосты Юрья Миколаевича Радивиловича, однако адресована была всему населению староста: "Княземъ и паномъ, и бояромъ, и дворяномъ нашимъ, и войту и мешаномъ, и тивуном, и сотникомъ, и людемъ нашимъ путнымъ и тяглымъ дворовъ нашихъ Городенскихъ"⁷⁵.

Наука могла выдаваться разными должностными лицами как центральным, так и местным врядникам, как правило, тем, кто осуществлял какие-либо операции с государственным имуществом с целью извлечения или увеличения доходов (например, разработчикам "товаров лесных"⁷⁶). Науки выдавались ревизорам, померчим и другим должностным лицам, в задачу которых входили обмер земли, определение размеров податей и т.п. Такие науки давал, как правило, подскарбий земский⁷⁷. Сам подскарбий земский мог получить науку от господаря, как, например, Федор (Теодор) Скумин, направленный ревизором в Полоцк с целью учета и упорядочения пользования имениями, розданными господарем за службу⁷⁸. Сборщики налогов ("поборцы") в земле Инфлянтской в 1588 г. получили инструкцию от комиссаров, посланных в эту землю с целью определения размера податей, согласно королевскому универсалу⁷⁹.

Местным врядникам наука могла выдаваться по самым разнообразным вопросам. Например, "справцы дворов староста Городенского" Стефану Белявскому дана наука с заданием распределить лошадей между осаженными на землях ВКЛ пленными московскими воинами: "яко межи тую Москву тые клячи роздавати маєт"⁸⁰.

Наука местному вряднику могла даваться и на основании просьб шляхты, поданных господарю на сейме. Например, Жомойтская земля на сейме 1559 г. просила господаря дать науку старосте жомойтскому о беглых крестьянах⁸¹.

Особая разновидность наук — науки послам на сейм. После официального учреждения поветовых сеймиков в 1566 г., которые собирались за две недели до великого вального сейма, в каждый повет на сеймик направлялся господарский посол с наукой о задачах и порядке его действий⁸². В свою очередь науки получали и выбиравшиеся на поветовых сеймиках послы на вальный сейм⁸³.

До 1569 г. наука могла даваться и посольству, которое господарь отправлял на вальный сейм Великого княжества Литовского, не имея возможности лично принять участие в заседаниях сейма: "и на том сейме маеть оное посельство пань Горностай оть короля его милости имь правити водле росказанья и науки его милости господарьское"⁸⁴. Господарь мог также давать науку послам, направляемым на польский сейм. Такая наука была, например, дана послам ВКЛ на Варшавский сейм 1563 г.⁸⁵

Во времена бескорольевья инструкции послам на "сполный" с Польшей сейм составлялись на сеймах ВКЛ и выдавались от имени панов-рад и "рыцerstва". В них определялись задачи послов на сейме ("Iako ich m panowie Poslowie postepowac maia") и сроки их возвращения ("Czas ziartania ich m panow poslow")⁸⁶. При выборе нового господаря инструкции давались послам ВКЛ, отправлявшимся на переговоры к "номинатам", т.е. претендентам на престол⁸⁷.

Науки не всегда имели соответствующее самоназвание. Например, инструкция господарским врядникам, посланным для списания "шкод и кривд" от людей служебных, не имела самоназвания "наука" или "инструкция", хотя по содержанию и функционально-му назначению являлась именно этой разновидностью документа⁸⁸.

В то же время название науки имели не только организационно-распорядительные документы. Любой лист, предписывающий какое-либо действие, мог называться наукой. Например, витебский воевода Ян Юрьевич Глебович в своем судебном решении от 6 июня 1532 г. ссылается на науку королевы Боны: "И мы водле науки и росказанья ее м(и)л(о)сти на тые земли выездили", хотя в листе "господарьни" содержится лишь распоряжение о проведении судебного разбирательства ("на тые земли выехати и того ся доведати, и справедливость вчинити") и не указывается конкретно, чем и какими положениями необходимо при этом руководствоваться⁸⁹. Такие листы-науки следует отличать от наук-инструкций и классифицировать как распорядительные документы.

Наиболее очевидно различие между листами-распоряжениями и науками как документами организационно-распорядительного характера можно проследить на примере документации господарского посла, отправлявшегося на поветовый сеймик. Посол получал лист-распоряжение господаря ("Лист послу даный на соймикъ"), которым ему предписывалось довести до сведения панов и шляхты повста и обсудить с ними все вопросы, выносимые на вальный

сойм. В данном случае мы имеем дело с обычным распорядительным документом, предписывавшим определенные действия. Кроме этого листа посол получал также и инструкцию, согласно которой он должен был действовать: "... водие иньструкьцей нашею которую т[воей] м[и]л[ос]ти при семь листе нашомъ посылаемъ" и "яко на иньструкьцыи нашей достаточне описано"⁹⁰. В отличие от листа-распоряжения в науке более конкретно излагались задачи посла, порядок рассмотрения вопросов⁹¹. Этот пример наиболее ярко иллюстрирует отличие распорядительного документа от науки: первый определяет задачу, второй — пути и способы ее выполнения.

Таким образом, нормативная документация центральных органов государственной власти и управления ВКЛ в XVI в. характеризовалась значительным видовым разнообразием, что было связано с решением задач государственного управления и законодательного регулирования жизни страны. Вместе с тем, отсутствие специальных центральных учреждений по управлению различными сферами жизни страны (наподобие современных министерств или приказов в Российском государстве), а также законодательного регулирования процессов документирования и делопроизводства в государственной канцелярии явилось причиной недостаточно четкого разграничения функций между документами, в том числе и нормативными. Прежде всего с этим связаны сложности при отношении того или иного документа к определенному классу, группе или при определении его разновидности. В связи с этим предложенная схема деления документов на группы и подгруппы не является в полном смысле классификацией и носит достаточно условный характер, но в то же время относительно полно отражает состав и специфику нормативных документов ВКЛ XVI в.

У. М. Свяжынскі

Лінгвістычныя праблемы падрыхтоўкі выдання ўнутраных вопісаў актаў Магілёўскага магістрата. Т. 1

Асноўная цяжкасць, з якой сутыкнуліся работнікі архіваў пасля набывання нашай дзяржавай незалежнасці, — гэта пераход у сваіх даследаваннях на дзяржаўную мову. Набыўшы гістарычную спецыяльнасць яшчэ ў савецкія часы, яны не атрымалі разам з тым

неабходнай падрыхтоўкі па беларускай мове. Акрамя авалодання на дастаткова высокім узроўні літаратурнай мовай, пры падрыхтоўцы на ёй рознага роду археаграфічных даведнікаў неабходны грунтоўныя веды па яе гісторыі, гістарычнай анамастыцы і г.д. Патрэба ў гэтых ведах яскрава выявілася ў працэсе падрыхтоўкі I тома “Унутраных вопісаў актаў Магілёўскага магістрата”, якая ажыццёўлена ў адзеле старажытных актаў. Як спецыяліст менавіта па мове старажытнай беларускай пісьменнасці, а таксама рэцэнзент рукапісу працы, лічу патрэбным прааналізаваць з навуковага боку практыку вырашэння аўтарамі асноўнай праблемы лінгвістычнага боку выдання — перадачы зафіксаваных у актах уласных назваў сродкамі сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

У лінгвістычнай літаратуры ў якасці аксіёмы адзначаецца, што разыходжанні паміж пісьмовай і вуснай формамі літаратурнай мовы ў той ці іншай ступені маюць месца практычна ва ўсіх народаў. У адпаведнасці з асноўным палажэннем агульнай тэорыі пісьма не толькі асобныя літары, але і ўвесь інвентар гэтых элементарных графічных адзінак той або іншай мовы ўтварае зусім іншую сістэму, чым інвентар фанем¹. Таму, напрыклад, шведскае пісьмо не дае падставаў лічыць, што доўгае і кароткае А ў гэтай мове маюць розную артыкуляцыю. Таму недасведчаны чалавек будзе думаць, што А ў словах ТАСК і ТАК адрозніваюцца толькі даўгатай гучання. Між тым кароткае А, якое ў шведскай мове мае месца перад спалучэннямі зычных, вымаўляецца прыкладна як А ў беларускім слове САД, доўгае ж А, пазіцыя якога перад адзіночным зычным, вымаўляецца амаль як доўгае О. Таму ў беларускай транскрыпцыі першае слова будзе гучаць як ТАКК, другое — як ТООК. Аналагічна літара О ў гэтай жа мове часцей вымаўляецца як У ў беларускім слове ДУБ, радзей — як О ў слове СОК (параўн. *bonde* “БУНДЭ” і *konst* “КОНСТ”). Таму, каб правільна вымаўляць гэты гук у кожным выпадку, трэба вывучыць словы, дзе О вымаўляецца як О (іх няшмат). Ва ўсіх астатніх выпадках О трэба вымаўляць як У². Прыклады такога тыпу маюць месца і ў сучаснай беларускай мове. Так, толькі тыя, хто выдатна валодае беларускай мовай, ведаюць, што літара Ш ў словах “навошта” і “смяешся” гучыць па-рознаму: у першым выпадку гэта нармальнае цвёрдае Ш, у другім — мяккае С (смяесяся).

Каб зразумець прыроду такіх разыходжанняў пісьмовай і вуснай беларускай мовы старажытнага перыяду, з праблемай

асэнсавання якіх сутыкнуліся аўтары "Вопісаў", трэба згадаць асноўныя моманты моўнай сітуацыі, якая мела месца на нашых землях у часы Вялікага княства Літоўскага.

Як спрадвечны сродак зносін перш за ўсё ў асяродзі карэннага, пераважна славянскага, насельніцтва Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ) беларуская мова стала дзяржаўнай, на ёй выдаваліся кодэкс законаў, вялося афіцыйнае справаводства, у сілу гэтага яна стала і сродкам міжэтнічных зносін у дзяржаве. Вядома, што пад уплывам ідэй Рэфармацыі (Ф.Скарнына, С.Будны, В.Цяпінскі) беларуская мова ў ВКЛ пачала набываць новую, надзвычай важную для яе функцыю — ідэалагічную: яна ўсё больш настойліва пачала пранікаць у сферу царкоўнага ўжытку. Адбываецца яе літаратурная апрацоўка, яна ўсё больш пазбаўляецца ад празмернай кніжнасці.

У даскарынінскі час на Беларусі панавала моўная сітуацыя дыгласіі: царкоўнаславянская і беларуская мовы знаходзіліся ў адносінах функцыянальнага размеркавання. Манаполія царкоўнаславянскай мовы стала царкоўнай сфера. Страсная палеміка вакол гэтай мовы як у Паўднёва-Заходняй Русі (Іаан Вішанскі — Пётр Скарга), так і ў Русі Маскоўскай (справа Максіма Грэка) у пэўнай меры тлумачылася верай у яе цудадзейную сілу³. У арыгінальным артыкуле аб стварэнні рускай, г. зн. царкоўнаславянскай, граматы, унесеным у склад Тлумачальнай Паляі, але дайшоўшым таксама і ў іншых спісах XV—XVII вв., руская грамата побач з рускай верай прызнаецца боскім адкрыццём (откровением): "... грамота руская нікім' же яв'ленна, но токмо самим Богом вседержителемъ, Отцемъ и сыномъ и святымъ Духомъ"⁴. Заклік вывучаць граматыку, спасцігаць родную мову гаворыць пра растуцае значэнне царкоўнаславянскай мовы. У "Трэбніку", выдадзеным каля 1617—1618 гг., аўтары прадмовы разважаюць аб трох галоўных мовах царквы: яўрэйскай, элінскай і рымскай. У сувязі з гэтым, быццам бы ў працяг ідэі Кірылы і Мяфодзія, гуцьць думка пра неабходнасць зрабіць славянскую мову раўнапраўнай сярод іх. Свяшчэннасцю, недатыкальнасцю царкоўнаславянскай мовы тлумачыцца той факт, што рэфармацыйная ініцыятыва, з якой у свой час выступіў у ВКЛ Ф.Скарнына, пры яго жыцці не сустрэла разумення з боку яго суайчыннікаў⁵. І толькі апасроджавана, праз выдадзеныя ім кнігі, Рэфармацыя пачалася на беларускіх, украінскіх і літоўскіх землях у 2-й палове XVI ст., калі, выдаўшы рэлігійныя кнігі паралельна на царкоўна-

славянскай і беларускай мовах, С.Будны і В.Цяпінскі, паслядоўнікі Ф.Скарьны, засведчылі раўназначнасць гэтых моў у царкоўным ужытку і двухмоўе⁶.

Ва ўмовах жа дыгласіі ў адрозненне ад двухмоўя, як вядома, паняцце нормы звязваецца выключна з прэстыжным кніжным моўным утварэннем (пры дыгласіі царкоўнаславянская і беларуская мовы былі толькі разнавіднасцямі, адной мовы). Не кніжнае ж моўнае ўтварэнне (беларускае) у прынцыпе не магло быць у такіх умовах кадэфікавана. Таму за ўвесь старажытны перыяд беларускай мовы па ёй не было створана ніводнага граматычнага дапаможніка, у той час як граматык і слоўнікаў царкоўнаславянскай мовы было выдадзена некалькі. Адзіным дапаможнікам па навучанню грамаце, царкоўнаславянскай і беларускай, служыў у тых часы Псалтыр (гл. прадмову Ф.Скарьны да Псалтыра). Перапіска ж кніг у ВКЛ была пашырана слаба, а тых нямногія, што меліся, не адлюстроўвалі беларускіх моўных асаблівасцей і таму павінны быць прызнаваемы за прывазня⁷. Гэтыя кнігі служылі крыніцамі норм і для пісоў свецкіх кніг.

Становішча істотна мяняецца, пачынаючы з сярэдзіны XVI ст. Пад уплывам рэфармацыйнага руху сітуацыя дыгласіі на беларускіх землях трансфармуецца ў сітуацыю двухмоўя. Старабеларуская мова, стаўшы другой мовай праваслаўя, набывае ў грамадстве самастойны, незалежны ад царкоўнаславянскай статус. У гэты час дасягае небывалых маштабаў пашырэння самая прагрэсіўная ў арфаграфічных адносінах дзельная пісьменнасць (Статуты і Трыбунал ВКЛ, Літоўская метрыка і інш.). У новай сітуацыі дзельная пісьменнасць пачынае арыентавацца на нормы жывога маўлення. Дакументы, у якіх асобныя з іх (пераход В у Ў, зацвярдзенне шпячых, Ц і Р) знаходзяць шырокае адлюстраванне, становяцца ўзорамі для пісоў тэкстаў іншых разнавіднасцей пісьменнасці. Аднак рысы жывой мовы, якія ў найбольшай ступені супярэчылі панавашаму ў кірылічным пісьме этымалагічна-марфалагічнаму арфаграфічнаму прынцыпу, так і не знайшлі ў старабеларускіх пісьмовых помніках колькі-небудзь прыкметнага адлюстравання. Беларускі мовазнавец А.М.Булька, які даследаваў арфаграфію старабеларускіх пісьмовых помнікаў, выявіў, што да ўліку рыс жывой гутарковай беларускай мовы, якія не знайшлі прыкметнага адлюстравання ў старабеларускіх пісьмовых помніках, адносяцца адны з самых для яе характэрных аканне—яканне і дэканне—цэканне⁸. Нагадаем, што вымаўленне на О было ці не

самай галоўнай адметай асаблівасцю маўлення асоб, якія валодалі царкоўнаславянскай граматай. І паколькі кірылічнае пісьмо па традыцыі звязвалася з царкоўнаславянскім кніжным вымаўленнем, яно і было перааждой для далейшай фанетызацыі старабеларускай арфаграфіі.

Традыцыйнасць арфаграфіі старабеларускай пісьменнасці першых год існавання ВКЛ была настолькі высокай, што гэта да нашага часу служыць падставой для некаторых вучоных увогуле ставіць пад пытанне наяўнасць у беларусаў у старажытнасці ўласнай літаратурнай мовы. Помнікі другой паловы XVII і пачатку XVIII ст. у сваім моўным развіцці значна адышлі ад традыцый выкарыстання моўных сродкаў жывой беларускай мовы. Арыенцірам для кніжнікаў таго часу зноў становіцца царкоўнаславянская мова. Гэта акалічнасць падрывала самую аснову існавання беларускай пісьмовай мовы⁹.

Сказанае, аднак, датычыць кірылічных тэкстаў. Як вядома, кірылічная сістэма пісьма была прынесена да ўсходніх славян перш за ўсё як форма фіксацыі свяшчэнных хрысціянскіх тэкстаў. Аўтарытэт, недатыкальнасць гэтых тэкстаў (гл. аб гэтым вышэй) пашыраліся на іх мову і пісьмо. Сітуацыя карэнным чынам мянялася пры пераходзе на іншыя сістэмы пісьма. Так, у беларускіх тэкстах арабскім пісьмом у значна большай ступені прыкметна імкненне да прыстасавання арабскай азбукі да перадачы асаблівасцей беларускага маўлення, чым у сербскіх тэкстах да перадачы асаблівасцей сербскага маўлення¹⁰. Гэта можа тлумачыцца і тым, што татары-мусульмане не валодалі і не карысталіся ў такой меры, як беларусы, кірылічным пісьмом з яго кансерватыўнай правапіснай традыцыяй у адрозненне ад баснійскіх сербаў, якія гэтай традыцыяй як славяне валодалі і пры пераходзе на арабскае пісьмо пераносілі на яго правапісную традыцыю кірыліцы. Для перадачы спецыфічных рыс беларускага жывога маўлення беларускія татары, як вядома, дапоўнілі арабскае пісьмо трыма неабходнымі літарамі. Дзякуючы адпаведным тэкстам да нашага часу былі данесены асаблівасці маўлення нашых продкаў у такой меры, у якой гэта немагчыма бачыць ні з аднаго з тэкстаў, напісаных на старабеларускай мове кірыліцай¹¹. Аналагічная з'ява мела месца і пры пераходзе з кірыліцы на лацінку, калі рашэннем Усеагульнай канфедэрацыі саслоўяў у 1696 г. у якасці адзінай афіцыйнай мовы ва ўсёй Рэчы Паспалітай была зацверджана польская. Такое кардынальнае гвалтоўнае змяненне моўнай сітуацыі на беларускіх

землях прывяло да таго, што ў XVIII ст. беларуская мова захоўвалася ўжо толькі ў вуснай форме як сродак зносін карэннага насельніцтва, а таксама як мова народнай творчасці. Паколькі ў сферы літаратурна-пісьмовай адбыўся разрыў традыцый, змянілася сама нарматыўная аснова беларускай мовы. У новай беларускай мове, якая пачала складвацца ў канцы XVIII ст. (школьныя інтэрмедзі), перадача беларускага маўлення новай, нязвыклай для беларускай мовы лацінскай графікай увогуле мела свае дадатныя бакі, бо тут з самага пачатку свядомае прымяненне фанетычнага прынцыпу арфаграфіі становіцца аб'ектыўнай неабходнасцю¹². Гэта і служыць падставай для заключэння, што старабеларуская і новая беларуская мовы — гэта розныя гістарычныя формы беларускай мовы. Істотныя разыходжанні паміж імі — вынік перарыву літаратурна-пісьмовых традыцый пасля заняпаду старабеларускай мовы¹³. Такі дыяхроніка-сацыялінгвістычны экскурс спатрэбіўся нам для таго, каб даказаць навуковую няслушнасць некаторых прынятых аўтарамі вопісаў правіл перадачы ўласных імён і тэрмінаў, фіксуемых апісваемымі актамі.

Перш за ўсё зазначым, што, паколькі гэтыя назвы ў вопісах перадаюцца сродкамі сучаснай беларускай літаратурнай мовы, яны павінны належаць гэтай мове, г.зн. павінны быць пададзены ў адпаведнасці з яе графіка-арфаграфічнымі правіламі. Што мы бачым у рэцэнзусмай працы?

У выніку незнаёмства з асноўнымі палажэннямі агульнай тэорыі пісьма (што, аднак, не падстава для папроку ў бок аўтараў, калі б было жаданне з іх боку прыслухацца да думкі рэцэнзента) у перадачы названых найменняў назіраецца рэзка супярэчная законам сучаснай беларускай мовы літаральнасць. Прычым гэта тлумачыцца ўяўна зразумелай неабходнасцю дакладнасці ў гэтай перадачы. У выніку бачым чужыя сучаснай беларускай мове напісанні без перадачы акання—якання нахштальт **Амельян, Арцем, староста, паседжанне, Цялепня**. Гэта не тыя самыя цяперашнія беларускія словы **Амяльян, Арцём, стараста, пасяджэнне, Целяпень (або Целяпня)**.

Слова **ДЕЦКИЙ**. Літары Ы, Э пасля Д, Т у старабеларускай літаратурна-пісьмовай мове ўжываліся толькі ў словах іншамоўнага паходжання нахштальт **артыкул', матэрыя, кардынал', бестыя, практыка, тытул'** і інш.¹⁴ Слова ж **ДЕТСКИЙ** было вядома задоўга да ўтварэння ВКЛ, для дзяржаўнай беларускай мовы якога былі характэрны такія напісанні. Першае ўжыванне назоўніка

ДЕТСКИЙ адносіцца да XI ст. і зафіксавана яшчэ ў Лаўрэнцьеўскім спісе летапісу¹⁵. Гэтае слова ў Старажытнай Русі азначала "прадстаўнік ніжэйшай" ("малодшай") часткі дружыны. Таму ён і паходзіць ад слова "дети" (малодшы і детский — сінонімы) і ва ўказаным томе "Словаря русскаго языка XI—XVII вв." прыводзіцца як адно з граматычных і лексічных значэнняў прыметніка **ДЕТСКИЙ**, першым, зыходным значэннем якога з'яўляецца "малолетний, детского возраста"¹⁶. У сучаснай беларускай мове яму адпавядае лексема **ДЗІЦЯЧЫ**. Такім чынам, слова **ДЕЦКИЙ** паходзіць ад спрадвечнага ўсходнеславянскага "дети" і пісаць яго праз Э як запазычанае няма падстаў. У форме **ДЗЕЦКІ** гэтае слова прыводзіцца і ў "Энцыклапедыі гісторыі Беларусі"¹⁷.

Зыходзячы з выкладзенага вышэй асноўнага палажэння агульнай тэорыі пісьма аб нятоеснасці ў любой мове пісьма і вымаўлення, з пункту погляду сучаснай беларускай арфаграфіі не могуць быць прынятыя паслядоўныя ў рэцэнзуемай працы напісанні ўласных найменняў без перадачы мяккасці зычных накішталт **Васка, Воцка, Еска, Жалка, Зенка, Мітка, Санка, Сапоцка, Сыцка, Шалуцка, Яцка**. Узнаўленне гучання такіх напісанняў з пропускам літары **Ь** пры спрадвечна мяккіх зычных у пазіцыі перад зычнымі, насуперак меркаванням аўтараў, пры сучасным узроўні развіцця мовазнаўчай навукі не ўяўляе цяжкасці. Пры рэканструкцыі гукавых сістэм старажытных перыядаў гісторыі моў карыстаюцца не толькі пісьмовымі помнікамі на гэтых мовах, якія захаваліся, але і разнастайнымі іншымі матэрыяламі: гукавымі сістэмамі сучаснага стану моў, асабліва іх дыялектаў, сведчаннямі рыфмы і рытму, дадзенымі параўнальна-гістарычнай фанетыкі, запазычаннямі ў даследуемую мову з іншых моў і з яе ў іншых мовы і г. д.¹⁸ Скарыстаемся гэтай метадыкай у адносінах да прапанаваных аўтарамі "Вопісаў" напісанняў без **Ь** і **мы**.

Мяккі знак прапускаўся ў старабеларускім пісьме не толькі ва ўласных назвах, але і ў агульных. І калі ўзнаўленне напісаных без **Ь** уласных імён шляхам супастаўлення іх з сучасным станам не заўсёды ўяўляецца магчымым (напрыклад, імя **Сапоцка, Сапоцька** да нашага часу не захавалася), то такім шляхам лёгка ўзнаўляецца фанетычная структура агульных назваў. Яркім прыкладам могуць служыць шматлікія ўтварэнні ад асноў **болш** (**болшати, болше, болшей, болшеменье, болшенство, болши, болший, болшити, болшость, болшь**) і **вел** (**велканоць, велкготность, вилкготность, велкерь, велкий, велконоцьный, велконочный, веллепота, велми,**

велможа, велможитися, велможне, велможность, велможный, велце і інш.). Такія скарачаныя напісанні, узнікшыя пад польскім уплывам, дзе, як вядома, спецыяльнай літары для абазначэння мяккасці зычных няма, пашыраны ў старабеларускай пісьменнасці настолькі, што большасць з іх пададзены ў “Гістарычным слоўніку беларускай мовы” ў якасці загалоўных, прычым пропуск Ь назіраецца не толькі пры вынасных зычных, як было прынята ў беларускім скорачце, але і пры радковых. У такім разе: калі б словы **больш, большасць, вельмі, вільготнасць, вельможа, вельможна, вельможнасць** і інш. не дайшлі да нашага часу ў вуснай мове, мы зараз і павінны былі, як лічаць паважаныя аўтары, вымаўляць і пісаць іх з цвёрдымі зычнымі? Калі б цвёрдае вымаўленне разглядаемых слоў сапраўды калі-небудзь мела месца ў гісторыі беларускай мовы, яно б у нейкай меры захавалася ў беларускіх народных гаворках. Аднак ні для адной з сучасных беларускіх гаворак формы накіталт **Васка, Зенка, Мітка, Санка, Яцка** не характэрны (імя **Васка**, наколькі вядома, характэрна толькі для партугальскай мовы — **Васка да Гама**). Наадварот, і для народных гаворак, і для сучаснай беларускай літаратурнай мовы характэрныя формы **Васька, Зенька, Міцька, Санька**. З гэтага вынікае, што і ў беларускай мове таго часу, да якога адносяцца апісваемыя акты, гэтыя імёны вымаўляліся таксама.

З пункту погляду гісторыі культуры і мовы беларусаў не вытрымліваюць крытыкі і прыняцця паслядоўна аўтарамі вопісаў напісанні найменняў на **-іч** як прозвішчаў, г. зн. з націскам на перадапошнім складзе. Нормай у рэцэнзуемых вопісах з’яўляюцца напісанні зафіксаваных у актах найменняў сродкамі сучаснай беларускай мовы накіталт **Абакуновіч, Азаровіч, Александровіч, Анцоховіч, Апанасовіч, Арцымовіч, Багдановіч, Васковіч, Гапановіч, Грышковіч, Дашковіч, Дземідовіч, Есковіч, Ехановіч, Зеньковіч, Івановіч, Ісаковіч, Курановіч, Лаўровіч, Лучніковіч, Левановіч, Максімовіч, Марковіч, Марціновіч, Мішковіч, Несцяровіч, Нікіпаровіч, Парфяновіч, Пашковіч, Пракаповіч, Працковіч, Рамановіч, Рахмайловіч, Рыгаровіч, Сапрановіч, Сідаровіч, Стрэльніковіч, Стэфановіч, Тарановіч, Трухановіч, Федаровіч, Філіповіч, Харковіч, Хільковіч, Цішковіч, Якімовіч** і інш.

Нават грунтоуючыся толькі на матэрыяле “Вопісаў”, ёсць падставы сумняваюцца ў правільнасці прапанаваных аўтарамі напісанняў. Бо калі найменні на **-іч**, як лічаць аўтары, з’яўляюцца прозвішчамі, то чаму ні ў водным выпадку не зафіксавана пры

такім прозвішчы імя па бацьку; чаму, калі мужчыны маюць найменне на **-іч**, то жанчыны — на **-оўна** (Піліпаўна, Іванаўна і г.д.); чаму, калі браты маюць аднолькавага паходжання найменне на **-іч**, а іх бацька — такое найменне іншага паходжання? Аўтарам няўцям, што нават гэты свой памылковы прынцып яны не вытрымліваюць да канца, бо некаторыя найменні на **-іч** яны пішуць з націскам на іншых, акрамя перадапошняга, складах: **Андрэвіч, Мамонавіч, Цімафеевіч, Пацеевіч, Вадавозавіч**. Прычынай гэтага разнабою і з'явіўся абраны аўтарамі памылковы прынцып перадачы ў "Вопісах" гэтых найменняў.

У адпаведнасці з дадзенымі спецыяльнага раздзела мовазнаўства, які займаецца вывучэннем найменняў чалавек — антрапанімікі, на Беларусі прозвішчы з'явіліся ў XVII—XVIII стст. Аднак яшчэ ў першай палове XVIII ст. не было ўстойлівых найменняў з кампанентам тыпу сучасных прозвішчаў. Многія з іх бяруць пачатак ад старажытнаўсходнеславянскіх дахрысціянскіх імёнаў, якія ў XVI—XVIII стст. усё больш страчвалі функцыю імя і набліжаліся да функцыі прозвішча¹⁹. Тое самае бачым і ў літоўцаў: акрамя імя, дадзенага пры хрышчэнні, у дакументах XVI—XVII стст. сустракаюцца і іншыя імёны, іншы раз нават некалькі, якімі часцей за ўсё былі імя па бацьку, указанне на рамяство або род заняткаў, мянушка і да т.п., напрыклад: **Jan Pe-traitis, Jokub Кузнец, Stepan Большоголовый**. Гэтыя дадаковыя імёны гады яшчэ не перадаваліся спадчынікам, акрамя таго, яны часта вар'іраваліся. Так, адна і тая ж асоба магла называцца **Pet-kaitis і Petkutis, Rumbalis і Rumbutis, Adomonis і Adomonelis** і г.д. Такім чынам, гэтыя дадатковыя імёны яшчэ не сталі прозвішчамі. Атрымоўваемыя ў спадчыну прозвішчы ў XVI ст. былі толькі ў вяльможаў і некаторых прадстаўнікоў прывілеяваных саслоўяў²⁰. Так было не толькі ў Літве, але і суседніх краінах. Большасць жыхароў і ў правінцыі, і ў самой Вільні абыходзілася без прозвішчаў, задавальняючыся не атрымоўваемымі ў спадчыну дадатковымі імёнамі. У XVII ст. ужо пазначылася тэндэнцыя "замацавання" гэтых імёнаў за сем'ямі гараджан і паступовага ператварэння іх у прозвішчы. Канчаткова сялянам былі дадзены прозвішчы толькі ў канцы XVIII ст. Значыць, і з пункту погляду рэтраспектыўнага зафіксавання ў актах найменні на **-іч(-овіч)**, улічваючы час, да якога адносяцца акты, нельга лічыць прозвішчамі, таму яны павінны перадавацца сродкамі сучаснай беларускай літаратурнай мовы з націскам на іншых ад канца,

апрача перадапошняга, складах: Абакунавіч, Азаравіч, Аляксандравіч, Анцохавіч, Апанасавіч, Арцёмавіч, Багданавіч, Васькавіч, Гапонавіч, Грышкавіч, Данкавіч, Дзямідавіч, Еськавіч, Еханавіч, Зенькавіч, Іванавіч, Ісакавіч, Куранавіч, Лаўравіч, Лучнікавіч, Лявонавіч, Максімавіч, Маркавіч, Марцінавіч, Мішкавіч, Несперавіч, Нікіпаравіч, Парфенавіч, Пашкавіч, Пракопавіч, Процькавіч, Раманавіч, Рахмайлавіч, Рыгоровіч, Сапронавіч, Сідаравіч, Стрэльнікавіч, Стэфанавіч, Таранавіч, Труханавіч, Фёдаравіч, Філіпавіч, Харкавіч, Хількавіч, Цішкавіч, Якімавіч і інш.

Улік выкладзеных у гэтым артыкуле рэкамендацый пры падрыхтоўцы выдання ўнутраных вопісаў актаў Магілёўскага магістрата значна павысіць яго навуковы ўзровень.

Аб тэарэтычнай і практычнай значнасці архіўных дакументаў

Сярод асобных вучоных існуе думка, што творчасць, дасягненне новых вынікаў у навуцы, адукацыі звязана з вырашэннем праблем па самастойна створанай схеме ці формуле, выкарыстаннем арыгінальных канцэпцый ці тэорый. Але ў гэтым выпадку, як гавораць спецыялісты, спробы выйсці за межы вядомага, імкненне да пошукаў шляхоў адольвання праблем часта падводзяць людзей да рысы, за якой, як след, ужо наступае “вар’яцтва”. На шчасце ці, магчыма, на жаль, такіх “геніяльных вар’ятаў” у гісторыі чалавецтва было не так ужо і шмат. Можа, менавіта, таму неабходна лічыць, што праблема новых адкрыццяў, творчых пошукаў, шляхоў адыходу ад магчымай гістарычнай катастрофы звязана галоўным чынам з выкарыстаннем вопыту мінулага, з тымі ведамі, якія набыло чалавецтва ў мінулыя дзесяцігоддзі і стагоддзі. Галоўная роля ў творчых знаходках, адкрыццях, учынках людзей, на нашу думку, павінна належаць сканцэнтраванай у архівах дакументаванай інфармацыі, якая з’яўляецца захавальніцай ведаў, традыцый, культуры народаў і ўтварае вялізарны сацыяльна-інфармацыйны патэнцыял чалавецтва. Адначасова інфармацыя, што захоўваецца ў архіўных дакументах, усё больш ператвараецца ў самастойны фактар сацыяльнага і эканамічнага развіцця грамадства. Павялічваецца яе роля для прыняцця рашэнняў у розных сферах дзейнасці, валоданне патрэбнай інфармацыяй забяспечвае атрыманне палітычных і эканамічных пераваг.

Прадстаўнікі розных галін ведаў па-рознаму падыходзяць да вызначэння сутнасці і зместу паняцця “інфармацыя”. Але, нягледзячы на гэта, усё больш вучоных схіляюцца да прызнання інфармацыі фундаментальнай катэгорыяй навукі. У той жа час вучоныя, эксперты звычайна разглядаюць інфармацыйную дзейнасць архіваў па-за сувязю з грамадскай вытворчасцю, забываючы пра тое, што архіўная інфармацыя ўсё больш уяўляе сабой “сыравіну” для вытворчасці інфармацыйных прадуктаў і кампа-

нентаў. Розны і ўзровень распрацоўкі інфармацыі як асноўнага рэсурсу ў тых ці іншых учынках людзей. Асаблівае адставанне ў распрацоўцы тэорыі інфармацыі, многіх іншых светапоглядных праблем прыкметна сярод вучоных гуманітарных спецыяльнасцей — эканамістаў, гісторыкаў, палітолагаў і інш.

Пры гэтым недастаткова ўлічваюцца не толькі моманты тэарэтычнай нераспрацаванасці праблемы дакументаванай інфармацыі, але і яе практычны аспект. А для архіўнага дакумента найважнейшымі ўласцівасцямі з'яўляюцца яго непарыўная сувязь з пэўнай арганізаванай сістэмай, структураванасць, сэнс, каштоўнасць. Напрыклад, практычная каштоўнасць вывучэння архіўнай дакументаванай інфармацыі для грамадазнаўцаў заключаецца ў наступным: для гісторыка — гэта магчымасць паказаць мінулае ва ўсёй яго паўнаце, дакладнасці і на гэтай аснове паўплываць на працэсы, што адбываюцца ў рамках соцыуму ў сучасных умовах; для эканаміста — магчымасці больш эфектыўна распрацоўваць праграмы і рэкамендацыі эканамічнага парадку; для палітолага, сацыёлага — гэта распрацоўка перспектывы развіцця сучаснага і будучага грамадства з улікам мінулага вопыту; для палітыка — гэта папярэджанне не ўдзельнічаць у хлусні, бо гісторыя з цягам часу расставіць усё на свае месцы. Архіўная дакументаваная інфармацыя важная і для кожнага канкрэтнага чалавека з пункту погляду даследавання яго генеалагічных каранёў, а таксама ацэнкі свайго жжцця як выніку вытворчай дзейнасці, вызначэння сваёй грамадзянскай пазіцыі ва ўмовах зменлівага свету.

У магчымасцях грамадазнаўцаў, іншых вучоных абапірацца на вопыт мінулага, перадаваць яго ад аднаго пакалення да другога і змяшчацца глыбокі дэмакратычны сэнс, які дазваляе людзям і народам думаць пра сваю будучыню, не дапускаць пралікаў і памылак мінулага.

На глабальным узроўні інфармацыя заклікана выконваць мноства задач у жжцці чалавецтва, забяспечваючы камунікацыі паміж элементамі грамадскай сістэмы, захоўваючы і перадаючы веды, фарміруючы памяць чалавецтва.

Усё вышэйсказанае ставіць архіўныя дакументы ў шэраг найважнейшых элементаў сацыякультурнага асяроддзя, якія фарміруюць светапогляд кожнага чалавека, той ці іншай групы людзей, грамадства ў цэлым. Нельга не адзначыць, што інфармацыя можа несці і адмоўны зарад, таму што ў

інфармацыйным грамадстве светапогляднаўтваральнымі суб'ектамі могуць выступаць групы людзей, што бяруць на сябе адказнасць за выпрацоўку рамак мыслення і дзейнасці, распрацоўку новых стратэгий і перспектывы развіцця соцыуму, новых відаў ведаў. Прычым не ўсе гэтыя людзі здольны знайсці адэкватныя адказы на выклікі сучаснасці, а ў асобных выпадках яны і проста зацікаўлены ў тым, каб палітыку ставіць вышэй навукі, пазбавіць людзей калектывнай памяці, надаць пасіўны характар адукацыі моладзі.

Менавіта таму апазіцыя негатыўным праяўленням не павінна мець выключэнняў як на дзяржаўным, так і на індывідуальным узроўні. І першае месца ў вырашэнні цывілізаваных праблем павінна належаць навукам аб грамадстве, адукацыі, заснаванай на мінулых ведах. Ужо сёння пытанне аб пераадоленні адставання гуманітарных, сацыяльных навук у адносінах да прыродазнаўчых і тэхнічных набывае незвычайную вострыню і актуальнасць. У галіне адукацыі асабліва ўвага павінна ўдзяляцца забеспячэнню талерантнасці мыслення моладзі, апоры на мінулы пазітыўны вопыт, удліку і распрацоўцы новых каштоўнасцей і ўстановак, зыходзячы з рэальнай і глабальных праблем, створаных чалавецтвам.

Многія вучоныя ў цяперашні час выказваюць думку пра тое, што гуманітарныя і сацыяльныя навукі адыграюць у XXI ст. вызначальную ролю ў вырашэнні глабальных праблем, такіх, як блізкасць эканамічнай і экалагічнай катастроф, рост народнасцельніцтва планеты, павелічэнне галечы, беспрацоўя, хвароб і інш. Улік набытых папярэдніх ведаў і іх выкарыстанне будуць фарміраваць паводзінскія ўстаноўкі, нормы, каштоўнасці індывідуума, яго сацыяльную сутнасць, уплываць на ўсе змяненні ў грамадстве. Верагодна, што працэс гэты не будзе лёгкім, бо ён звязаны з наяўнасцю шэрагу абставін, якія абцяжарваюць развіццё гуманітарных з'яў. Напрыклад, у Рэспубліцы Беларусь — гэта пераход да новых палітычных, эканамічных і сацыяльных умоў, які характарызуецца многімі нявырашанымі праблемамі, неабходнасць перагляду пытанняў адкрытасці інфармацыі, абмежаванасць выкарыстання сучасных тэхналогій для прадстаўлення інфармацыйных паслуг і інш.

Найважнейшае значэнне для выкарыстання архіўных дакументаў у сучасных умовах набывае праблема інфармацыйнай бяспекі. Яна звязана з дзейнасцю архіваў як асобай дзяржаўнай установы, закліканай захоўваць носьбіты інфармацыі, праводзіць пэўную апрацоўку гэтай інфармацыі і яе распаўсюджанне, садзейнічаць

працэсам выкарыстання дакументаў, забеспячэнню іх фізічнай захаванасці.

Асабліваю вастрыню набывае і пытанне аб розных абмежаваннях на выкарыстанне дакументаванай інфармацыі. Распаўсюджванне інфармацыі, якая можа нанесці шкоду інтарэсам грамадства і дзяржавы, вядома ж недапушчальна. У той жа час і неабгрунтаванае засакрэчванне інфармацыі можа прывесці да значнай эканамічнай, маральна-палітычнай і ваеннай шкоды.

Шляхамі вырашэння задач па забеспячэнні інфармацыйнай бяспекі ўяўляюцца няўхільнае выкананне патрабаванняў асноўных заканадаўчых актаў і іх удасканаленне, распрацоўка нарматыўна-метадычных дакументаў самімі архівамі, кантроль за іх выкананнем, наяўнасць адпаведнага абсталявання, фінансавая падтрымка праводзімых работ і мерапрыемстваў.

Ва ўмовах фінансава-эканамічнай нестабільнасці, недастатковага нарматыўна-прававога і метадычнага забеспячэння, нізкага статусу прафесіі архівіста ў архіўнай справе ўзнікае вялікі спектр праблем. У грамадскай свядомасці, у прадстаўнікоў уладных структур фарміруецца аб'яквы погляд на дзейнасць архіўнай галіны, што ў сваю чаргу вядзе да страты пачуцця патрэбнасці прафесіі архівіста для грамадства ў работнікаў гэтай галіны. У такой сітуацыі ў якасці адной з прэвентыўных мер паляпшэння становішча павінна разглядацца эканамічнае выкарыстанне дакументаванай інфармацыі для забеспячэння выжывальнасці архіўнай сістэмы.

Н.Н.Левчик

Усовершенствование и переработка описей церковных фондов в Национальном историческом архиве Беларуси

В Национальном историческом архиве Беларуси хранится комплекс фондов церквей Минской, Могилевской и Витебской губерний.

Документы этих фондов представляют определенный интерес для исследователя. Они содержат сведения о постройке, ремонте, освящении, доходах церквей, церковном имуществе, земельных владениях, открытии церковно-приходских школ. При исполнении генеалогических запросов граждан неоценимыми источниками являются метрические книги, книги брачных обысков, исповедные

ведомости, посемейные списки и ревизские сказки священно- и церковнослужителей и прихожан.

Фонды учреждений религиозного культа по своей научной и практической ценности при категорировании в архиве были отнесены к 3-й категории и долгое время их описи не усовершенствовались. Пользование же этими описями затруднено, т.к. заголовки дел не всегда верно и с достаточной полнотой раскрывали их содержание, имелись ошибки в датировке документов и названиях церквей, язык документов (при наличии иностранного) не указывался, систематизация дел нарушалась, имелись непрофильные дела, научно-справочный аппарат отсутствовал.

В настоящее время, учитывая потребность в информации научных сотрудников АН Беларуси, реставраторов, краеведов, возросший интерес ученых и общественности к вопросам религии, церкви, восстановления памятников национальной культуры, архив приступил к усовершенствованию и переработке описей фондов церквей Минской губернии.

При подготовке этой работы всесторонне изучены документы фондов, их значимость, информативность.

Анализ фондов показал, что все они, за небольшим исключением, содержат примерно одинаковый состав документов. На эти документы были составлены типовые заголовки, наличие которых значительно облегчило последующую работу сотрудников по пересоставлению заголовков дел. Исполнителями уточнялась фондовая принадлежность документов, передавались по профилю встречающиеся нередко в одном фонде документы разных церквей, расположенных в одном населенном пункте (например, документы Дукорской Петропавловской и Дукорской Успенской церквей Игуменского уезда хранились в одном фонде).

Уточнялись названия церквей (например, церковь в селе Стахово была названа Стаховичской вместо Стаховской), восстанавливались пропущенные в некоторых названных фондах имена святых, которые к тому же на протяжении истории церкви менялись (например, Тоново-Слободская Георгиевская с 1880 г. – Козьмодемьяновская церковь Минского уезда).

Указывался язык документов, если встречался польский язык, так как до 1839 г. некоторые церкви были униатскими, и делопроизводство в них велось на польском и русском языках.

Была подготовлена "Примерная схема систематизации дел в описях фондов церквей"* , согласно которой дела группируются по номинальному признаку с учетом их значимости, а внутри групп – по хронологии. Этот принцип систематизации кажется нам в данном случае наиболее рациональным. Например, исследователь, занимающийся историей какой-то церкви, найдет все клировые ведомости в одном разделе описи, проследит за ростом или падением благосостояния церкви по приходно-расходным ведомостям, расположенным в хронологической последовательности. Также и сотруднику архива, исполняющему генеалогический запрос, не придется перелистывать всю опись в поисках метрических книг или ревизских сказок, он найдет их в одном месте и за все годы. Каждый типовой заголовок в схеме получил свой номер (приоритет), и систематизация заголовков проводилась в программе "ААТ – опись".

Работа с документами фондов дала возможность собрать материал по истории некоторых церквей для предисловий к описям. Там, где в документах таких сведений не доставало или они отсутствовали, источниками послужили "Историко-статистическое описание Минской епархии", С.-Петербург, 1864 и "Памятная книжка Минской епархии на 1887 г.", Минск, 1886**.

К описям составлялись также титульные листы, оглавление, заверительные надписи, переводные таблицы шифров, списки сокращенных слов.

Параллельно проводилась тематическая разработка документов, карточки поступят в систематический и именной каталоги. Кроме того, проводился отбор особо ценных дел.

Работа по усовершенствованию и переработке церковных фондов Минской губернии близится к завершению. В перспективе – усовершенствование и переработка описей фондов церквей Витебской и Могилевской губерний, составление межфондового указателя метрических книг.

Приложение 1

Примерная схема систематизации дел в описях фондов церквей
(дается в сокращении)

010 Указы Синода

* См. Приложение: "Примерная схема..."

** В "Приложении..." представлено предисловие к описи № 1 фонда № 125 "Борисовская Воскресенская церковь".

- ... 030 Указы Минской духовной консистории
- ... 090 Клировые ведомости
- ... 150 Книга прихода и расхода денег
- ... 230 Книга прихода пожертвований
- ... 250 Ведомость прихода и расхода свечных сборов
- ... 260 Книга прихода и расхода кружечного сбора
- ... 270 Книга прихода и расхода венчиков и листов разрешительной молитвы
- ... 290 Дело о сдаче в аренду участков церковной земли
- ... 300 Дело о ремонте церкви
- ... 320 Богослужебный дневник
- ... 340 Тетрадь записи нравоучений
- ... 350 Входящие документы церковных школ прихода
- ... 360 Книга брачных обысков
- ... 370 Посемейные списки прихожан
- ... 380 Исповедные ведомости
- ... 400 Метрические книги о родившихся, бракосочетавшихся и умерших
- ... 460 Старые описи

Приложение 2

**Предисловие к описи фонда № 125
“Борисовская Воскресенская церковь”
(1-я часть. История фондообразователя)**

Борисовская церковь по сведениям из клировых ведомостей известна с 1775 г., когда она как униатская Преображенская одноприходная церковь была передана в православное ведомство.

По другим источникам на месте ее ранее был старинный православный монастырь*. Когда и кем она была впервые построена, сведений в фонде не сохранилось.

В 1815 г. из Преображенской она была переосвящена в Воскресенскую**.

В 1830 г. была построена новая деревянная церковь с колокольней, а та, что существовала, стала приписной Андреевской.

В 1865 г. Воскресенская церковь сгорела, сохранившуюся утварь перенесли в приписную.

В том же году при церкви было учреждено православное братство, целью которого было содействие содержанию и сохранению храмов, школ, госпиталей и, в частности, постройке нового здания Воскресенской церкви.

На месте сгоревшей церкви по высочайше утвержденному плану построен каменный собор с колокольней, освященный в 1874 г. Александром, епископом Минским и Бобруйским***.

К собору были приписаны две кладбищенские церкви — Борисовская Андреевская и Стаховская Рождество-Богородицкая.

На 1887 г. в состав прихода кроме г. Борисова входили деревни Большое Стахово, Люботовщина, Брусы, Дымки, Бродня-Сорское и Печи****.

В 1909 г. собор принимал участие в церковно-школьной выставке в С.-Петербурге*****.

Штат собора составляли: настоятель, священник, диакон, два псаломщика и просвирня.

Диакон также заведовал Борисовским складом Минского епархиального свечного завода.

В 1919 г. метрические книги из собора были переданы отделу гражданской регистрации Борисовского исполкома*****.

---

*НИАБ, ф.125, оп.1, д.5, л.5.

** Там же, л.13.

*** Там же, д.7, л.10.

**** Памятная книжка Минской епархии на 1887 г. Мн., с.552.

***** НИАБ, ф.125, оп.1, д.24, л.3.

***** Там же, д.131.

Отдел автоматизированных архивных технологий — реалии и перспективы

В марте 1998 г. в НИАБ создан отдел автоматизации архивных технологий (ААТ), основной перспективной целью которого стала подготовка и проведение разносторонней комплексной автоматизации архива с использованием компьютерных технологий.

А на первом этапе работы отделу, состоящему из четырех человек, были поставлены следующие задачи:

- создание и заполнение компьютерных баз данных, содержащих в себе информацию, извлеченную из первоисточников, а также обеспечение их (баз данных) использования и сохранности;
- автоматизация решений локальных задач других отделов с помощью внедряемых по необходимости фрагментов автоматизированных рабочих мест (АРМ) и информационно-поисковых систем (ИПС);
- организация технического оформления работ сотрудников архива;
- обеспечение бесперебойной работы имеющегося парка компьютерной техники, а также консультирование пользователей по вопросам, возникающим при работе с оборудованием и программными средствами.

Отдел работает уже больше года, накоплен определенный опыт, и сейчас уже можно дать несколько комментариев по некоторым аспектам его работы.

Любой человек в повседневной жизни вынужден обращаться к большим объемам информации: будь то телефонный справочник, поваренная книга, словарь или какая-нибудь энциклопедия (говоря научно — к базам данных). Не обладая стопроцентным формализованным мышлением, человек не идеально приспособлен к работе с такими источниками, требующей частых повторений одних и тех же операций. В идеале такую работу должны выполнять автоматические устройства, например компьютеры.

Конечно, в пределах отдельно взятой квартиры любому человеку достаточно и самих источников (справочников и книг), а без автоматизации работы с ними вполне можно обойтись. В архиве же, таком огромном хранилище информации, отсутствие техно-

логий автоматизации приводит не только к невозможности максимально эффективной работы с данными, но и к значительным потерям ценных трудовых ресурсов (времени работников архива). Однако, автоматизация работы с большими объемами информации не является делом ни простым, ни быстрым.

Какие же проблемы может решить и решает отдел ААТ на данном, начальном, этапе и какие возможности открываются перед нами в будущем?

Как всегда, все упирается во время.

С одной стороны, его не хватает для того, чтобы удовлетворить поток поступающих в архив запросов так быстро, как хотелось бы.

С другой стороны, течение времени не может не отразиться на физическом состоянии хранимых документов, а тем более принимая во внимание рост числа обращений к ним.

Имеем классическую проблему оптимизации решений двух противоречащих друг другу задач: необходимо обеспечить максимально оперативное использование информации (доступ, поиск) при минимальном числе обращений к первоисточникам с целью их сохранения.

И эту проблему оптимизации как раз можно решить при помощи создания и использования компьютерных баз данных, содержащих в себе информацию, извлеченную из первоисточников, чем наш отдел занимается в настоящее время.

Пока недоступны дорогостоящие технологии сканирования и распознавания рукописных текстов в архивных документах, информация в базы данных вносится попросту с клавиатуры. Это процесс длительный, хотя и его можно ускорить, увеличив количество архивистов-операторов, читающих документы и вносящих информацию, и соответственно техники.

Но даже использование таких ограниченных технических возможностей и столь небольших людских ресурсов уже позволяет повысить эффективность и оперативность работы с внесенной в базы данных информацией, сократив при этом число обращений к документам-первоисточникам.

Можно представить себе время, когда научно-технический прогресс и соответствующее финансирование позволят нам иметь аппаратную базу, с помощью которой можно будет добиться примерно следующего.

Все компьютеры объединены в сеть, имеющую выход в Интер-

нет. Любой сотрудник имеет доступ к базам данных, в которых содержится информация, извлеченная из документов архива. При этом время доступа и скорость поиска информации обусловлены только лишь возможностями компьютера, но не возможностями людей.

Кроме этого, имеются электронные копии документов (компьютерные графические изображения), встроенные в базы данных и позволяющие не только получить интересующую информацию, но и увидеть копию ее первоисточника на экране компьютера, а при необходимости – распечатать.

Помимо явного увеличения эффективности и производительности труда работников, в таком "компьютерном" архиве упрощаются также осуществление контроля над доступом к информации и обеспечение ее сохранности.

С.А.Рыбчонак

Класіфікацыя крыніц па генеалогіі. Прамыя і ўскосныя крыніцы

Праблема класіфікацыі крыніц уяўляецца адной з найгалоўнейшых задач крыніцазнаўства. Яна цесна звязана з вывучэннем знешняга выгляду і зместу асобных крыніц і адпаведна з фарміраваннем канкрэтных відаў і груп найбольш тыповых і важных з іх.

Першую спробу зрабіць агульную класіфікацыю генеалагічных крыніц у айчынай гістарыяграфіі зрабіў яшчэ на пачатку 20 ст. вядомы расійскі даследчык Л.М. Савелаў. Гэтая класіфікацыя выкарыстоўваецца да сённяшняга дня, нягледзячы на тое, што яна тычылася вядомых яму тагачасных крыніц. Галоўнай прычынай яе існавання было вывучэнне спецыялістамі выключна дарэвалюцыйных генеалагічных крыніц. Аднак калі ўлічыць, што хутка аб'ект генеалогіі пашырыцца і на 20–60-я гады нашага стагоддзя, то стане відавочна неабходнасць распаўсюджвання ўказанай класіфікацыі на новыя крыніцы, якія з'явіліся пасля 1917 г.

Пэўную спробу выдзеліць і класіфікаваць асобныя генеалагічныя крыніцы савецкага часу зрабіў на пачатку 1970-х гадоў яшчэ адзін расійскі даследчык А.В. Елпацьеўскі¹. На жаль, яго даследаванне абмежавалася канстатацыяй факта пашырэння кола генеалагічных крыніц пасля 1917 г. і практычным апісаннем най-

больш масавых і значных з іх (метрычныя кнігі аддзелаў ЗАГС, працоўныя кніжкі, адукацыйныя дакументы і інш.), а тэарэтычнага асэнсавання і абагульнення з класіфікацыяй Л.М. Савелава ў яго не адбылося. Класіфікацыя Л.М. Савелава ўяўляецца вельмі значнай для нашага даследавання, а таму мы спынімся на ёй падрабязней. Яна пабудавана на дакладным суаднясенні вядомай класіфікацыі гістарычных крыніц да генеалогіі і выдзяляе тры галоўныя віды крыніц: вусныя, рэчавыя і пісьмовыя².

1) Вуснымі генеалагічнымі крыніцамі называюцца паданні, легенды і г.д., што змяшчаюць канкрэтныя генеалагічныя звесткі і якія сустракаюцца як у радаслоўных, так і звычайных гістарычных крыніцах: летапісах, хроніках і інш. Гэты від крыніц цяжка лічыць даставерным, таму што ў ім прысутнічае, як правіла, інфармацыя, якую практычна немажліва ні пацвердзіць, ні абвергнуць з-за адсутнасці дастатковай колькасці крытычна правяраных крыніц.

Так “Хроніка Быхаўца” падае нам прыгожую легенду пра рымскага патрыцыя Палямона, які, ратуючыся ад напэсця Ацілы ў сярэдзіне 6 в. н.э., узяў з сабой 500 сем’яў рымскай шляхты і звезда-ра і “паплыў морам Міжземным... і, абмінуўшы Францыю ды Ангельшчыну, прыплыў да каралеўства Дацкага, а адтуль морам-акіянам дабраўся да вусця ракі Нёман”, што адбылося, як адзначыў А.Нарбут, каля 924 г.³ З гэтай жа рымскай шляхты, як меркавалі ў сярэднявеччы, і выйшлі вядомыя літоўскія шляхецкія роды, як, напрыклад, Даўспрунгі, якія захавалі свой спадчынны (рымскі) герб “Кітаўрас” (або “Гіпацэнтаўр”). І калі для храніста не выклікала сумнення мажлівасць марскога ваяжу працягам амаль у пяць стагоддзяў ці наяўнасць у рымлянаў гербаў, то заснаванне нашчадкамі Палямона Боркам горада Юрбарка, а Кернусам – горада Кернава, таксама як і іх імёны, мела для яго ўжо гістарычную відавочнасць⁴.

Для правільнага асэнсавання вусных крыніц неабходна дакладна ведаць час іх запісу і ўсе абставіны гэтага працэсу, бо найбольш істотныя змены адбываліся якраз пад час першага запісу. Што тычыцца “Хронікі Быхаўца”, то недарэчнасці, якія ў ёй сустракаюцца, напрыклад, што міфічны літоўскі князь Мантвіл, як слухна адзначаў вядомы даследчык М.І. Ермаловіч, ніяк не мог заваяваць пасля Батыева пахода Навагрудак і інш. беларускія гарады, а яго ўнук Гінгвіл, сын Ердзівіла, не мог стаць полацкім князем і мець сына Барыса, што быў на самай справе сынам Усяслава Чарадзея, вымагаюць паставіць пад сумнеў даставернасць прыведзеных ёй

звестак⁵. Таму адзначым, што вусныя крыніцы, схільныя для засваення пэўных скажонняў пад час свайго існавання і магчымых мэтанакіраваных дэфармацый пад час запісу, і вымагаюць вельмі крытычнага стаўлення да сябе.

З другога боку, указаньня легенды з'яўляюцца цікавым матэрыялам генеалагічнай міфатворчасці, а таксама могуць асвятляць напямкі пэўных этнічных сувязей або раскрываць радавое прозвішча асобных родаў. Старажытны беларускі род Зяновічаў, як лічыў Я.П.Карловіч, быў сербскага паходжання, менавіта таму ў яго прозвішчы захавалася прыдомак Дэшпат, бо гэты прыдомак з'яўляецца ўласна тыгулам і азначае ў перакладзе з грэчаскай мовы “гаспадар”⁶, што выглядае даволі праўдападобна, хоць ўсё адно патрабуе пацвярджэння незалежнымі крыніцамі.

Варта сказаць, што існаванне вусных крыніц характэрна для пачатковага перыяду станаўлення дзяржаўна-этнічных супольнасцей. Вусная крыніца не можа быць бясконца пастаяннай, яна трансфармуецца – нешта забываецца, нешта прыдумваецца, з цягам часу ступень даставернасці інфармацыі ў ёй змяншаецца і, урэшце рэшт, на пэўным этапе развіцця дзяржавы, этнанацыянальнай свядомасці і, зразумела, пісьменства яна перакладаецца на пісьмо, запісваецца, інакш кажучы, становіцца пісьмовай крыніцай вуснага паходжання. Прычым напачатку гэта адбываецца з агульнымі, а потым і з прыватнымі (радавымі) крыніцамі. Адзначым яшчэ адну характэрную рысу вуснай крыніцы – яна запісваецца звычайна значна раней, чым пачынае крытычна асэнсоўвацца, ў сувязі з гэтым даследчыкі імкнуцца выкарыстаць кожнае новае дасягненне навукі для тлумачэння незразумелых і блытаных месц вуснай крыніцы, што забяспечвае ёй доўгае пісьмовае жыццё.

2) Рэчавыя крыніцы – гэта манеты, медалі, надмагільныя помнікі, царкоўныя прадметы, радавыя гербы і г.д. Найпрасцейшы прыклад крыніцы гэтага віду – надмагільны помнік. Звычайна ён змяшчае звесткі пра памерлага, даты (гады) яго нараджэння і смерці ці ўзрост, а іншы раз і розныя дадатковыя звесткі пра пахаванага і яго сваякоў. Напрыклад, вось тыповы надпіс надмагільнага помніка: “Светлай памяці Ева Пятроўская, жыла 52 гады, памерла 27 верасня 1910... Памяць ад мужа і дачкі”⁷. У гэтым выпадку найбольшую цікавасць для навукоўцаў уяўляюць габрэйскія надмагільныя помнікі, што маюць наступную асаблівасць – у надпісе абавязкова пазначаліся імёны продкаў памерлага, прынамсі, за 3–4 калены⁸. Зразумела, што ўказаная “пахавальная” інфармацыя цал-

кам павінна адпавядаць рэчаіснасці, бо не мела ніякага сэнсу і мажлівасці рабіць сабе падману з таго свету. Аднак стварэнне навуковага радавода вымагае выкарыстання незалежных (ад асобы) крыніц і падмацаванне імі канкрэтных фрагментаў.

Адзначым, што каштоўнасць дадзенага віду крыніц для генеалогіі магчыма толькі пры адной умове – яна павінна ўтрымліваць дастаткова інфармацыі, што дазволіла б ідэнтыфікаваць у генеалогіі асобу, якой гэта рэч належала. Відавочна, што амаль ніхто, маючы шыкоўную рэч або даруючы царкве, сябру чашу ці яшчэ які-небудзь прадмет, не рабіў на ёй надпіс кшталту: “Я, Раман Сянкевіч, сын Міхаіла і Ганны з Паўлоўскіх, з сынамі Юрыем і Пятром дарую...”, бо мэта падарунка была якая заўгодна, толькі не запіс генеалогіі. Запісы рабіліся прасцей, генеалагічныя звесткі ў іх прысутнічаюць, але не заўжды дазваляюць ідэнтыфікаваць канкрэтную асобу. Нават надпіс на габрэйскім надмагільным помніку: “Памёр рабі Меір Каган, сын Шлэмы, унук Давіда, праўнук Іцхака...” не дае нам без далучэння іншых крыніц гарантыі, дзе ёсць рэальныя акалічнасці пра гэтага Іцхака, што побач з ім не жыву яшчэ адзін Іцхак, асабліва калі ў крыніцах адсутнічаюць прозвішчы.

Менавіта фрагментарнасць генеалагічных звестак на рэчавых крыніцах і практычная адсутнасць пазначэння роднасных сувязей паміж людзьмі з’яўляюцца галоўнай перашкодай для шырокага выкарыстання іх у даследаваннях: звычайна да іх звяртаюцца для пацвярджэння звестак у асобных фрагментах радавода ці на канкрэтнага прадстаўніка роду.

Іншымі словамі, рэчавая крыніца з’яўляецца амаль што пісьмовай, хіба што змяшчаецца на канкрэтнай рэчы, прадмесе. Навука разглядае такія рэчы адначасова як рэч з традыцыйнымі элементамі выканання: рыцарскі шчыт з малюнкам радавода на ім не перастае быць сродкам абароны, і як гістарычную крыніцу, дзе намалюваны радавод патрабуе навуковага пацвярджэння інфармацыі. З цягам часу рэчавыя крыніцы разбушаюцца і знікаюць, таму рана ці позна інфармацыя з іх павінна быць запісана, што азначае іх належнасць ужо да пісьмовых крыніц. Прычым у гісторыі нямала прыкладаў, калі такія запісы атрымліваюць самастойнае існаванне пасля разбурэння рэчы. Так адбылося з копіямі надпісаў з надмагільных помнікаў, часткай сабраных, а часткай апублікаваных у пачатку 20 ст. па ініцыятыве вялікага князя М.М.Раманава⁹, бо шмат помнікаў загінула пад час войнаў і іншых падзей і сабраныя надпісы нярэдка ўяўляюцца адзінай згадкай пра іх існаванне.

3) Письмовыя крыніцы — самы галоўны, шматлікі і каштоўны від крыніц. Да яго можна аднесці ўсе запісы, зробленыя на паперы або іншых сродках пісьма, якія змяшчаюць любую генеалагічную інфармацыю.

Далей Л.М. Савелаў падзяліў усе пісьмовыя крыніцы на тры падвіды: афіцыйныя — дакументы ўрадавых асоб і ўстаноў, гістарычныя — дакументы агульнагістарычнага значэння (летапісы, хронікі і інш.) і сямейныя (успаміны, прыватная перапіска, тэстаменты і г.д.). А ўсе генеалагічныя крыніцы ў якасці гістарычных доказаў Л.М. Савелаў падзяліў яшчэ на дзве катэгорыі: прамыя і ўскосныя, сэнс якіх быў выражаны навукоўцам наступным чынам. Прамыя — гэта крыніцы, якія прама адносяцца да канкрэтнай асобы, ўскосныя — адпостроўваюць інфармацыю аб канкрэтнай асобе ў агульных выказах, бо маюць грамадскі характар. Прычым, на думку Л.М. Савелава, большасць афіцыйных і сямейных крыніц належыць да прамых, гістарычных — да ўскосных крыніц.

Класіфікацыя Л.М. Савелава з'явілася пасля генеалагічнага буму, што адбыўся ў Расійскай імперыі ў канцы 18 – 19 ст., і мела асноўнай мэтай зрабіць тэрэтычныя абагульненні атрыманых навукай дасягненняў. Яна была дастаткова перадавой на пачатку 20 ст., хаця і мела пэўныя недахопы. У прыватнасці, даследчык А.І. Аксёнаў адзначаў нявытрыманасць у ёй паслядоўнасці – від афіцыйных і сямейных крыніц выдзелены Л.М. Савелавым па падходжанню дакументаў, а гістарычных – па зместу¹⁰.

Сапраўды, выдзяленне сярод пісьмовых крыніц трох падвідаў не вызначасца дакладнасцю. Выдзяленне афіцыйных крыніц вымагае наяўнасць іх супрацьлегласці – неафіцыйных (назва “сямейныя” не гучыць навукова). Існаванне т.зв. гістарычных крыніц Л.М. Савелаў мог абумовіць толькі гістарычна: для яго такімі крыніцамі сталі летапісы, разрадныя і пісцовыя кнігі, іншыя дакументы, што адносяцца да канца 17 ст. уключна. Зразумела, для сучасных даследчыкаў гістарычнымі з'яўляюцца ўсе дакументы, што тычацца цалкам дарэвалюцыйных часоў. Таму ўласна гістарычныя крыніцы павінны падзяляцца на афіцыйныя, напрыклад тыя ж разрадныя і пісцовыя кнігі, і неафіцыйныя – тыя ж летапісы, калі гаварыць пра беларускія — “Баркулабаўскі летапіс” і “Хроніка Быхаўца”. Самае большае, пра што можна спрачацца – гэта большая ці меншая ступень афіцыйнасці (неафіцыйнасці) гістарычных крыніц.

Па-другое, зусім незразумелы падзел Л.М. Савелавым генеалагічных крыніц на прамыя і ўскосныя. Што азначае дэфініцыя першай катэгорыі – “прама тычыцца да канкрэтнай асобы”? Калі канкрэтная асоба дакладна ўстаноўлена, ідэнтыфікавана, то крыніца, якая мае прамое дачыненне да яе, неабавязкова павінна змяшчаць інфармацыю аб іншых прадстаўніках роду. Калі ж канкрэтная асоба неідэнтыфікавана, то як крыніцы, якія маюць прамое дачыненне да яе і неабавязкова змяшчаюць інфармацыю аб іншых прадстаўніках роду, могуць дапамагчы генеалогу? Нам уяўляецца, што падзел генеалагічных крыніц на прамыя і ўскосныя павінен праходзіць па іншай мяжы.

Таксама Л.М. Савелавым не разгледжана пытанне аб розных парадках генеалагічных крыніц: адна крыніца можа змяшчаць генеалагічную інфармацыю на аднаго канкрэтнага прадстаўніка роду, другая – на восем кален і 27 асобаў у іх. Нарэшце, падобная класіфікацыя састарэла: змяніўся статус афіцыйнасці некаторых крыніц, у навуковы зварот уводзяцца новыя крыніцы. Гэта вымагае перагляду і ўдакладнення класіфікацыі, створанай Савелавым.

Блізкай да савелаўскай з’яўляецца класіфікацыя, прапанаваная вядомым польскім даследчыкам У.Дважачакам. На жаль, асноўная яго работа “Генеалогія” да сённяшняга дня не трапіла ў бібліятэкі Беларусі і галоўныя яе палажэнні вядомы толькі з прац іншых навукоўцаў. Усе генеалагічныя крыніцы У.Дважачак падзяліў на прамыя і ўскосныя. Характэрна стаўленне некаторых спецыялістаў да выдзялення ўказаных катэгорый: В.Медушэўская, якая аналізавала “Генеалогію”, нават не палічыла неабходным пазначыць, што менавіта разумеў пад імі аўтар. Далей, са слоў той жа В.Медушэўскай, У.Дважачак выдзяляе вусныя крыніцы – прыгодныя для карыстання не далей за трэцяе пакаленне, калі няма дадатковых звестак (г.зн. проста памяць роду, але ніяк не легенды і паданні, тым больш запісаныя, як у Савелава), рэчавыя – сярод якіх найгалоўнейшымі з’яўляюцца помнікі сямейнай эпіграфікі, і пісьмовыя – без выдзялення асобных падвідаў¹¹. Такім чынам, сёння актуальнай задачай з’яўляецца распрацоўка класіфікацыі, у аснову якой ляглі б найбольш істотныя рысы генеалагічных крыніц незалежна, прынамсі, ад месца, часу і мэты іх з’яўлення.

Гістарычнасць генеалогіі як навукі звязана з вырашэннем яе асноўнай задачы — аднаўленнем канкрэтных гістарычных падзей і іх удзельнікаў — дзеля чаго яна выкарыстоўвае гістарычныя крыніцы. Што ж мы называем генеалагічнай крыніцай? Гэта

проблема ў беларускай навуцы не разглядалася наогул. Зразумела, што адзіным крытэрыем характарыстыкі такой крыніцы павінна быць наяўнасць пэўнай генеалагічнай інфармацыі. Такім чынам, самая простая дэфініцыя генеалагічнай крыніцы – гэта гістарычная крыніца, якая змяшчае пэўную генеалагічную інфармацыю. Указаная інфармацыя можа складацца з розных звестак, і перш чым пераходзіць да класіфікацыі крыніц, неабходна высветліць, якімі могуць быць гэтыя звесткі. У гэтым сэнсе паказальным з’яўляецца стаўленне У. Дважачакам на асноўнае месца ў класіфікацыі падзела крыніц на прамыя і ўскосныя.

Прамымі (ці асноўнымі) генеалагічнымі звесткамі, што неабходны для навуковых даследаванняў, трэба лічыць: прозвішча, імя, даты нараджэння, шлюбу, смерці; месца нараджэння, смерці, жытхарства, што тычыцца канкрэтнай асобы, а таксама адпаведная інфармацыя пра яго бацькоў, жонку, дзяцей і іншых блізкіх сваякоў, прычым указаныя звесткі павінны фіксаваць роднасныя сувязі паміж гэтымі людзьмі. Гэтыя звесткі названы намі таксама асноўнымі, таму што менавіта пры іх наяўнасці можна ідэнтыфікаваць лобога чалавека, як асобную індывідуальную адзінку ў бязмежным моры людзей. У адрозненне ад прамых ёсць яшчэ ўскосныя (ці дадатковыя) генеалагічныя звесткі, напрыклад веравызнанне, сацыяльнае становішча, прафесія, месца адукацыі, працы і інш., якія дапамагаюць праводзіць генеалагічныя пошукі, але самі па сабе без выкарыстання асноўных не дазваляюць канчатковай ідэнтыфікацыі.

Як бачым, падзел крыніц на прамыя і ўскосныя з’яўляецца галоўным крытэрыем класіфікацыі, бо не ўсе крыніцы аднолькава дазваляюць зрабіць ідэнтыфікацыю і выканаць галоўную задачу генеалогіі – аднавіць радавод. У гэтым сэнсе можна выдзеліць асноўныя (прамыя) і дадатковыя (ускосныя) генеалагічныя крыніцы. Асноўнымі генеалагічнымі крыніцамі мы прапануем называць крыніцы, якія змяшчаюць прамыя генеалагічныя звесткі, што тычацца адной ці некалькіх блізкіх асоб і пазначаюць роднасныя сувязі паміж імі. Адпаведна дадатковыя генеалагічныя крыніцы – гэта крыніцы, якія змяшчаюць ускосныя генеалагічныя звесткі (звычайна па адной асобе) і не ўтрымліваюць пазначэння роднасных сувязей паміж людзьмі.

Сярод асноўных крыніц можна выдзеліць як асобны падвід уласна радаводы. Гэта стварэння людзьмі генеалогіі канкрэтных асоб ці родаў, прычым у любым выглядзе: радаслоўная (генсалагіч-

ная) табліца, радаслоўнае дрэва і, найбольш распаўсюджаны, радаслоўны (пакалены) роспіс. Звычайна гэты від крыніц змяшчаўся ў самых розных старажытных летапісах, хроніках і іншых дакументах агульна-гістарычнага значэння. Пазней радаводы сталі пераважаць сярод матэрыялаў па шляхецкай генеалогіі, у прыватнасці як у дзейнасці вывадовых камісій дваранскіх дэпутацкіх сходаў, так і ў матэрыялах, сабраных спецыялістамі, і публікацыях.

Радавод па сутнасці – гэта злучэнне, аб'яднанне двух (як мінімум) і больш крыніц, як асноўных, так пры неабходнасці і дадатковых, з правядзеннем патрэбнай ідэнтыфікацыі і стварэннем агульнага радавода. Такім чынам, яго адрозненне ад проста асноўнай генеалагічнай крыніцы ў наяўнасці сканцэнтраванай інфармацыі пра некалькі пакаленняў і чыста генеалагічным выглядзе, мажліва з ужываннем пэўных сімвалаў для пазначэння роднасных сувязей і інш. інфармацыі. Зразумела, такое адрозненне вымагае пачатковая мэтанакіраванасць радавода – ён адразу складаецца як канкрэтны прадукт генеалагічных звестак. Таксама відавочна, што грунтоўнасць дадзенай крыніцы базіруецца на пазначэнні, адкуль узятая інфармацыя, г.зн. неабходна патрабуе такога элемента, як указанне навукова верагодных крыніц і правільнае афармленне спасылкаў.

Падзел крыніц на вусныя, рэчавыя і пісьмовыя трэба разглядаць у сэнсе сродку перадачы інфармацыі. Вядомы дзве асноўныя сістэмы захавання і перадачы генеалагічных звестак – вусная і пісьмовая. Няма сумнення, што вусная сістэма зарадзілася значна раней за пісьмовую, а развіццё пісьмовай, у сваю чаргу, звязана з дасягненнем пэўнай ступені развіцця цывілізацыі. Таксама відавочна, што вусная сістэма характэрна для старажытных часоў і народаў, якія дастаткова позна засвоілі пісьменства, асабліва на побытавым узроўні. Так, сярод народаў Паўночнага Каўказа распаўсюджаны звычай, калі юнакі завучваюць на памяць колькі імёнаў сваіх продкаў, пэўна, як элемент традыцыйнага выхавання, што развіўся пад час яе працяглага існавання. А.Н.Нарбут паведамляе, што такі ж звычай існаваў і сярод данскіх казакоў¹², якія больш вучыліся махаць шабляй, чым пісаць. Пісьмовая сістэма зарадзілася, прынамсі, не пазней першага запісу Бібліі і дамінуе сёння ва ўсім цывілізаваным свеце, прычым калі разглядаць яе як сістэму захавання і перадачы звестак, то няма ніякай розніцы, чым карысталіся для гэтага людзі, калі пісалі. Нягледзячы на некаторыя выпадкі і тэарэтычную мажлівасць перадачы генеалагічных звестак рэчамі, практычнае

існаванне такой традыцыі не мела выдавочнай рацыі, а таму не атрымала шырокага распаўсюджання. Вусныя і рэчавыя крыніцы, як мы адзначылі раней, у лепшым выпадку можна лічыць часова непісьмовымі, таму, як нам падаецца, згаданы падзел крыніц на вусныя, рэчавыя і пісьмовыя можна наогул выключыць з класіфікацыі.

Наступным крытэрыем падзелу могуць быць акалічнасці паходжання (утварэння) крыніцы. Найлепшым здасяца паўтарыць выдзяленне Л.М.Савелавым афіцыйных і сямейных крыніц, за выключэннем асобнага віду гістарычных. Сапраўды, выдзеліць афіцыйныя (з дзяржаўных устаноў) і неафіцыйныя (з сям'і, роду) не складае вялікай цяжкасці: патрабуе, аднак, удакладнення катэгорыя афіцыйнасці (неафіцыйнасці). Справа ў тым, што ў статусе афіцыйнасці могуць адбывацца гістарычныя змены. Напрыклад, пасля рэвалюцыі на тэрыторыях былой Расійскай імперыі была ўстаноўлена дзяржаўная сістэма рэгістрацыі актаў грамадзянскага стану, г.зн. царкоўныя метрычныя кнігі пасля 1917 г. перасталі лічыцца афіцыйнымі крыніцамі, пры гэтым канкрэтная генеалагічная інфармацыя, што ў іх прысутнічае, ніколі не змянілася. Тое ж самае адбылося з дакументамі дваранскіх устаноў: калі да рэвалюцыі яны мелі пэўнае афіцыйнае значэнне, то сёння разглядаюцца як прыватная справа грамадскіх аб'яднанняў.

Другі бок афіцыйнасці – неабходная незалежнасць крыніцы ад асобы, што выяўляецца ў верагодным запісе інфармацыі чыноўнікам або асобай, якая выконвае яго функцыі. Той жа Л.М.Савелаў адзначаў факты прызнання такой афіцыйнай устаноў, як Дэпартамент геральдыі, выдавочнай генеалагічнай бязглуздзіцы¹³. Унікальны выпадак можна бачыць у існаванні пінкасаў – кніг габрэйскіх абшчын, у якія ўносіліся пратаколы пасяджэнняў абшчынных праўленняў і запісваліся падзеі, што тычыліся гісторыі абшчыны¹⁴ і ніякага дачынення да дзейнасці афіцыйных устаноў не мелі, аднак генеалагічныя звесткі, што ў іх змешчаны, лічацца габрэямі неаспрэчнымі, нават у параўнанні з матэрыяламі дзяржаўных рэвізій ці перапісаў. Інакш кажучы, габрэі, не маючы сваёй дзяржавы, пражываючы пад пільным наглядам афіцыйных устаноў іншых дзяржаў, стварылі ўласную афіцыйнасць. Такім чынам, афіцыйнасць – паняцце адноснае: яна можа быць звязана не толькі з дзейнасцю дзяржаўных, але розных грамадскіх устаноў і нават асоб, надзеленых канкрэтнымі паўнамоцтвамі.

У чым жа павінна быць галоўнае адрозненне афіцыйных крыніц ад неафіцыйных? Яно відавочна – гэта раўназначная ўвага да ўсіх людзей, што абумоўлівае масавы характар крыніцы, і асабістая незацікаўленасць у канкрэтнай інфармацыі пра іх, што дастаткова падмацоўвае іх незалежнасць. Афіцыйныя крыніцы не складаюцца спецыяльна для Пятровіча або Іваноўскага, але для ўсіх, хто трапляе ў сферу іх дзейнасці. Адпаведна неафіцыйныя крыніцы – гэта крыніцы ўласна прыватнага характару, якія звязаны з адной або некалькімі блізкімі канкрэтнымі асобамі.

Для дакладнасці мы прапануем называць афіцыйнымі крыніцамі дакументы любых дзяржаўных і грамадскіх устаноў, што маюць масавы характар і тычацца генеалогіі вялікай колькасці людзей. Неафіцыйныя (прыватныя) крыніцы не могуць быць напрамую звязаны з дзяржаўнымі ці грамадскімі ўстановамі, г.зн. не з'яўляюцца прамымі прадуктамі іх дзейнасці, хоць бы і праходзілі праз гэтыя ўстановы ў форме рэгістрацыі, канстатацыі і інш., і тычацца генеалогіі адной або некалькіх асоб. Сюды павінны трапляць усе дакументы сямейнага паходжання і розныя архіўныя матэрыялы, што маюць індывідуальнае (персанальнае) паходжанне: тэстаменты, крапасныя акты, розныя прашэнні і г.д. Зразумела, у неафіцыйных крыніцах можа (а іншы раз і павінна – напрыклад, у тэстаментах) прысутнічаць як асноўная, так і дадатковая генеалагічная інфармацыя, аднак цяжка гаварыць аб яе абавязковым характары і тыповасці звестак.

Найбольшую значнасць для навуковай генеалогіі маюць афіцыйныя крыніцы, што сканцэнтраваны пераважна ў архівах і лёгкадаступны для правядзення шырокіх генеалагічных даследаванняў. Калі суаднесці вышэйуказанае разуменне афіцыйных крыніц з наяўнасцю ў іх прамых ці ўскосных генеалагічных звестак, то ўсе крыніцы падзяляцца проста і ясна на дзве групы. Прамыя (асноўныя) афіцыйныя крыніцы – гэта дакументы любых дзяржаўных і грамадскіх устаноў, што маюць масавы характар і ўтрымліваюць прамыя генеалагічныя звесткі з пазначэннем роднасных сувязей паміж людзьмі. Што тычыцца дарэвалюцыйных крыніц – гэта матэрыялы перапісаў насельніцтва, метрычныя кнігі культавых устаноў, пасямейныя і прызыўныя спісы, іншыя крыніцы, дзе змешчаны склад сям'і. Адпаведна ўскосныя (дадатковыя) афіцыйныя крыніцы – гэта дакументы любых дзяржаўных і грамадскіх устаноў, што маюць масавы характар і тычацца генеалогіі значнай колькасці людзей, аднак не ўказваюць

роднасныя сувязі паміж імі. Зразумела, што пры правядзенні генеалагічных даследаванняў іншы раз неабходна выкарыстанне ўскосных крыніц, аднак гэта звязана перш за ўсё з недахопам або адсутнасцю прамых. Галоўным жа ў такім падзеле ёсць наяўнасць роднасных сувязей, бо менавіта на іх базіруюцца любы навукова абгрунтаваны радавод.

Дадзеная работа прысвечана аналізу менавіта афіцыйных, як асноўных так і ўскосных, крыніц. Для разгляду канкрэтных дакументаў мы прапануем наступную схему апісання:

- 1) гістарычныя звесткі, г.зн. інфармацыя пра сутнасць дакумента, яго ўзнікненне і існаванне,
- 2) генеалогія – якая генеалагічная інфармацыя асноўнага і ўскоснага характару ў ім змешчана,
- 3) архіўная сістэма – яго месцазнаходжанне ў канкрэтных фондах раней (да 1917 г.) і зараз, а таксама асаблівасці азначамага дакумента, а таксама іх колькасны і геаграфічны аналіз.

А.А.Станкевич

О физическом состоянии документов Национального исторического архива Беларуси

Национальный исторический архив сформирован из старых фондов, которые не всегда находились в нормальных условиях хранения, обеспечивающих их безопасность от повреждения вредителями.

Практически в архиве нет ни одного крупного фонда, который не был бы в той или иной степени не поврежден плесневыми грибами. Правда, степень заражения разная. В ряде фондов плесенью заражены отдельные дела, в других фондах насчитывается их по несколько сот.

На документах, очень давно подвергавшихся грибному поражению, на месте бывших колоний грибов, видны обширные скопления спор и конидий, утративших свою первоначальную яркую окраску и имеющих вид пылевидных налетов черного и бурого цвета. Мицелий, как правило, отсутствует. Материальная основа документа ослаблена: она хрупкая, ломкая, от прикосновения рассыпается, имеется выпадение и утрата отдельных фрагментов, бу-

мага часто бурая или коричневая. На месте развивавшихся колоний грибов видны многочисленные пигментные пятна.

Когда в процессе работы с документами выявляют дела с признаками поражения микроорганизмами, то сам факт наличия поражения еще не дает основания хранителям фондов подвергать документы дезобработке. Для того чтобы удостовериться в отсутствии жизнеспособности спор, проводится микологический анализ. Наши документы желательно подвергать микологическому анализу ежегодно. По результатам микологического анализа определяется целесообразность проведения работ по дезинфекции документов. Обеззараживание только тех документов, на которых обнаружены жизнеспособные грибы, позволяет архиву сократить объем работ по дезинфекции и не подвергать воздействию химических веществ ветхие дела. У нас положение усугубляется еще и тем, что среди зараженных плесенью дел имеется значительный процент документов с разрушающейся основой и повреждением текста. Поэтому такие дела требуют не только дезинфекции но и обязательной последующей реставрации документов.

Как самостоятельный вид работы целевое выявление поврежденных документов в архиве не проводится из-за недостатка времени.

То, что значительная часть документов нашего архива нуждается в реставрации, переплете, дезинфекции, выявлено в ходе проводимых работ: выдачи дел, усовершенствования описей, при использовании документов. Но основное выявление поврежденных документов проводится в ходе проверок наличия и состояния дел.

Фонды архива разделены на три категории. В соответствии с этим делением и определяется периодичность проведения проверки наличия и состояния дел. Фонды 1-й категории и особо ценные документы проверяются один раз в 10 лет, фонды 2-й категории — один раз в 15 лет, фонды 3-й категории — один раз в 20 лет.

Плановые проверки наличия и состояния дел стали проводиться с 1964 г.

В целом сроки проведения проверок наличия и состояния дел у нас выдерживаются, кроме фондов 3-й категории. За 1989–1996 гг. большинство фондов 3-й категории было также проверено.

В результате плановых проверок наличия и состояния дел стала видна реальная картина состояния наших документов, что позволило определить очередность отбора дел на дезинфекцию, реставрацию и переплет.

Каково же фактическое состояние наших документов?
Это видно из следующей таблицы:

Категория фонда	Количество дел	Количество дел, требующих дезинфекции, реставрации, переплета, подшивки и ремонта	Количество дел, которые продезинфицированы, отреставрированы, переплетены, подшиты, отремонтированы
1-я категория	290600	200000	90600
2 -я категория	170354	107948	62406
3-я категория	552302	401043	151259
Итого:	1013256	708991	304265

Поэтому, учитывая наличие большого числа поврежденных документов, отбор дел на реставрацию проводится с обязательным учетом ценности документов, состояния основы и текста, степени использования.

В первую очередь на реставрацию передаются особо ценные дела, во-вторую – наиболее используемые документы со следами механических повреждений. Документы, разрушение которых явилось следствием плесневого заражения, а также документы с признаками локального выцветания текста, передаются на реставрацию вне очереди, что обусловлено большой скоростью развития очагов поражения.

При отборе дел на реставрацию приходится учитывать реальные возможности лаборатории и предполагаемую эффективность реставрационного вмешательства. Когда вероятность положительного исхода реставрации документов кажется сомнительной, то сотрудники отдела советуются со специалистами Центральной лаборатории микрофотокопирования и реставрации документов Национального архивного фонда о том, следует ли передавать документы на реставрацию.

К настоящему времени в плохом физическом состоянии находятся фонды дворянских депутатских собраний и учреждений религиозного культа (в первую очередь фонды церквей), которые стали в последние годы интенсивно использоваться.

При возросшем использовании данных фондов как исследователями, так и сотрудниками архива стоит вопрос о расширении производственных мощностей Центральной лаборатории микрофотокопирования и реставрации документов Национального архивного фонда, а также о введении в штат отдела реставратора-перешлетчика и архивиста.

Вызывает тревогу и состояние текстов документов. У нас имеется значительное количество документов за 16–17 вв. с сильным кислым железогалловым текстом. Для таких документов характерна повышенная хрупкость, желтизна бумаги в зоне текста, наблюдается пробивание текста сквозь бумагу, окрашивание оборотной стороны документа или соседних листов. Документы с сильным железогалловым текстом нуждаются в специальной обработке, которая проводится средствами реставрации с целью сохранения оригинала. Центральная лаборатория реставрации и микрофотокопирования документов практически не занимается устранением причин химической или физической коррозии текста.

Но реставрация и другие виды специальной обработки документов – это одна сторона обеспечения сохранности документов. Вторая сторона – более рациональное размещение документов в хранилищах при острой нехватке стеллажных площадей. В первую очередь – перекартонирование наиболее используемых фондов. У нас в хранилищах дела очень плотно уложены в коробки, а от частой выемки и обратной подкладки делам наносятся механические повреждения. Перекартонирование наиболее используемых фондов необходимо провести в ближайшие 2–3 года после перемещения всех документов в здание архива по ул. Кропоткина, 55.

Также, чтобы продлить жизнь документов, надо неукоснительно соблюдать установленные режимы хранения и использования документов, что замедляет естественный процесс их старения, сокращая тем самым общий объем документов, нуждающихся в реставрации и других видах специальной обработки.

Каталог архива

Отдел информационно-поисковых систем Национального исторического архива Беларуси ведёт планомерную работу по созданию и совершенствованию одного из справочников-каталогов, призванных в конечном итоге сосредоточить сведения о содержании документов всех фондов архива.

Система каталогов в НИАБ представлена систематическим, именованным и сфрагистическим каталогами, которые включают около 285 тыс. тематических карточек. Систематический и именованный каталоги созданы в 1965 г. на базе объединения тематических карточек Центрального государственного исторического архива БССР в г. Могилёве и отдела дореволюционных фондов Госархива Минской обл. Тогда же в ЦГИА БССР в г. Минске создана группа по каталогизации документов, разработаны вопросы организации и методики этой работы, составлена схема классификации документальных материалов. В основу методики работы по каталогизации был положен дифференцированный подход к отбору и описанию документов в зависимости от научно-исторической ценности и актуальности. В первую очередь тематической разработке были подвергнуты наиболее ценные многоотраслевые фонды (впоследствии фонды 1-й и 2-й категории).

Основной задачей этого периода являлось создание массива вторичной документной информации с целью быстрого введения его в научный оборот. На 01.01.1999 г. в НИАБ тематически разработано 483 тыс. 474 дела, полностью закаталогизировано около 250 фондов, в том числе разработаны все фонды учреждений периода Российской империи 1-й и 2-й категории и частично фонды 3-й категории.

С 1981 г. ведется работа по усовершенствованию систематического и именованного каталогов. В архивоведческой литературе и нормативно-методических разработках подробно освещены вопросы организации и методики работы по каталогизации, однако работа по усовершенствованию каталога в них не нашла отражения. В начале 1980-х годов сотрудниками отдела разработана "Инструкция по усовершенствованию систематического и именованного каталогов в ЦГИА БССР в г. Минске", проведен анализ эффективности использования каталога ЦГИА БССР в г. Минске, на основе которого установлена очередность усовершенствования его разделов с учетом интенсивности их использования.

Было признано, что усовершенствование каталога целесообразно проводить в ходе перевода его на предложенную в 1983 г. "Схему единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР (XVIII – начало XX в.)". Тем более, что в 1982 г. сотрудниками ВНИИДАД была проведена апробация проекта СЕК на материалах нашего каталога и перевод его на новую схему не требовал коренной реорганизации его отделов и подразделов. Для обеспечения работы по усовершенствованию каталога создавались пособия, рабочие схемы, картотека принимаемых решений и др. В процессе усовершенствования карточек проводилась экспертиза ценности, объединение, дублирование, редактирование, проверка шифров, индексирование, систематизация, включение, составление отсылочного аппарата, оформление разделителей, а затем ведутся формы учета. В настоящее время полностью усовершенствован именной каталог и близится к завершению работа по усовершенствованию систематического каталога в соответствии с планом-графиком.

В конце 1970-х годов в архиве начата работа по выявлению и описанию сфрагистических памятников. В 1980 г. разработана "Схема классификации сфрагистического материала в ЦГИА БССР в г.Минске", которая состоит из пяти отделов.

I. Печати периода Великого княжества Литовского и поздней Речи Посполитой.

II. Печати периода Российской империи.

III. Печати учреждений религиозного культа и его служителей.

IV. Печати частных лиц.

V. Печати смежных территорий и иностранных государств.

Систематический, именной и сфрагистический каталоги широко используются сотрудниками архива и исследователями по разнообразной тематике. Наряду с разделами, которые традиционно используются: "Инвентари помещичьих имений", "Народное образование", "Религия", "Промышленность", в последние годы проявляется повышенный интерес к таким разделам, как: "Генеалогические таблицы", "Политические партии", "Органы сословного самоуправления", "Финансовая система", "Благотворительность". В 1998 г. зафиксировано 376 обращений в каталог.

Все большее значение в организации работы государственных архивов приобретают автоматизированно-поисковые системы. Мы надеемся, что в ближайшее время будут разработаны программы "Именной каталог" и "Географический каталог", что обеспечит

более качественное и оперативное предоставление информации о составе и содержании документов НИАБ.

И.Н.Шпилевская

Картографические материалы и практическая работа с ними в НИАБ

В Национальном историческом архиве Беларуси хранится более 100 фондов, содержащих в своем составе картографические документы: планы, карты, атласы и чертежи. Это десятки тысяч единиц хранения, причем в некоторых делах насчитывается не один десяток планов или других видов картографических материалов. Информация о них как бы спрятана. Наиболее картографически насыщенным является архивный фонд "Коллекция топографических карт и планов городов, деревень, сел, имений Минской губернии". Это, так называемая, тематическая коллекция состоит из 3117 единиц хранения за 1797-1906 гг. Содержит планы городов: Бобруйска, Минска, Несвижа, Игумена; планы и карты деревень, фольварков, лесных дач, сенокосных участков, рек, мостов, дорог, церквей.

Картографические документы широко использовались в управленческой деятельности как наглядная и точная форма учета земель по владениям, планировке и строительству. Они отложились в фондах центральных и местных учреждений наряду с текстовой, графической и другой документацией. Например: в фондах "Канцелярия Витебского гражданского губернатора", "Канцелярия Минского гражданского губернатора", "Белорусское губернское правление", Витебском, Минском и Могилевском губернских правлениях содержатся планы городов: Витебска, Городка, Динабурга, Люцина, Полоцка, Себежа и др., карты почтовых трактов, планы и сметы на строительство народных училищ, лесных и ремесленных школ, цирка в г. Слуцке (1900), г. Бобруйске (1908), здания для театра в г. Пинске (1910), костелов, церквей и монастырей; дела о строительстве фабрик, заводов, мельниц, мостов, шоссе-ных дорог, ж.-д. станций в г. Пинске, о составлении планов городов: Бобруйска, Логишина, Лунина, Мозыря, Несвижа, Новогрудка, Речицы, Слуцка, Смолевич и др. Фонд "Минское губерни-

ское присутствие” содержит географические описания и планы земельных участков и урочищ.

Особо выделяются фонды, содержащие межевые картографические документы. Они отложились в фондах губернских чертежных: Витебской, Минской и Могилевской. Это – планы деревень, фольварков, земельных участков, частных и казенных имений, дорог, мостов. Аналогичные документы отложились в фондах губернских правлений, которые утверждали все документы, готовившиеся в губернских чертежных. Межевые документы присутствуют и в фондах организаций, использовавших межевые картографические документы: управлениях госимуществ губерний, губернских правлениях, губернских землеустроительных комиссиях, отделении Крестьянского поземельного банка, благочинных, Римско-католической консистории, личных фондах. Межевые документы обладали юридической силой земельной карты, поэтому столь широк диапазон фондообразователей.

Еще выделяется группа документов строительных и эксплуатационных учреждений, связанных с управлением, строительством и эксплуатацией дорог, водных путей сообщения. Это, прежде всего, фонды строительных отделений губернских правлений, губернских строительных и дорожных комиссий, губернских церковно-строительных присутствий, Лепельского отделения Виленского округа путей сообщения и фонды учреждений транспорта и связи. Они содержат планы на постройку и ремонт зданий, мостов через реки: Двину, Нерядь, Свислоч, мостовых в городах, планы городов: Невеля, Полоцка, Двинска и реконструкции Витебска, сметы и чертежи на производство работ по водным сооружениям, дела о строительстве моста через реку Днепр в Орше, планы отчуждаемых крестьянской земель под железную дорогу; планы дорог, мостов и гатей, имеющиеся и в фондах губернских чертежных.

Отделом фондов уже давно начата работа по усовершенствованию учета картографических документов. Фактически у нас, как и у других архивах, основными учетными единицами служат фонды и коллекции, а в их пределах — единицы хранения. Требования же учета современных картографических материалов сводятся к тому, что основной учетной единицей является каждый картографический документ (план, карта, атлас). Переход на поддокументную разработку в нашем архиве был начат составлением внутренней описи к делам № 2-9 фонда № 1 “Минская городская управа”, которая сейчас стоит в читальном зале архива. На сегодняшний

день составлены внутренние описи к одному делу фонда № 1477 “Коллекция топографических карт...” Составляются описи к делам фондов “Витебское губернское правление” и “Витебская городская управа”.

Надо сказать, что этот вид работы несет в себе определенные трудности и, прежде всего, по причине отсутствия у архивистов необходимой картографической подготовки. Много вопросов возникло по определению масштаба документа. Сведения о масштабе в документах приводятся в двух видах: в единицах измерения, использованных при составлении старой карты, и в метрической системе мер. Например: М.: в 1 дюйме 500 саженой (1:41929). Старые меры длины которыми пользовались в 18–19 вв. многообразны и достаточно известны: локоть, дюйм, верста, аршин и др. Но встречались и малоизвестные меры длины, например пренты литовские. Чтобы о них что-то узнать, приходилось обращаться к энциклопедической литературе. Еще большие трудности возникают, когда на графическом масштабе, вычерченном в виде градуированной линейки, нет указания, в каких мерах длины он составлен, или указана только одна мера длины. Тогда приходится анализировать ряд похожих по графическому масштабу картографических документов, чтобы предположить с достаточной долей вероятности, что же имел автор в виду. Еще бывает трудно измерить карту по причине ее большого размера. Например, план г. Бобруйска составляет 224,7 x 125 см., а свободного пространства в кабинете не хватает, чтобы ее разложить. Но в целом работа проводится нормально и наши сотрудники с ней успешно справляются.

Работа по учету картографических материалов сегодня необходима для организации эффективного использования архивных картографических документов. Ведь они содержат уникальную информацию о динамике социально-экономических и природных систем. Эта информация сегодня нужна не только историкам, реставраторам, строителям, но и географам, геологам и другим специалистам. И потребность в этой информации будет возрастать, и к этому мы готовимся уже сегодня.

Переезд НИАБ в новое здание: год за годом (1996–1998)

Из старожилов, работающих в настоящее время в архиве, о переезде ЦГИА БССР в 1963 г. из Могилева в Минск может рассказать только бывшая сотрудница архива Т.Е. Леонтьева.

О переезде Национального исторического архива Беларуси из здания по ул. Козлова, 26 в новое здание архива по ул. Кропоткина, 55, начатом в 1996 г., расскажет каждый работающий: руководители, научные сотрудники, архивисты, технические работники. Этот переезд в настоящее время стал делом всего коллектива (Приложение 1).

Первый этап перемещения документов, осуществленный с конца мая до середины июля 1996 г., проходил в сложных условиях. Не было помощников и архивисты, загрузив машину, добирались общественным транспортом до ул. Кропоткина и разгружали дела (Приложение 2).

Но и с помощниками (поначалу это были солдаты срочной службы, затем курсанты Академии МВД Республики Беларусь, Института национальной безопасности Республики Беларусь, студенты Минского архитектурно-строительного техникума) не всегда было легко: у них свое расписание, занятия, учения.

По мере освобождения рабочих кабинетов сотрудниками Национального архива Республики Беларусь и перемещения их в здание по ул. Кирова, 43 осуществлялся и ремонт служебных помещений, переезд сотрудников. Первыми переехали сотрудники отдела информационно-поисковых систем. Осенние погрузки 1996 г. начались с каталога, затем перевезли описи дел, библиотеку читального зала, хранилища № 3, 5 (Приложение 3). Перед перевозкой научно-справочного аппарата и книг была проведена большая подготовительная работа: ящики с картотекой были обернуты в бумагу и перевязаны шпагатом, книги упакованы в архивные коробки. Каталог, библиотека — это второе после хранилищ “святылище” архива, и нужно сказать, что сохранность их при переезде была обеспечена. Учитывая потребность исследователей в

документах архива, досрочно, 25 декабря 1996 г., был открыт читальный зал (Приложение 4).

Для сотрудников архива на всех этапах переезда важно было видеть внимание к переносимым ими трудностям. Работа шла веселее, если рядом были молодые сильные помощники, если отзывались на просьбу о помощи соседи — сотрудники БелНИИДАД, Центральной лаборатории микрофильмирования и реставрации документов, Госкомархива, а также исследователи, работавшие в читальном зале (Приложение 5).

Всем, кто принимал участие в перевозке документов, большая благодарность.

Максимально, как только можно было, руководство старалось обеспечивать отдых людей. И, конечно, понятно, что благодаря бескорыстию архивистов, их ответственности за судьбу архива стало возможным перемещение пятого, третьего, затем первого, части второго и четвертого хранилищ в течение 1996 — 1-го полугодия 1998 г.*

На следующий день после перевозки документов следовала расстановка их в хранилище. На этом этапе помощников со стороны не было — слишком скрупулезна работа по подбору и размещению дел. Здесь надо отдать должное сотрудникам отдела обеспечения сохранности документов и фондов: все документы дважды прошли через их женские натруженные руки.

Глядя на женщин, с отдачей работали и мужчины архива. Снять документы со стеллажей, подать или снять с машины, согнувшись уложить дела в крытом кузове, погрузить и выгрузить дела из лифта — это была мужская работа.

Весною 1998 г., когда стало ясно, что архив должен справляться только своими силами, своевременное решение для облегчения погрузки документов на ул. Козлова было принято службой главного инженера. Под руководством Н.П. Демченко из досок был изготовлен лоток, обит картоном для облегчения скольжения. Дела по лотку “поехали” из окна второго этажа напрямую в кузов машины, минуя 3 лестничных пролета, экономя на погрузке 6—8 человек.

---

* Здесь следует дать небольшое пояснение. Дела архива нетрадиционны — некоторые древние актовые книги, например, насчитывают по 2 тыс. листов и более. Это тяжелые нестандартные дела, формат и вес которых намного превышают современные. Есть в архиве дела — папки с картографическими материалами — унести которые могут только два человека.

Летопись переезда НИАБ можно продолжить рассказом о перевозке ценных дореволюционных изданий из научно-справочной библиотеки архива, о том, как люди работали и в жару, и в 27-градусный мороз, под дождем и на сквозняках. Но это — отдельные темы будущих публикаций.

Приложение 1

Обращение директора НИАБ А.К.Голубович и директора НАРБ В.Д. Селеменова от 09.01.1996 г. председателю Белкомархива о возможности улучшения условий хранения документов и условий работы коллективов

“Реорганизация Национального архива Республики Беларусь и создание на базе документов XIV–XIX вв. Национального исторического архива Беларуси вновь поставили перед нами вопрос улучшения условий хранения документов и работы сотрудников архива. На наш взгляд, этот вопрос можно решить путем перемещения НИАБ в здание бывшего Белорусского государственного архива по ул. Кропоткина, 55.

Площадь здания архива на Кропоткина, 55 составляет 17488 м³ и позволяет разместить в нем документы исторического архива. Площадь здания архива на Козлова, 26 – 15341 м³, где разместятся Центральная лаборатория микрофильмирования и реставрации документов, Минский госархив.

В свою очередь помещение бывшего архива ЦК КПБ по Кирова, 43 позволяет полностью разместить в нем Национальный архив Республики Беларусь при условии переезда лаборатории и документов бывшего Минского обкома КПБ в здание на Козлова, 26. Размещение НАРБ на Кирова, 43 в одном здании позволит улучшить условия работы коллектива архива”.

Приложение 2

Информация директора НИАБ А.К. Голубович от 09.09.1996 г. председателю Белкомархива о начале перемещения документов НИАБ с ул. Козлова, 26 в здание по ул. Кропоткина, 55

“На Ваше письмо от 28.08.1996 г. № 4-1/434 сообщаем, что согласно решению коллегии комитета от 14.03.1996 г. и приказу председателя комитета А.Н. Михальченко от 22.03.1996 г. Национальный исторический архив Беларуси 28 мая 1996 г. приступил к переезду в здание по ул. Кропоткина, 55.

Перевезены документы одного хранилища из пяти”.

Приложение 3

**Информация директора НИАБ А.К. Голубович от 18.10.1996 г.
председателю Белкомархива о ходе перемещения документов**

“Национальный исторический архив Беларуси продолжил переезд 8 октября 1996 г. Начали вывозить документы (древние акты) из архивохранилища № 3.

В связи с тем что в здании по ул. Кропоткина, 55 освобождено только половина хранилища, перевоз древних актов может быть прекращен из-за отсутствия площадей. Мы не можем перевозить документы хаотично, часть из одного хранилища, часть из другого, т.к. это целые комплексы документов. Ввиду этого необходимо, чтобы хранилища на 4-м и 5-м этаже по ул. Кропоткина, 55 были освобождены полностью. Это необходимо, чтобы мы смогли разместить материалы 3 наших хранилищ согласно комплексам документов (Витебская, Минская губернии и древние акты). Перевоз документов 2 хранилищ, при условии свободных площадей, планируем к 01.01.1997 г.

В отношении переезда сотрудников, то мы приступили к переезду. К 10 ноября с.г. планируем завершить переезд сотрудников полностью”.

Приложение 4

**Выступление зав.отделом обеспечения сохранности документов и фондов
НИАБ А.А. Станкевич на собрании коллектива архива 05.02.1997 г.**

“Главной проблемой для отдела стал переезд архива на Кропоткина. Была проведена большая подготовительная работа по подготовке к переезду. Перевозить начали документы бывших Витебской и Могилевской губерний, которые находились в худших условиях, из хранилища, наиболее заполненного: 686 фондов, 262 547 дел. Сотрудники отдела и сотрудники всех остальных отделов работали очень добросовестно. Действительно, перемещение документов стало делом всего архива.

Документы бывшего 5-го хранилища на Кропоткина не вошли. 5 стеллажей были складированы. Свободных стеллажных площадей на Кропоткина на момент перемещения следующего хранилища не оказалось. В начале октября начали вывозить документы 3-го хранилища, где хранились древние актовые книги, фамильные фонды, фонды учебных заведений и учреждений религиозного культа. Это хранилище оказалось очень сложным как для перемещения, так и для последующей расстановки докумен-

тов. Документы не форматные, объемные, много связок. Всего 950 фондов, 150 726 дел.

Проблема оказалась еще и в том, что хранилище на Кропоткина, куда мы начали вывозить свои документы, не планировалось Национальным архивом сразу освобождать. Мы стали перед сложной проблемой: или разделить сложившийся комплекс документов, или попытаться трем архивам — областному, национальному и нашему историческому договориться. И благодаря помощи Ю.А. Капицы, а также тому, что с большим пониманием к нашему положению отнесся Селеменов В.Д., выход был найден. Началось постепенное освобождение хранилищ: стеллаж за стеллажом, которое требовало постоянного контроля и взаимодействия 3 архивов. Перевоз этого хранилища, на мой взгляд, показал взаимопонимание и взаимовыручку архивистов. Документы бывшего 3-го хранилища полностью вошли в хранилище № 3 на Кропоткина. К концу перемещения нашего второго хранилища по нашей просьбе Селеменов В.Д. освободил нам 5 стеллажей и карман на 8-м этаже, куда и были подняты ранее складированные документы.

Сейчас нам надо перевезти микрофотокопии и ревизские сказки (оп.9, ф.333). Проводим составление постеллажных и пофондовых указателей. Идет подготовка дел к реставрации и микрофотокопированию. Обеспечивается выдача дел сотрудникам и исследователям в читальный зал.”

Приложение 5

**Письмо директора НИАБ А.К. Голубович от 13.06.1997 г.
начальнику Академии МВД Республики Беларусь
генерал-лейтенанту внутренней службы В.А.Данько**

“Руководство Национального исторического архива Беларуси выражает благодарность Вам лично, работникам и курсантам академии за ту огромную помощь, которая была оказана коллективу архива.

Благодаря Вашему участию мы смогли переместить большую часть документов, связанных с древнейшей историей Республики Беларусь. Тем самым с Вашей стороны были проявлены чуткость и внимание к коллективу архива, основной контингент которого составляют женщины.

Просим Вас, Владимир Антонович, поблагодарить Ваших сотрудников и надеемся на дальнейшее сотрудничество в будущем. Всегда готовы оказать содействие в проведении экскурсий для слушателей и курсантов в Национальном историческом архиве Беларуси”.

СПАСЫЛКІ

С.Ф. Адамовіч

Свято-Михайловская церковь в Зембине: история строительства и существования

1. Семенов В.П. Россия. Полное географическое описание. Т. 1X. Спб, 1905. С.408.
2. Жучкевич В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Мн., 1974. С. 140.
3. Słownik geograficzny... S.67.
4. А.И. Миловидов. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве. Вильно, 1913. С.11.
5. Там же. С.21
6. Там же. С.17
7. Описание церквей и приходов Минской епархии. Мн., 1879. С.261.
8. НАРБ, ф.116, оп.1, д.44 и др.
9. НАРБ, ф.43, оп.4, д.4, л.1—10.
10. Описание церквей и приходов... С.261.
11. НАРБ, ф.116, оп.1, д.51, л.1.
12. НАРБ, ф.299, оп.5, д.1591, л.6.
13. РГИА, ф.835, оп.1, д.340.
14. Там же.
15. НАРБ, ф.116, оп.1, д.15, л.60об.
16. Там же, д.55, л.1.
17. Там же, оп.17, д.17, л.43об., 49об.
18. Там же, оп.1, д.57.
19. Там же, ед.хр.17, л.69об.
20. Там же, л.79об.
21. Там же, ф.116, оп.1, д.59, л.1об.
22. РГИА, ф.799, оп.33, д.823, л.108.
23. Там же, л.109.
24. НАРБ, ф.116, оп.1, д.60.
25. Там же, ед.хр.18, л.57об., 77.
26. НАРБ, ф.2786, оп.1, д.251, л.27.

И.Л. Вернер

Добрый и чистый талант

1. НИАБ, ф. 3410, оп.1, д.2, л.418об.—419.

2. НИАБ, ф.2099, оп.1, д.354, л.96—97.
3. Там же, л. 94-95.
4. Паустовский К. Собр.соч. Т.5. М., 1958. С.580.

У.М.Дзянісаў
Сядзіба Манюшкі

1. Фукс М. Манюшка на Беларусі // Польша. 1967. № 6; Мальдзіс А. Падарожжа ў XIX ст. Мн., 1969. С.110—125.
2. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. W-wa, 1892. T.11. S.732.
3. Ibid. S.732.
4. Ibid. S.732.
5. Aftanazi R. Materiały do dziejów rezydencji. W-wa, 1986. T.1A. S.303.
6. Aftanazi R., op. cit., s.303.
7. Тамсама.
8. Чантурья В.А. Гісторыя архітэктуры Беларусі. Мн., 1985; Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мн., 1987. Кн.2.
9. Кулагин А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей в Белоруссии. Мн., 1981. С.35—37.
10. Федорук А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии. Мн., 1989. С.165.
11. Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Т.5. Мн., 1987. С.342; Архітэктура Беларусі: Энцикл. давед. Мн., 1993. С.471.
12. Архітэктура Беларусі, С.471.
13. Tygodnik ilustrowany. W-wa, 1872, nr.234.
14. Album Widokow Historycznych Polski poświęcony Polakom zysowany z natury przez Napoleona Orde... W-wa, 1873, ser.1.
15. Katalog rysunków architektonicznych ze zbiorów MN w Krakowie. T.1: Rysunki N.Ordy. W-wa, 1975. S.193. II.151.
16. Tygodnik ilustrowanu, 1896, nr.19.
17. Ziemia, 1910, s.52; Фрагмент гэтага фотаздымка змясціў у сваёй працы Р.Афтаназі. Гл.: Aftanazi R., op. cit., t.IB, s.166.
18. Niewiadomski St. Stanisław Moniuszko. Krakow, 1928. S.6—7; Станіслаў Монюшко. М., 1952. С.48-49.
19. Бравер Л. Продкі і сваякі Манюшкі // Маладосць. 1967. № 9. С.154—155.
20. Тамсама.
21. Walicki A. Stanisław Moniuszko. W-wa, 1873. S.1—19.
22. Ibid. S.26.
23. Rudziński W. Stanisław Moniuszko. Cz.1. Krakow, 1955. S.20.
24. Walicki A., op. cit., s.27.

25. Ibid. S.27—28.
26. Rudzinski W., op. cit., s.28.
27. Prosnak Jan. Stanislaw Moniuszko. Kraków, 1968.S. 16.
28. Biblioteka, Muzeum i Archiwum Warszawskiego Towarzystwa Muzycznego im. St. Moniuszko: Albumy i pamiętniki Cz.Moniuszki.
29. WTM, sygn.1320/M, K.9-109 w; sygn.1319/m, K.8, 42 w; sygn. 358, k.26, 56, 65 w — 66.
30. WTM, sygn. 376/M.
31. WTM, sygn. # 376/M, k.16w—17, 22w.
32. Rudzinski W., op. cit., s.444.
33. НГАБ, ф.146, воп.1, спр.261, арк.1—1адв.
34. Список *дворян* владеющих в Игуменском уезде Минской губернии обложенною земским *убором* землею в количестве не менее 200 десятин // Прибавление к № 45 “Минских губернских ведомостей” от 15 июня 1911 г. С.5; НАРБ, ф.160, воп.1, спр.824, арк.1.
35. WTM, sygn. 358/M.

Р.С. Жаўняркевіч
Радавод Хаіма Суціна

1. Артыкул напісаны пры ўдзеле галоўнага архівіста НГАБ І.Л. Вернер.
2. Літаратура і мастацтва. 1994. 4 сак.
3. Наша Ніва. 1997. 30 чэрв.
4. Беларусь. Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1995. С.694.
5. НГАБ, ф.1, воп.2, спр.34, ч.6 (спісы выбаршчыкаў у Дзяржаўную думу па Ігуменскаму пав., літ. “С”).
6. Там жа, ф.330, воп.1, спр.32, арк.103.
7. Еврейская энциклопедия. СПб. Т.XIV. С.399.
8. НГАБ, ф.1727, воп.1, спр.16, арк.489 - 490ад.; ф.1769, воп.1, спр.27, арк.289 - 291ад.
9. НГАБ, ф.299, воп.5, спр.1054.
10. НГАБ, ф.485, воп.1, спр.244, арк.17, 27 - 28ад.
11. Прыватны настаўнік пачатковай габрэўскай адукацыі.
12. НГАБ, ф.485, воп.1, спр.10, арк.36ад. - 38ад.
13. Tuchman, Maurice. Chaim Soutin. Munster, 1981 - 1982; Tubingen; 1982; London, 1982; Luzem, 1982.
14. Dunow, Esti. Chaim Soutin (1893-1943). A dissertation in the Department of Fine Arts submitted to the Graduate School of Arts and Sciences in partial of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy at New York University. June, 1981.
15. НГАБ, ф.1228, воп.1, спр.1, арк.8.
16. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. М., 1997. Т.4. С.262.

17. Шыбека З.В., Шыбека С.Ф. Мінск. Старонкі жыцця дарэвалюцыйнага горада. Мн., 1994. С.169 – 173.

18. НГАБ, ф.22, воп.1, спр.1053.

Л.М. Лисова

“В списках не значится ...”

1. НИАБ, ф.1430, оп.3, д.3.

2. Там же, л.3—5.

3. Там же, ф.2717, оп.1, д.4.

4. Там же, л.42.

5. Там же, л.70—70об.

6. Там же, л.13.

7. Там же, л.82—82об.

Т.И. Седляревич

**Из истории Минской женской гимназии
Министерства народного просвещения
(по материалам НИАБ)**

1. НИАБ, ф. 468, оп.1, д.1, л. 11об.—12.

2. Там же, л.28.

3. Там же, л.64.

4. Там же, д.2, л.41.

5. Там же, д.3, л.3 об.—4.

6. Там же, д.2, л.52.

Зм.Л. Яцкевіч

Азаровічы — род магілёўскіх фундатараў і дабрадзеяў

НГАБ. ф.1817, воп.1, спр.2,3,4,21; ф.2308, воп.1, спр.317; АВАК. Т.39. Вильно, 1915; ПЮМ. Т.3. Витебск, 1903; ПЮМ. Т.32. Витебск, 1906; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т.2. Вильно, 1867; Т.5. 1871; ПСРЛ. Т.35. М.; Л., 1980.

Зм.Л. Яцкевіч

Збыты гісторык праваслаўнай царквы

НГАБ, ф.2100, воп.1, спр.11; ф.23, воп.1, спр.1348; ф.2952, воп.1, спр.18,19.

В.В. Губина

**Стили в культовой архитектуре Беларуси XIX в. как отражение
конфессиональной политики Российского государства**

1. Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 513.
2. Андреев А.Л. Мир искусства и мир политики. М., 1990. С. 5.
3. Пятросава А.Ю. Архітэктура "готыкі" ў Беларусі (другая палавіна XVIII – пачатак XX ст.) // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 1988. № 3. С. 86.
4. Габрусь Т.В. Залатое кольца сталіцы. Архітэктура Міншчыны: Слуцк, культавыя збудаванні, палацава-паркавыя комплексы // Роднае слова. 1995. № 7. С. 133.
5. Архітэктура Беларусі: Энцыкл. давед. / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: А.А.Воінаў і інш. Мн., 1993. С. 223.
6. Пятросава А.Ю. Архітэктура "готыкі" ў Беларусі (другая палавіна XVIII – пачатак XX ст.) // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 1988. № 3. С. 86.
7. Воспоминания о древнем православии Западной Руси. М., 1867. С.37.
8. Мартос А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Мн., 1990. С. 244.
9. Габрусь Т.В. Пад эгідай мудрасці: Архітэктурная спадчына Віцебшчыны: Полацк, Віцебск // Роднае слова. 1995. № 10. С. 136.
10. Там жа. С. 126.
11. Габрусь Т.В. Краса і смутак. Архітэктура Беларускага Палесся // Роднае слова. 1994. № 9. С. 49—50.
12. Мартос А. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Мн., 1990. С. 218.
13. Габрусь Т.В. Пад эгідай мудрасці: Архітэктурная спадчына Віцебшчыны: Полацк, Віцебск // Роднае слова. 1995. № 10. С. 126.
14. НИАБ, ф. 136, оп. 1, д. 14027.

Зм.Л.Яцкевіч

Лазавіцкая рэзідэнцыя езуітаў

НГАБ, ф.1781, воп.25, спр.33, 149; воп.26, спр.1387, 1454, 1465, 1485, воп.28, спр.15, 216.

Г. М. Брэгер
Разрабаванне маёнтка Ілля ў 1831 годзе

1. Polski Słownik Biograficzny (PSB), t.30/1, Kraków etc., 1987. S.130 – 131.
2. НГАБ, ф.295, воп.1, спр.330.
3. Там жа, а.8 – 9.
4. Там жа, а.10 – 15.
5. Там жа, а.4 – 6 адв.
6. Там жа, а.2 – 3.
7. Там жа, ф.296, воп.1, спр.13, а.142адв.; воп.2, спр.13, а.166 – 166адв.
8. Там жа, ф.295, воп.1, спр.330, а.1.
9. Там жа, а.19 – 19адв., 20 – 21адв.
10. Там жа, а.16, 17, 19 – 19адв. і наступныя.
11. Там жа, а.62 – 62адв., 49 – 49адв.
12. Там жа, а.51 – 52адв.
13. Там жа, а.50.
14. PSB, t.30/1, s.130 – 131.
15. НГАБ, ф.295, воп.1, спр.330, а.53 – 55адв.
16. Там жа, а.57.
17. PSB, t.30/1, s.130 – 131.
18. НГАБ, ф.295, воп.1, спр.330, а.15.

А.І. Грывянёў
Лісты да архіепіскапа

1. НГАБ, ф.124, воп.1, спр.172.
2. Энциклопедия гісторыі Беларусі. Мн., 1997. Т.4. С.159.
3. Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1960. Т.2. С.721.
4. Там жа. С.722.
5. Там жа.
6. НГАБ, ф.124, воп.1, спр.172.
7. Там жа, а.1.
8. Там жа.
9. Там жа, а.2адв.
10. Там жа, а.39.
11. Там жа, а.52.
12. Там жа, а.22, 48.
13. Там жа, а.1, 21, 48.
14. Там жа, а.37.

А.А. Лашкевіч

Згадкі аб Стахору Мітковічу ў актавых кнігах Магілёва

1. НГАБ, ф. 1817, воп. 1, спр. 3, а. 182–182 адв.
2. Там жа, а. 214 адв.–215 адв.
3. Там жа, спр. 4, а. 335 адв.–336.
4. Там жа, а. 419 адв.–420. Дакумент прыведзены ў дадатку да артыкула. Ягоная мова – старабеларуская, адаптаваная публікатарам да сучаснага правапісу. Знакі прыпынку расстаўлены ў адпаведнасці з цяперашнімі нормаў беларускай пунктуацыі.

А.Е. Рыбаков

**Нормативная документация в Великом княжестве Литовском в XVI в.:
состав и анализ**

1. Юхо Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі (далее – Кароткі нарыс). Мн., 1992. С.140; Ясинский М. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства (далее – Уставные земские грамоты). Киев, 1888. С.16.
2. Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1915. С.79.
3. Белоруссия в эпоху феодализма. Т.1. Мн., 1959. С.101—102.
4. Там же. С.119—121.
5. Там же. С.124—127; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией (далее – АЗР). Т.11. СПб., 1848. С.73—77.
6. Ясинский М. Уставные земские грамоты. С.20.
7. Якубовский И.В. Земские привилегии Великого княжества Литовского // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1903. №4. С.239—278.
8. Там же.
9. Ясинский М. Уставные земские грамоты. С.3, 47—48.
10. Якубовский И.В. Земские привилегии // ЖМНП. 1903. № 6. С.245—303.
11. Ясинский М. Уставные земские грамоты. С.47.
12. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). КМФ—18. Оп.1. Д.65. Л.53 об.—55 об.
13. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою археологическою комиссией (далее – РИБ). Т.XXX. Юрьев, 1914. Стлб.513.
14. Юхо Я.А. Кароткі нарыс. С.164.

15. РИБ. Т. XXX. Стлб. 231.
16. Статут ВКЛ 1529 г. Мн., 1960. С. 4—8; Юхо Я. А. Кароткі нарыс. С. 164.
17. РИБ. Т. XXX. Стлб. 466—468.
18. Там же. Стлб. 318.
19. Там же. Стлб. 396—402.
20. Там же. Стлб. 164, 224.
21. Там же. Стлб. 356.
22. *Volumina legum*. Т. 2. Peterburg. S. 474, 475.
23. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Т. 1 (далее — Великое княжество Литовское). СПб., 1901. С. 169.
24. РИБ. Т. XXX. Стлб. 402—436.
25. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское... С. 535.
26. РИБ. Т. XXX. Стлб. 407, 419.
27. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 529. Л. 145—148, 168об.—171.
28. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское... С. 78, 630.
29. Горбачевский Н. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского. Вильня, 1874. С. 297.
30. РИБ. Т. XXX. Стлб. 503.
31. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское... С. 58—59.
32. РИБ. Т. XXX. Стлб. 186—188.
33. Там же. Стлб. 229.
34. АЗР. Т. 11. № 17.
35. РИБ. Т. XXX. Стлб. 853—855.
36. Там же. Стлб. 635, 636.
37. Там же. Стлб. 531—538.
38. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 65. Л. 138; РИБ. Т. XXX. Стлб. 841—848.
39. *Volumina legum*. Т. II. Spt, 1839. S. 102—106, 126—130, 176—181 и др.
40. РИБ. Т. XXX. Стлб. 635—637, 639, 640, 817—823, 830—835.
41. Там же. Стлб. 640.
42. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 65. Л. 236—238, 242об.—244.
43. Лаппо И. И. Великое княжество Литовское... С. 141.
44. Там же. С. 326, 546.
45. Ясинский М. Уставные земские грамоты. С. 8.
46. АЗР. Т. 11. № 12.
47. Там же. № 25.
48. РИБ. Т. XX. Петербург, 1903. Стлб. 94.
49. РИБ. Т. XXX. Стлб. 152—153.
50. Там же. Стлб. 155.
51. Там же. Стлб. 155—156, 336—337, 369—370, 742.
52. Там же. Стлб. 212, 329.
53. Там же. Стлб. 187—188.

54. РИБ. Т. XX. Стлб. 616—617; АЗР. Т. 11. № 50.
55. Там же. Стлб. 619
56. РИБ. Т. XXX. Стлб. 542—585.
57. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 63. Л. 205; РИБ. Т. XXX. Стлб. 398.
58. РИБ. Т. XXX. Стлб. 592—599.
59. Там же. Стлб. 622—628.
60. АЗР. Т. 11 № 159.
61. АЗР. Т. 11 № 149; РИБ. Т. XXX. Стлб. 67—76.
62. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 65. Л. 7—7об., 235—235а.
63. РИБ. Т. XXX. Стлб. 370—371.
64. Беларускі архіў. Т. 2. Мн., 1928. С. 47—49. № 72.
65. Там же. С. 251. № 352.
66. РИБ. Т. XXX. Стлб. 397—400.
67. Там же. Стлб. 585—590.
68. Там же. Стлб. 599.
69. Там же. Стлб. 600—622.
70. РИБ. Т. XX. Стлб. 1144—1145, 1177—1178; РИБ. Т. XXX. Стлб. 786—
788.
71. РИБ. Т. XXX. Стлб. 110—111, 188, 430.
72. НИАБ. КМФ—19. Оп. 1. Д. 65. Л. 235—235а.
73. РИБ. Т. XXX. Стлб. 590—592.
74. Там же. Стлб. 622.
75. АЗР. Т. 11. № 87.
76. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 63. Л. 67.
77. Там же. Л. 271; РИБ. Т. XXX. Стлб. 274.
78. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 63. Л. 271.
79. Там же. Д. 65. Л. 287об.—288об., 289об.—290об.
80. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 63. Л. 271об.
81. РИБ. Т. XXX. Стлб. 283.
82. Там же. Стлб. 878—882.
83. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 65. Л. 200об.
84. РИБ. Т. XXX. Стлб. 44—45.
85. Там же. Стлб. 747.
86. НИАБ. КМФ—10. Оп. 1. Д. 65. Л. 246об., 274об.
87. Там же. Л. 245—246об.
88. РИБ. Т. XXX. Стлб. 801—810.
89. Беларускі архіў. Т. 2. С. 87. № 120.
90. НИАБ. КМФ—18. Оп. 1. Д. 65. Л. 200об.
91. РИБ. Т. XXX. Стлб. 878—882.

Лінгвістычныя праблемы падрыхтоўкі выдання ўнутраных вопісаў
актаў Магілёўскага магістрата. Т.1

1. Зиндер Л.Р. Очерк общей истории письма. Л., 1987. С.23.
2. Погодина Н. Практический курс шведского языка. М., 1979. С.17—18.
3. Требник. Вильно (1617—1618).
4. Итигина Л.А. Белорусские старопечатные предисловия XVI – первой половины XVII в. (просветительские тенденции). Русская старопечатная литература XVI – первой четверти XVIII в. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С.34—35.
5. Подокшин С.А. Скорина (мыслители прошлого). М., 1981. С.76.
6. Свежинский В.М. Факторы формирования языка скорининских изданий. Франциск Скорина – белорусский гуманист, просветитель, первопечатник. Мн., 1989. С.100.
7. Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980. С.58.
8. Булыка А.М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. Мн., 1970. С.68—97.
9. Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т.1. Мн., 1967. С.361.
10. Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом. З., 1968. С.350.
11. Свяжынскі У. Цюркскія і арабскія мовы ў моўнай сітуацыі Вялікага княства Літоўскага. Ісламская культура татар-мусульман Беларусі, Літвы і Польшчы і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі. Ч.1. Мн., 1996. С.118—119.
12. Тиванова Г.К. Особенности языка белорусской письменности XVIII века. Автореф. канд. дис. Мн., 1989. С.11.
13. Жураўскі А.І., Крамко І.І. Важнейшыя адрозненні паміж новай і старой беларускай літаратурнай мовай. Беларускае і славянскае мовазнаўства. Мн., 1972. С.132—147; Жураўскі А.І. Праблема пераемнасці ў гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Тыпалогія і ўзаемадзеянне славянскіх моў і літаратур. Мн., 1973. С.108—110.
14. Булыка А.М. Развіццё арфаграфічнай сістэмы старабеларускай мовы. С.80.
15. Словарь русского языка XI—XVII вв. Т.4. М., 1977. С.239.
16. Там жа.
17. Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т.3. Мн., 1996. С.227.
18. Зиндер Л.Р., Строев Т.В. Историческая фонетика немецкого языка. М.; Л., 1965. С.23—39.

19. Лемцюгова В.П. Антрапаніміка // Беларуская мова: Энциклапедыя. Мн., 1994. С.37—39.

20. Зинкявичюс Зигмас. Восточная Литва в прошлом и настоящем. Вильнюс, 1996. С.106.

У.В.Фядосаў

Аб тэарэтычнай і практычнай значнасці архіўных дакументаў

Закон Рэспублікі Беларусь “Аб Нацыянальным архіўным фондзе і архівах у Рэспубліцы Беларусь” ад 6 кастрычніка 1994 г./Звязда, 1994, 25 кастрычніка.

Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и тезисы выступлений на третьей Всероссийской конференции 25—26 февраля 1999 г. М., 1999.

Андрей Грачев, Владимир Ломейко. Встреча цивилизаций: Конфликт или диалог? Размышления в связи с Тбилиским Международным форумом “За солидарность против нетерпимости, за диалог культур” / Тбилиси, Грузия 13—15 июля 1995 г./ ЮНЕСКО. 1996.

Безопасность архивов и архивных фондов: Доклады и сообщения на Всероссийской научно-практической конференции 30 ноября—1 декабря 1999 г. М., 2000.

Гуманитаризация науки и образования в переходный период. Мн., 2000.

Ларин М.В. Управление документацией в организациях: проблемы истории и методологии // Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2000.

Международная научная конференция “Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего” // Доклады и тезисы научных сообщений. М., 1997.

Наука и образование на пороге III тысячелетия: Тезисы докладов Международного конгресса (г. Минск, 3—6 октября 2000 г.). В 2-х кн. Мн., 2000.

Руководитель на рубеже XXI века. Тезисы докладов и выступлений к Международной научно-практической конференции. Сентябрь 1999 г. Часть I. Мн., 1999.

С.А.Рыбчонак

Класіфікацыя па генеалогіі. Прамыя і ўскосныя крыніцы

1. Елпатьевский А.В. О документальных источниках современных историко-биографических и генеалогических исследований // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 72—88.

2. Савелов Л.М. Лекции по генеалогии. М., 1994. С. 33–38.
3. Нарбут А. Генеалогия Белоруссии. Вып. 1. М., 1995. С. 46.
4. Беларускія летапісы і хронікі. Мн., 1997. С. 71–74.
5. Ермаловіч М. Старажытная Беларусь. Полацкі і Новагародскі перыяды. Мн., 1990. С. 313–314.
6. Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886. С. 25.
7. Czerniawska T., Jaroszewicz A. Rzymsko-katolicki cmentarz Kalwaryjski w Minsku na Białorusi. Warszawa, 1996. S. 273.
8. Вишницер М. Эпитафии, или надгробные надписи// Еврейская энциклопедия. Т. 16. М., 1991. С. 278–282.
9. Сайтов В.И., Модзалевский Б.Л. Московский некрополь. Т. 1–3. М., 1907–1908; Его же. Петербургский некрополь. Т. 1–4. СПб., 1913–1914; НГАБ, ф. 1781, воп. 5, спр. 339. Дело о надгробных памятниках. 1910 г.
10. Аксенов А.И. Очерк истории генеалогии в России// История и генеалогия. М., 1977. С. 76.
11. Медушевская О.М. Генеалогические исследования польских историков// История и генеалогия. С.271.
12. Нарбут А.Н. Генеалогическая традиция как средство передачи межпоколенной исторической информации// Наш Радавод. Кн. 7. Гродна, 1996. С. 130.
13. Савелов Л.М. Лекции по генеалогии. С. 134—137.
14. Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т.12. С. 523.

НАШЫ АЎТАРЫ

Адамовіч Святлана Філіпаўна — загадчык сектара гісторыі арэндынага прадпрыемства “Беларускі рэстаўрацыйна-праектны інстытут”

Барсукова Наталія Аляксандраўна — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела старажытных актаў НГАБ

Бобер Ірына Міронаўна — старшы навуковы супрацоўнік аддзела старажытных актаў НГАБ

Брэгер Герман Максімавіч — галоўны архівіст аддзела старажытных актаў НГАБ

Вернер Ірына Львоўна — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў НГАБ

Галубовіч Ала Купрыянаўна — дырэктар НГАБ

Грывянёў Аляксандр Леанідавіч — старшы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм НГАБ

Губіна Вікторыя Уладзіміраўна — старшы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў НГАБ

Дзянісаў Уладзімір Мікалаевіч — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў НГАБ

Жаўняркевіч Рыгор Сцяпанавіч — спецыяліст II катэгорыі аддзела геральдыкі і генеалогіі Дзяржакархіва Рэспублікі Беларусь

Калеснік Наталія Яўгенаўна — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела публікацыі дакументаў НАРБ

Лашкевіч Аляксандр Аляксандравіч — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела старажытных актаў НГАБ

Леўчык Наталія Мікалаеўна — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм НГАБ

Лісавя Ларыса Міхайлаўна — намеснік дырэктара НГАБ

Міхяёнак Таццяна Сяргееўна — загадчык аддзела аўтаматызаваных архіўных тэхналогій НГАБ

Рыбакоў Андрэй Яўгенавіч — начальнік аддзела арганізацыйнай работы і міжнародных сувязей Дзяржакархіва Рэспублікі Беларусь

Рыбчонак Сяргей Аляксандравіч — загадчык аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў НГАБ

Свяжынскі Уладзімір Мітрафанавіч — старшы навуковы супрацоўнік аддзела спецыяльных гістарычных навук Інстытута гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Седлярэвіч Таццяна Іосіфаўна — вядучы спецыяліст аддзела забеспячэння захаванасці дакументаў і архіўнай тэхналогіі Дзяржкамархіва Рэспублікі Беларусь

Скалабан Віталь Уладзіміравіч — намеснік дырэктара Нацыянальнага навукова-асветніцкага цэнтра імя Ф.Скарыны

Станкевіч Ганна Анатолеўна — загадчык аддзела забеспячэння захаванасці дакументаў і фондаў НГАБ

Ульянава Марыя Мікалаеўна — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыйна-пошукавых сістэм НГАБ

Фядосаў Уладзімір Васільевіч — дырэктар Беларускага навукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўнай справы

Шпілеўская Ірына Мікалаеўна — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела інфармацыі, публікацыі і навуковага выкарыстання дакументаў НГАБ

Яцкевіч Зміцер Лявонцьевіч — вядучы навуковы супрацоўнік аддзела старажытных актаў НГАБ.

ЗМЕСТ

Уступ		3
Гісторыя		4
<i>А.К.Голубовіч</i>	Вехі пройдзенага пути	4
<i>С.Ф.Адамовіч</i>	Свято-Міхайловская царква ў Зямбіне: гісторыя будаўніцтва і існавання	15
<i>Г.М.Брэгер</i>	Выпадак на менскай мытні ў 1549 годзе	23
<i>І.Л.Вернер</i>	Добры і чысты талент	27
<i>У.М.Дзянісаў</i>	Сядзіба Манюшкі	28
<i>Р.С.Жаўняркевіч</i>	Радавод Хаіма Суціна	36
<i>Л.М.Лісова</i>	“В спісках не значыцца ...”	41
<i>Т.І.Сядлярэвіч</i>	Із гісторыі Мінскай жанскай гімназіі Міністэрства народнага просвішчэння <i>(па матэрыялах НІАБ)</i>	44
<i>Зм.Л.Яцкевіч</i>	Азаровічы – род магілёўскіх фундатараў і дабрадзеяў	46
<i>Зм.Л.Яцкевіч</i>	Забуты гісторык праваслаўнай царквы	51
<i>В.В.Губіна</i>	Сцілы ў культовай архітэктурэ Беларусі ХІХ в. як адражэнне канфесійнальнай палітыкі Расійскага дзяржавы	56
<i>Зм.Л.Яцкевіч</i>	Лазавіцкая рэзідэнцыя езуітаў	67
Публікацыі архіўных дакументаў		71
<i>Н.А.Барсукова</i>	Тэстамент капітана каралеўскіх драбантаў Юрыя Караля Шэлпах фон Штэтэнберга	71
<i>І.М.Бобер</i>	Ліст падкаморага гарадзенскага Грыгорыя Масальскага насельніцтву Гарадзенскага пав. аб правілах склікання коп і прызначэнні месцаў капавішчаў	72
<i>Г.М.Брэгер</i>	Разрабаванне маёнтка Ілля ў 1831 годзе	76
<i>А.Л.Грывянёў</i>	Лісты да архіепіскапа	84

<i>Р.С. Жаўняркевіч</i>	Дакументы аб выдачы замежных пашпартоў Якубу Атонавічу Наркевічу-Ёдку і ягонай дачцэ Алене	90
<i>А.А. Лашкевіч</i>	Згадкі аб Стахору Мітковічу ў актавых кнігах Магілёва	93
Крыніцазнаўства		97
<i>А.К. Голубовіч</i>	Источники по генеалогии Беларуси	97
<i>Н.Я. Калеснік, В.У. Скалабан</i>	Справа № 28 (Спроба апісання дакументаў фонду Беларускага нацыянальнага камісарыята)	100
<i>А.Е. Рыбаков</i>	Нормативная документация в Великом княжестве Литовском в XVI в.: состав и анализ	112
<i>У.М. Свяжынскі</i>	Лінгвістычныя праблемы падрыхтоўкі выдання ўнутраных вопісаў актаў Магілёўскага магістрата. Т.1	128
Архівазнаўства		138
<i>У.В. Фядосаў</i>	Аб тэарэтычнай і практычнай значнасці архіўных дакументаў.	138
<i>Н.Н. Левчык</i>	Усовершенствование и переработка описей церковных фондов в Национальном историческом архиве Беларуси	141
<i>Т.С. Михеенюк</i>	Отдел автоматизированных архивных технологий — реалии и перспективы	146
<i>С.А. Рыбчонак</i>	Класіфікацыя крыніц па генеалогіі. Прамыя і ўскосныя крыніцы	148
<i>А.А. Станкевіч</i>	О физическом состоянии документов Национального исторического архива Беларуси	158
<i>М.Н. Ульянова</i>	Каталог архива	162
<i>И.Н. Шпилевская</i>	Картографические материалы и практическая работа с ними в НИАБ	164

Інфармацыя і хроніка		167
<i>Л. М. Лисова</i>	Перезд НИАБ в новое здание: год за годом (1996—1998)	167
Спасылкі		172
Нашы аўтары		184

Навукова-папулярнае выданне

*Серыя: гісторыя, архівазнаўства,
крыніцазнаўства*

Выпуск 1

Архіварыус

Зборнік навукова-папулярных
паведамленняў і артыкулаў

Рэдактар А.І.Валахановіч

Мастак А.У.Леўчык

Мастацкі рэдактар А.У.Леўчык

Карэктар З.Я.Губашына

Камп'ютэрны набор: Н.Г.Бартасевіч, Т.С.Мурына

Камп'ютэрная вёрстка: А.А.Палякова, В.Л.Сідзельнікава

Здадзена ў набор 22.09.1998 г.

Падпісана да друку 25.01.2001 г.

Фармат 60x84 1/16. Друк афсетны.

Ул.-выд. арк.12,0. Ум.-друк. арк.12,4.

Тыраж 130 экз. Заказ 53

Падатковая ільгота — Агульнадзяржаўны класіфікатар

ОКРБ-007-98, ч.1. Код 22.11.20.600

Беларускі навукова-даследчы інстытут

дакументазнаўства і архіўнай справы.

Ліцэнзія ЛВ № 69 ад 12.11.1997.

Выдавец і паліграфічны выканаўца

Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства

і архіўнай справы

Ліцэнзія ЛВ №69 ад 12.11.1997.

220002, Мінск, вул. Крапоткіна, 55

ДЛЯ НАТАТАК

Введение	1
1. Общие сведения	2
2. Описание	3
3. Технические характеристики	4
4. Требования к эксплуатации	5
5. Гарантийные обязательства	6

Адреса

Иркутская область, г. Иркутск
ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

Иркутская область, г. Иркутск

ул. Ленина, д. 10

ДЛЯ НАТАТАК

ISEN 985-6099-71-4

9 789856 099710